

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Феодосий, иером.

**СВ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ,
ЕГО ЖИЗНЬ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЬ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

СОСТАВИЛЪ

іеромонахъ **Ѳеодосій**

(подъ редакцію преосвящ. Никанора, епископа Смоленскаго
и Доробужскаго)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Софкина, Стремянная улица № 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 марта 1897 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Св. Іоаннь Златоустъ жилъ въ IV вѣкѣ. Этотъ вѣкъ — золотой вѣкъ христіанской литературы имѣеть въ немъ наилучшаго своего представителя. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что самые знаменитые церковные ораторы въ христіанствѣ всѣхъ девятнадцати вѣковъ должны уступить Златоустому проповѣднику пальмы ораторскаго первенства. Всякому христіанину, хотя немного образованному, извѣстенъ Златоустый проповѣдникъ Восточной церкви. Это отецъ и учитель церкви изъ великихъ—величайшій. Свѣтъ его ученія льется чрезъ его творенія и понынѣ на всѣхъ, желающихъ черпать изъ великаго и глубокаго океана премудрости. Какъ количествомъ проповѣдей, такъ и ихъ внутренними достоинствами, Златоустъ производитъ на читателя неотразимое впечатаніе. Одинъ изъ древнихъ русскихъ книжниковъ выразился: „Златоустовы уста—Павловы уста; Павловы уста—Христовы уста; убо (слѣдовательно) Златоустовы уста — Христовы уста“.

Впрочемъ, всѣ восторженныя отзывы о Златоустѣ представляютъ собою лишь лепетъ ребенка, пораженного грандіозностью какого-либо памятника и не могущаго его описать... Златоустъ болѣе, чѣмъ кто-либо, достоинъ изученія. И находились люди, всей жизни которыхъ едва хватало на изученіе его твореній...

Но у св. Златоуста слово не расходилось съ жизнью. Это было живое и дѣйственное слово. Жизнь св. Іоанна показываетъ намъ дивную высоту христіанскаго совершенства, коей можетъ достигнуть христіанинъ. Жизнь св. Іоанна высокопоучительна. Доблести жизни и слова возвели сирійскаго аскета на высоту кафедры „новаго“ Рима, а злоба и зависть осатапѣлыхъ враговъ св. Іоанна уготовили ему глубокую чашу тяжелыхъ страданій, испивъ которую до конца, онъ и умеръ въ изгнаніи, съ хвалою къ Богу за радости и скорби жизни: Слава Богу за все!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рожденіе, семейное воспитаніе, образованіе и свѣтская жизнь св. Іоанна.

Лучшимъ изъ „христіанъ“, какихъ дала міру Антиохія Сирійская, былъ св. Іоаннъ, архіепископъ Константинополя и патріархъ Востока, отъ современниковъ и потомства прозванный Златоустымъ за свое неподражаемое краснорѣчіе.

Нужно познакомиться съ городомъ, въ которомъ родился св. Іоаннъ, чтобы точно опредѣлить ту среду и обстановку, въ которыхъ прошли дѣтство и первая половина пастырской дѣятельности Златоуста.

Антиохія была расположена въ Сиріи по обомъ берегамъ глубокой и быстрой рѣки Оронта. „Цвѣтуція массы пахучихъ олеандровъ и нѣжно-благонныхъ жасминовъ“ составляли пріятное украшеніе города, лежавшаго у подножія горы Сильпія. Равнина, окружавшая городъ, была богата виноградниками, лавровыми и миртовыми рощами, изъ коихъ особенно была знаменита „Дафна“ своими цвѣтниками, фонтанами и капищемъ Аполлона. Климатъ Антиохіи былъ весьма пріятенъ; она была любимой лѣтней резиденціей тѣхъ, которымъ надоѣдалъ шумъ столицы имперіи. Въ Антиохіи всего было довольно: сквозь Ливанскіе проходы въ нее доставлялись всѣ богатства Востока, коихъ потребителей здѣсь всегда было много. Вообще Антиохія была однимъ

изъ лучшихъ городовъ „всемирной“ имперіи, какъ по красотамъ природы, такъ и по богатству двухсотъ-тысячнаго народонаселенія. Императоръ Констанцій называлъ Антиохію „царицею Востока“. Во времена св. Златоуста Антиохія была „столицей Сиріи и всего Востока“. Св. Іоаннъ называлъ ее „главою и матерію“ городовъ римской Азіи. Ее населяли: греки, римляне, сирійцы, евреи, арабы и др. Характеръ каждаго племени отражался въ складѣ духовной жизни города. Антиохійцы были просты, изящны, энергичны, искренни, сердечны, легкомысленны и мятежны. По мнѣнію Ливанія, Антиохія въ отношеніи средствъ образованія была тѣмъ же для Азіи, чѣмъ были Аѳины для Европы *).

Христіанство, еще при св. апостолѣ Павлѣ привившееся въ Антиохіи, впоследствии сформировалось здѣсь въ знаменитую апостольскую церковь, одну изъ старѣйшихъ церквей Востока. Во времена Златоуста сто тысячъ антиохійцевъ (половина городского населенія) исповѣдывали св. вѣру. Христіанскія воспоминанія и памятники города весьма знаменательны. Златоустъ говорилъ, что „Антиохія — первый изъ городовъ украсился, какъ дивнымъ вѣнцемъ, именованіемъ христіанъ“. Антиохіи досталась честь имѣть у себя епископами: св. Игнатія, дивнаго жизнью, еще болѣе предсмертными посланіями, а болѣе всего мученическою смертію въ римскомъ амфитеатрѣ, и св. Вавилу, тоже мученика. Ихъ мощи хранились въ Антиохійскихъ храмахъ, посвященныхъ ихъ памяти. Въ Антиохіи было два знаменитыхъ храма: „древній“, построенный Константиномъ В., и „новый“, весьма величественный, — основанный имъ и освященный цѣлымъ соборомъ епископовъ. О церковномъ значеніи города далъ сужденіе св. Василій Великій: „Антиохія — глава, въ случаѣ здоровья сообщаящая его всему тѣлу церкви“.

---

*) Твор. св. отецъ, 1855 г., XIV, 170 (прим.).

Но городъ отличался распущенностію правовъ: многіе антиохійцы носили только имя „христіанъ“. Дафнійская „правственность“ вызывала улыбки у лицъ, хорошо знакомыхъ съ Антиохіей. Было время, когда Дафнійскія увеселенія въ праздникъ мраморной статуи Аполлона дѣлали городъ „постояннымъ праздникомъ порока“, какъ выражаются историкп.

Кажется, въ той самой Сингонской улицѣ Антиохіи, которая (улица) въ дни древніе имѣла своимъ временнымъ жителемъ св. „учителя языковъ“ Павла, одинъ весьма приличный и зажиточный домъ принадлежалъ военачальнику Сирійскихъ войскъ Секунду. Его жену звали Анеусою. Это была весьма добродѣтельная женщина. Оба они были „ревностными“ христіанами Антиохійской церкви. Не долго пришлось имъ наслаждаться семейнымъ счастьемъ: Секундъ умеръ, оставивъ двадцатилѣтней вдовѣ на ея попеченіе двухъ малютокъ, изъ коихъ одному суждено было стать славой и гордостью христіанства. Малютку звали Иоанномъ. Онъ родился въ 347 году.

Молодая, не по лѣтамъ заботливая мать, особенные труды употребила на то, чтобы сынъ ея получилъ наилучшее образованіе. Она берегла и любила его, какъ зеницу ока. Въ своемъ сынѣ св. Анеуса видѣла и надѣялась имѣть утѣшеніе среди многихъ заботъ и горестей, постигшихъ ее, какъ вдову. Ребенокъ былъ для нея сокровищемъ, дарованнымъ отъ Бога, предъ Коемъ она молилась, чтобы Всемогущій Господь сохранилъ его отъ многочисленныхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Ради него св. Анеуса рѣшила остаться вдовою, хотя имѣла весьма почетное положеніе въ обществѣ и большія богатства, ради которыхъ было много искателей ея руки, но, какъ истинная христіанка, св. Анеуса ничему изъ того, чему завидовали люди, не придавала никакого значенія.

Первоначальные уроки вѣры и нравственности св.

Іоаннъ получилъ подъ наблюденіемъ своей матери, у которой священныя книги были пастольными. Вѣроятно, св. Анѳуса поручила какому-либо священнику давать начальныя уроки религіи дорогому мальчику въ своемъ домѣ. Св. Анѳуса не очень торопилась отдать сына языческимъ учителямъ, кои вмѣсто того, чтобы образовывать умъ поручаемыхъ имъ дѣтей, иногда развращали ихъ нравственность. Наставники языческихъ школъ такъ гордились своею образованностію, цѣнили ее такъ высоко, что, какъ говоритъ блаженный Августинъ, готовы были скорѣе простить ученику нарушеніе правилъ нравственности, нежели погрѣшности противъ правилъ словесности и краснорѣчія *). Св. мать сама старалась научить мальчика всему святому и доброму и только лишь тогда рѣшилась вручить его образованіе чужимъ людямъ, когда увидѣла, что юноша съумѣетъ быть твердымъ отъ ихъ искушеній.

Св. Іоанну ко времени начала его образованія было около 16 лѣтъ. Оно началось и окончилось въ Антиохіи. Знаменитому Ливанію выпало па долю быть учителемъ двухъ христіанскихъ свѣтилъ — свв. Василія Великаго и Іоанна, впоследствии названнаго Златоустомъ. Ливаній былъ, дѣйствительно, замѣчательный человекъ своего времени. Онъ имѣлъ въ Антиохіи, въ которой и родился, самую знаменитую школу краснорѣчія. Впрочемъ, Ливаній зналъ не одну Антиохію: онъ былъ въ Константинополѣ, гдѣ ему не посчастливилось, въ Никомидіи, въ Аѳинахъ и снова въ Антиохіи, въ которой и умеръ. У Ливанія всегда было много учениковъ и онъ никогда не переживалъ свою славу; его сочиненія расходились весьма быстро и въ языческомъ обществѣ лишь возрасталъ интересъ къ нимъ. Его судьба тѣсно связана съ Юліаномъ, несчастнымъ императоромъ Востока и Запада, который хотѣлъ повернуть исторію назадъ возвраще-

---

*) Твор. св. отецъ. 1855 г. XIV, 173.

ніемъ язычеству всеї той славы и того почетнаго положенія, которыя быстро перешли къ христіанству. Ливаній былъ ближайшимъ сподвижникомъ Юліана, хотя не одобрялъ насилія въ дѣлѣ вѣры и совѣсти и отличался осторожностію въ сужденіи о христіанствѣ, съ примѣсю легкой ироніи и недовѣрія.

Св. Іоаннъ поступилъ ученикомъ въ школу Ливанія послѣ смерти Юліана, когда знаменитый риторъ оставилъ свою политическую роль и предался болѣе благодарному труду образованія юношества. Ливаній со свойственною ему проницательностію быстро нашелъ въ новомъ своемъ ученикѣ тѣ необыкновенныя дарованія ума и сердца, коими послѣдній дѣйствительно выдавался изъ ряда прочихъ. Ливаній, какъ любитель своего искусства, съ радостію занялся литературнымъ развитіемъ юноши. И послѣдній со свойственнымъ ему прилежаніемъ и талантомъ принялся за ученье. И ученикъ зналъ цѣну своему учителю, почему не желалъ терять времени. У него не было досуга для развлеченій, которыхъ, помня завѣты горячо любимой матери, онъ избѣгалъ. Успѣхи св. Іоанна въ школѣ Ливанія были быстры и поразительны и учитель не могъ не радоваться, глядя на своего лучшаго ученика, въ счастливо-знаменательной будущности котораго онъ не сомнѣвался, предъугадывая и предсказывая ему славу и богатство, напр., въ занятіи адвокатурою. Желая отличить своего любимаго ученика въ ряду прочихъ, менѣе его даровитыхъ, Ливаній, однажды, въ дружественномъ собраніи товарищей по ремеслу прочиталъ имъ написанную въ похвалу императоровъ рѣчь св. Іоанна, вызвавшую восторгъ въ слушателяхъ, какими были настоящіе знатоки и цѣнители краснорѣчія. Самъ Ливаній о себѣ талантливой рѣчи, которая, вѣроятно, относилась къ императорамъ Валентиніану и Валенту, далъ отзывъ, служившій выраженіемъ мнѣнія собранія: „Счастливы писатель, умѣющій такъ прославлять императоровъ! Счастливы императоры,

что царствуютъ въ такое время, когда міръ владѣеть такимъ удивительнымъ писателемъ“. Намъ неизвѣстна эта рѣчь, которая была первымъ литературнымъ трудомъ св. Іоанна, и достигла-ли она ушей прославляемыхъ императоровъ — мы не знаемъ. Извѣстно только, что въ сей рѣчи, по отзыву Ливанія о ней съ формальной стороны, св. Іоаннъ „съ искусствомъ судебного слова соединилъ силу ораторскихъ доказательствъ“. Необходимо замѣтить, что въ школѣ Ливанія св. Іоаннъ изучилъ подробно и основательно греко-римскую литературу. На томъ и закончилъ онъ свое литературное образованіе у Ливанія. Св. Іоаннъ былъ весьма многимъ обязанъ ему, какъ учителю. Привлекаемый къ Ливанію его терпимостію и честностію, мягкимъ его отношеніемъ ко всякому человѣку, помимо его убѣжденій и виѣшняго положенія, св. Іоаннъ „научился у Ливанія на началахъ свободы воли и совѣсти возводить задуманное зданіе, словомъ, какъ отзвукомъ души, вліяя на волю человѣка *).

Изъ школы краснорѣчія св. Іоаннъ сталъ ходить въ школу философіи, въ которой преподавалъ Андрофагій, имя котораго исторія сохранила только потому, что онъ былъ учителемъ Златоуста. Андрофагій не былъ на столько замѣчательнымъ мыслителемъ, чтобы могъ сильно вліять на убѣжденія своихъ учениковъ. Но для такого глубокаго ума, какимъ владѣлъ уже литературно-образованный Златоустъ, это не представляло существенныхъ неудобствъ. Св. Іоаннъ сталъ самостоятельно заниматься философіей, причемъ роль учителя, вѣроятно, сводилась къ тому, что онъ указывалъ лишь лучшія сочиненія и источники для знакомства съ исторіей человѣческой мысли.

Школьное образованіе св. Іоаннъ закончилъ, имѣя немного болѣе 20 лѣтъ отъ роду. При описаніи жизни замѣчательныхъ въ исторіи человѣчества дѣятелей

---

*) Богословскій Вѣстникъ, 1895 г., октябрь, стр. 335.

имѣють обыкновеніе останавливаться на подробностяхъ дѣтства и юности описываемыхъ людей. Сдѣлаемъ это и мы.

Мать Златоуста жила въ Сингопской улицѣ, откуда юноша и ходилъ къ своимъ учителямъ въ школы. Златоустъ происходилъ изъ зажиточной и благородной семьи, но въ обстановкѣ ея жизни было все просто. Одежда св. Іоанна, весьма приличная, не была, однако, роскошна и изысканна. Въ школу онъ ходилъ иѣшкомъ въ противоположность своимъ богатымъ товарищамъ, которые ѣздили въ колесницахъ или водили за собою большое число рабовъ. Онъ и по окончаніи образованія чуждъ былъ стремленій къ роскоши и блеску, какъ самъ говорилъ о себѣ впоследствии.

Въ обращеніи съ товарищами св. Іоаннъ былъ простъ, смиренъ, скромнъ и не любилъ блгнкетать своими богатыми познаніями. Были у него въ школѣ товарищи и друзья, но онъ отличался особенною осторожностію въ ихъ выборѣ. Исторія знаетъ, какъ близкихъ ему лицъ по школѣ: Теодора, Макенма и особенно Василія. Всѣ они впоследствии были предстоителями знаменитыхъ церквей. Друзья Златоуста весьма цѣнили его дружбу, потому что онъ умѣлъ быть нескренимъ, твердымъ, постояннымъ и неизмѣннымъ другомъ. Дружбу свою съ Василіемъ Златоустъ подробно описалъ въ твореніи „о священствѣ“. „Много было у меня,—пишетъ святи- тель—друзей нескренихъ и вѣрныхъ, знавшихъ и строго соблюдавшихъ законы дружества. Но изъ числа мно- гихъ одинъ превосходилъ всѣхъ другихъ любовью ко мнѣ, и столько отличался предъ ними расположеніемъ ко мнѣ, сколько сн послѣдніе въ сравненіи съ людьми, не имѣвшими особенной ко мнѣ привязанности. Онъ былъ всегда неразлучнымъ спутникомъ моимъ, мы учились однимъ наукамъ, слушали однихъ учителей, съ одинаковой охотой и ревностію занимались краспорѣ- чіемъ и другими науками, одинаковыя имѣли желанія

и изъ одного источника протекавшіе. И не только въ то время, когда ходили къ учителямъ, но и по выходѣ изъ училища, когда надлежало совѣтываться, какъ лучше избрать намъ путь жизни, и въ семъ случаѣ мы оказались согласными въ нашихъ мысляхъ. Кромѣ того и другія причины сохранили нашъ союзъ неразрывнымъ и твердымъ. Ибо мы не могли превозноситься одинъ передъ другимъ преимущественною славою отечества; не случилось также и того, чтобы я изблловалъ богатствомъ, а онъ жилъ въ крайней бѣдности; но и мѣра нашего имущества была столь же равна, какъ наши чувствованія“.

¶ Если св. Іоаннъ въ дни своей юности шелъ твердою нравственною дорогою, если онъ всегда осторожно относился къ искушеніямъ „дафнійской нравственности“ и не увлекался ими, то потому, что благодать Божія уже искала его и уготовляла въ немъ себѣ избранный сосудъ и потому, что любящій глазъ матери всегда наблюдалъ за нимъ, а ея священные завѣты добра и любви всегда громко звучали въ его чистой непостыдной совѣсти. А она все силы и средства употребила на его воспитаніе, что признавалъ и весьма цѣнилъ горячо любившій ее сынъ. Ему хорошо была извѣстна трудная вдовья жизнь его матери, заботы и издержки, употребленныя ею на его воспитаніе. „Сынъ мой! я не долго,—передаетъ св. Іоаннъ рассказъ своей матери,—наслаждалась сожителствомъ твоего добродѣтельнаго отца. Такъ угодно было Богу. Смерть его, послѣдовавшая вскорѣ за болѣзнями твоего рожденія, принесла тебѣ сиротство, а мнѣ преждевременное вдовство со всеми его горестями, которыя могутъ быть хорошо извѣстны только вдовамъ. Ибо никакими словами невозможно изобразить той бури и тѣхъ волненій, какимъ подвергается молодая женщина, недавно вышедшая изъ родительскаго дома, еще не опытная въ дѣлахъ жизни,—и вдругъ, пораженная скорбію вдовства и принужденная принять на

себя заботы, превышающія возрастъ и самую природу ея. Она должна исправлять перадѣвнїе слугъ, примѣчать ихъ лукавства, разрушать злые умыслы родственниковъ, мужественно переносить притѣсненія и безжалостныя вымогательства сборщиковъ податей. Если же по смерти супруга останутся дѣти,—пусть это будетъ дочь,—много и она принесетъ заботы матери, по крайней мѣрѣ забота о ней не будетъ соединена съ издержками и страхомъ. Но за сына она подвергается тысячѣ опасеній на каждый день и великимъ заботамъ. Я не говорю уже о тѣхъ издержкахъ, какія требуются отъ матери, если она желаетъ дать сыну хорошее воспитаніе. Однако, никакія невыгоды моего положенія не заставили меня вступить во второй бракъ и ввести другого мужа въ жилищице твоего отца. Среди смятеній и безпокойствъ я пребыла твердою... Меня подкрѣпляла высшая помощь. Не мало въ моихъ печаляхъ утѣшалась тѣмъ, что всякую минуту смотрѣла на твое лице и видѣла въ немъ живой и вѣрный образъ твоего отца. Будучи еще младенцемъ и едва умѣя лепетать, когда дѣти бываютъ особенно пріятны родителямъ, ты уже приносилъ мнѣ много отрады... Съ своей стороны я дѣлала все, чтобы удалить отъ тебя малѣйшее понеченіе о нуждахъ жизни... Никто изъ друзей не можетъ доставить тебѣ большаго спокойствія. Нѣтъ никого, кто бы заботился о твоёмъ благополучіи столько, сколько я“. Какой высокій взглядъ высказала въ сихъ словахъ св. Апѳуса на положеніе христіанской вдовы и на отношеніе ея къ своей семьѣ, прекрасно при томъ осуществленный на дѣлѣ замѣчательной матерью Златоуста. Не даромъ Ливаній, на свои разспросы о матери св. Іоанна получавшій отъ него точные и восторженные рассказы о ней, воскликнулъ: „какія чудныя жепщны у христіанъ“ *).

---

*) Жизнь св. Іоанна Златоустаго, Архіепископа Константинопольскаго. Москва. 1860 г., стр. 7.

Эти рѣчи приподнимають завѣсу надъ семейной жизнью св. Апѳусы. Мы отсюда знаемъ, что воспитаніе сына она считала главнымъ призваніемъ своимъ. И вотъ достойная мать великаго сына учила его самоотреченію, самопожертвованію, покорности высшему Промыслу, горячей любви къ людямъ. Уроки эти успѣшно привились къ св. Іоанну. Онъ никогда не пренебрегалъ совѣтами матери, клонившимися къ тому, чтобы онъ принялъ въ свое юное сердце Христа, Коего она была послѣдовательницею;

• Св. Іоаннъ усердно слушалъ совѣты матери. У него еще во время образованія была мысль по окончаніи ученія посвятить себя Христу; онъ уже рѣшался было подъ влияніемъ своего друга Василія принять даже иночество. Но 20-лѣтній юноша, какимъ быть св. Іоаннъ, оказался менѣе рѣшительнымъ въ выборѣ жизненнаго пути, чѣмъ св. Василій. Съ сожалѣніемъ вспоминалъ впоследствии св. Іоаннъ о своемъ намѣреніи, когда онъ хотѣлъ въ 20 лѣтъ сдѣлаться инокомъ. „Когда другъ мой, по истинѣ блаженный, рѣшился посвятить себя иноческой жизни и истинной философіи, тогда на вѣсахъ жизни нашей потерялось равновѣсіе. Его жребій, по причинѣ легкости своей, возвысился, а я, все еще „увлекаемый пожеланіями мірекини“, унизилъ мою участь, клонилъ ее долу, отяготивъ „юношескими мечтами“... Оказалось невозможнымъ жить вмѣстѣ тѣмъ, у которыхъ „различны были желанія“. Св. Василій сдѣлался инокомъ, а св. Іоаннъ избралъ путь свѣтской жизни, который, быть можетъ, преодался тогда его воображенію самыми радужными красками. Тутъ-то для матери св. Іоанна настала пора самыхъ разнообразныхъ, тягостныхъ и великихъ заботъ, опасеній, тревогъ, волненій, тайныхъ молитвъ за своего любимаго сына...

Но Промыслъ Божій велъ его по пути, имъ предначертанному. Богу угодно было, чтобы сей юноша, увидѣвъ жизнь съ самой ея непріятной стороны, призналъ

собственнымъ опытомъ еуетность жизни въ мірѣ. Св. Іоаннъ вмѣсто пночества избралъ адвокатуру. И онъ въ короткое время такъ освоился съ снмъ сложнымъ дѣломъ, что своею уснѣшною защитой невпннхъ быстро пріобрѣлъ себѣ извѣстность, друзей, многія почести. Св. Іоаннъ новель свѣтскій образъ жизни, сталъ посѣщать театры и мѣста увеселительныя, началъ забывать сладость Священнаго Писанія, которое издѣтства было ему знакомо, завѣты матери казалсь скучными... Къ счастью это увлеченіе продолжалось слишкомъ не долго. Легкое облачко мірскихъ прелестей набѣжало на сознаніе св. Іоанна съ тѣмъ, чтобы быстро сойдти и никогда, никогда не возвращаться.. Однако, этотъ оныть не прошелъ даромъ: св. Іоаннъ узналъ всю горечь мірскихъ заботъ, кон, какъ бы сложны и разсчитливы ни были, никогда не награждаютъ человѣка душевнымъ благодушіемъ. Наблюденіе надъ жизнью показало ему, что въ мірѣ слишкомъ часто понирается правда, законъ, совѣсть, честь.

Театры и зрѣлища, кон составляли страсть жителей сирійской столицы, скоро возбудили отвращеніе въ св. Іоаннѣ. Онъ пришелъ къ сознанію непригодности нравственныхъ началъ языческой жизни опытомъ, какъ тѣ-же самое раньше ему показывали Св. Писаніе, мать, совѣсть его и наука, которую онъ изучилъ тщательно.

Св. Іоаннъ быстро измѣнилъ разъ навсегда свои цѣли и стремленія, а съ ними и порядокъ своей жизни. Онъ, къ великой радости матери и христіанъ, весьма о немъ наслышавшихся, рѣшилъ посвятить себя христіанству, которое и по существу и въ исторіи изучилъ основательно. Кромѣ блестящаго образованія (причина отрицательная), какое дали ему учителя, кромѣ строго нравственнаго воспитанія (положительная причина), какое дала ему мать, симпатіи св. Іоанна къ христіанству развились подъ впечатлѣніями дѣтства и родины. Юность св. Іоанна падаетъ, какъ разъ на то славное и не повто-

римое время, когда центръ всемірної жнзни переходилъ изъ язычества въ христіанство. Св. Іоаннъ на родинѣ своей могъ наблюдать предемертную агонію язычества, послѣ удара, нанесеннаго ему св. Константиномъ Великимъ, и полный разцвѣтъ могучихъ Божественныхъ силъ христіанства. Изъ не далекаго прошлаго св. Іоанну передавались разсказы о мученическихъ временахъ, о славныхъ неповѣдникахъ, которые стариками были еще въ его время, о страшныхъ орудіяхъ мученій, о побѣдѣ христіанства, о великихъ всемірно-религіозныхъ волненіяхъ, наступившихъ послѣ побѣды, о вселенскомъ соборѣ въ Никее, о его многострадальномъ великомъ дѣятелѣ св. Аѳанасіи, о борьбѣ православія съ аrianствомъ, удары которой весьма сильно слышались и въ его родномъ городѣ, о славной дѣятельности св. Василія Великаго, о неудачѣ, постигшей императора Юліана, при исполненіи его намѣренія вновь отстроить совершенно разрушенный Іерусалимъ, когда ненавистнѣе съ неба чудесный огонь попалилъ все начатія постройки, такъ что іудеи въ ужасѣ отказались возстановить свою столицу, разрушенную въ возмездіе за Богоубійство...

Все знаменитые отцы IV вѣка, славнѣйшаго въ исторіи христіанства, воспитались на этихъ впечатлѣніяхъ. И Златоустъ въ полной мѣрѣ цѣнилъ сладость воодушевленія, обнимавшаго его во время слухъ разсказовъ. А великіе характеры всегда образуются посреди бурь и скорбей.

Св. Іоаннъ въ Антиохіи собственными глазами видѣлъ гоненіе на христіанство отъ язычниковъ, давшее ей славныхъ мучениковъ и неповѣдниковъ. Это случилось въ двухлѣтнее царствованіе Юліана, который сдѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку возстановить и обновить язычество въ греко-римскомъ мірѣ и подавить христіанство. Для достиженія этихъ цѣлей были Юліаномъ употреблены различныя мѣры, не приведшія къ желательнымъ послѣдствіямъ, хотя и падѣлавшія много

вреда св. церкви. Пришлось употребить старое испытанное средство—гонения. Но Христос посрамил язычника-императора. Это случилось на глазах у мальчика св. Иоанна, когда ему было около 15 лѣтъ. Юліанъ въ 362 году прибылъ въ Антиохію и сталъ тѣснить христіанство. Въ предмѣстіи ея былъ древній храмъ Аполлона. „Дафнійская“ роща окружала его. Никто уже не молился въ идольскомъ капищѣ, храмъ былъ пустъ. Погребенныя неподалеку отъ него мощи св. Вавилы, еп. Антиохійскаго, въ храмѣ его имени, привлекали постоянно толпу богомольцевъ христіанъ, вѣрою получавшихъ исцѣленія отъ св. мощей. Думая, что присутствіе св. мощей умалило славу и толпу богомольцевъ идольскаго храма, Юліанъ приказалъ христіанскій храмъ закрыть, а св. мощи Вавилы перенести въ другое, болѣе отдаленное мѣсто. Нечестивое повелѣніе было исполнено. Христіане торжественно перенесли св. мощи при пѣніи псалма: „да посядутся кланяющіеся иступкамъ, хвалящіеся о идолахъ своихъ“. Это оскорбило Юліана и онъ приказалъ арестовать многихъ христіанъ, ввергнуть ихъ въ темницы и предать мукамъ, которыми 15-лѣтній пѣвецъ Ѳеодоръ и нѣкоторыя діакониссы уготовили себѣ небесныя вѣнцы. Богъ отметилъ за мучимыхъ: неожиданно для всѣхъ капище Аполлона поражено было молніей и сгорѣло. Юліанъ, озлобившись сильно, приказалъ закрыть и разграбить главный христіанскій храмъ въ Антиохіи.

При исполненіи приказанія пострадалъ мученически пресвитеръ Ѳеодоритъ. Мальчикъ св. Іоаннъ видѣлъ эти ужасы, видѣлъ печаль христіанъ и матери своей, которая объяснила ему, конечно, весь смыслъ сихъ потрясающихъ событій.

Въ душѣ мальчика зарождалась глубокія симпатія къ славному христіанству. Съ какою-же радостію оба—и мать и сынъ—услышали, что нечестивый гонитель пораженъ стрѣлою въ битвѣ съ персами; въ этомъ они

увидѣли исполненіе предказанія, даннаго пресвитеромъ Феодоритомъ предъ смертію и однимъ христіанскимъ учителемъ, на вопросъ Ливанія: что подѣлываетъ сынъ плотника?—отвѣтившимъ, „что сынъ плотника есть Господь, Христосъ и Богъ, строящій теперь погребальныя дороги“ (оказалось) для Юліана. Свѣтъ язычества померкъ совсѣмъ и послѣдствія гоненія быстро исчезли. Чудная сила христіанства для св. Іоанна была очевидна.

Перемѣнивъ жизнь, св. Іоаннъ началъ готовиться ко крещенію. Огласителемъ его въ истинахъ св. христіанской вѣры былъ самъ епископъ Антіохіи Мелетій.

Это былъ замѣчательный архипастырь, пользовавшійся удивительною любовью у пасомыхъ. „При одномъ имени его они приходили въ восторгъ“, именемъ Мелетія называя дѣтей своихъ и помѣщая изображенія его на перетняхъ, печатяхъ, чашахъ и стѣнахъ жилищъ. Св. Мелетій, пророческимъ духомъ предвидя будущую славу св. Іоанна, особенныя заботы приложилъ къ его дунѣ, возвращая ее въ познаніи таинъ Христовыхъ и укрѣпляя на будущіе подвиги пастырства.

Высокообразованный и высоконравственный св. Іоаннъ такъ серьезно относился къ своему духовному просвѣщенію, что счелъ пужнымъ цѣлыхъ три года пользоваться уроками и наставленіями св. Мелетія, богомудраго епископа Антіохіи.

Учитель по чувству удивленія предъ талантами ученика, а сей послѣдній по благоговѣнію и любви къ учителю, въ эти годы весьма сблизились между собою. Въ 367 году началось духовное знакомство свят. Мелетія съ св. Іоанномъ, когда онъ тогу адвоката и язычника перемѣнилъ на бѣдную одежду чернаго цвѣта.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

**Крещеніе св. Іоанна, его жизньъ въ пустынь, пригото-
вленіе къ пастырству; служеніе въ санѣ діакона и
пресвитера.**

Крещеніе св. Іоанна совершилось въ 369 году. Св. Іоаннъ давно понималъ важность сего таинства, которое для него было полнымъ внутреннимъ обновленіемъ. По Палладію, краснорѣчивѣйшему біографу Златоуста, его другу и ученику, св. Іоаннъ по принятіи благодати крещенія никогда не употреблялъ клятвы, не говорилъ неправды, не злословилъ, не зложелательствовалъ и не позволялъ себѣ насмѣшекъ и даже шутокъ надъ ближними, но былъ весьма скромнъ и молчаливъ. Златоустъ съ особымъ рвеніемъ, присущимъ ему и раньше, принялся тщательно изучать священное Писаніе и вмѣстѣ съ другомъ монахомъ Василіемъ началъ посѣщать христіанскую Антиохійскую въ монастырѣ помѣщавшуюся школу, знаменитостями которой были извѣстнѣйшіе толкователи св. Писанія—пресвитеры Діодоръ и Флавіанъ.

Св. Іоаннъ началъ давно, но теперь усиленно продолжать аскетическіе подвиги, пока въ домѣ матери, хотя св. Василій, посѣщавшій его ежедневно, убѣждалъ его оставить шумный городъ и переселиться въ пустыню для подвижническихъ цѣлей. И хотя въ 370 году св. Іоаннъ былъ сдѣланъ „чтецомъ“ свящ. Писанія (какая скромная должность для христіанина съ такими блестящими талантами, какими обладалъ св. Іоаннъ!) въ главной Антиохійской церкви, онъ тѣмъ не менѣе было окончательно рѣшился послѣдовать совѣтамъ своего друга. Убѣжденія и слезы матери, по удаленіи сына имѣвшей остаться совершенно одиокой, однако, еще разъ оказались сильнѣе пламенныхъ и краснорѣчивыхъ

описаній прелестей аскетической жизни, коей св. Іоаннъ въ душѣ глубоко сочувствовалъ. Мать говорила ему: „Потерпи до моей кончины. Можетъ быть жизнь моя не долго продлится... Когда предашь тѣло мое землѣ и прахъ мой соединишь съ прахомъ твоего отца, тогда предпринимай далекія путешествія... Но пока я дышу, не разлучайся со мной... Если я дѣлаю съ своей стороны все, чтобы удалить отъ тебя малѣйшее попеченіе о нуждахъ жизни, то пусть хотя это привяжетъ тебя ко мнѣ“... Златоустъ послушался матери, которая еще не долго жила. Ей суждено было съ высоты небесъ созерцать борьбу, торжество и страданія, которыя суждены были ея любимому сыну. И св. Іоаннъ послѣ ея смерти получилъ полную свободу дѣйствій, которую воспользовался для того, чтобы, покончивъ счеты съ міромъ, удалиться въ монастырь. Это случилось въ 373—4 году, когда св. Іоанну было не болѣе 26½ лѣтъ.

Но въ это время случилось еще одно событіе, которое сначала было препятствіемъ, а потомъ поводомъ для того, чтобы скорѣе скрыться въ монастырь. Императоръ Валентъ, аріанинъ по повѣданію, началъ съ 370 года преслѣдовать православныхъ епископовъ, изъ коихъ многихъ (даже св. Мелетія Антиохійскаго) отсылалъ въ заточеніе, вслѣдствіе чего многіе епископскіе престолы остались безъ епископовъ. Антиохійцамъ — православнымъ уже теперь настолько были извѣстны и любезны имена Василія и Іоанна, что соборъ епископовъ рѣшилъ поставить ихъ „юношей“, по уваженію къ ихъ православію, учености и нравственной крѣпости, епископами, не смотря на то, что св. Іоанну, напр., тогда едва минуло 27 лѣтъ. Но „мудрость не числомъ лѣтъ не считается“ — особенно та, которая состоитъ въ покорности всепроевѣщающему св. Духу благодати и вѣдѣнія. Друзья смутились, когда узнали о рѣшеніи собора, и начали совѣщаться, что предпринять въ семъ негннно затруднительномъ случаѣ. Св. Іоаннъ, узнавъ о колеблющемся

согласіи Василія принять епископство, не хотѣлъ лишать церкви Рафанской, къ которой его поставитъ хотѣли, такого достойнаго мужа, какимъ былъ св. Василій, и рѣшилъ содѣйствовать его посвященію. Самъ же св. Іоаннъ положилъ въ сердцѣ бѣжать, бѣжать въ пустыню отъ опасной епископской почести, которую считалъ для себя совершенно непосильнымъ бременемъ. Св. Іоаннъ просилъ друга повременить рѣшеніемъ, которое подскажутъ обстоятельства, и друзья разстались, при чемъ св. Василій былъ убѣжденъ, что св. Іоаннъ будетъ единодушенъ съ нимъ въ рѣшеніи. Въ назначенное время св. Василія вызвали въ засѣданіе собора изъ пустыни и объявили ему касавшееся его рѣшеніе. Когда св. Василій началъ отказываться, ему печально намекнули, что св. Іоаннъ согласился на принятіе епископства,—и онъ выразилъ покорность принять посвященіе. Но каковы-же были его удивленіе, печаль и слезы, когда онъ узналъ, что св. Іоаннъ удалился въ милую пустыню для аскетическихъ подвиговъ, которую св. Василій теперь потерялъ, сдѣлавшись Рафанскимъ епископомъ!

Намѣренія собора, имѣвшаго такое высокое мнѣніе о достоинствахъ 27 лѣтняго Іоанна, взволновали весь его внутренній міръ. Онъ искренно удивлялся, какъ выдающіеся пастыри могли находить въ немъ скрытые таланты, когда, по собственному суду, онъ имѣлъ одни только недостатки. Св. Іоаннъ и самъ радъ былъ послужить въ пастырскомъ санѣ Церкви Христовой, по ужасу своей нравственной немощи, не дозволявшей его совѣтн дать свое согласіе на избраніе въ святиТЕЛЬскій санъ. Онъ понималъ, что ему надо было много работать надъ собой, чтобы освободиться отъ немощей, сколько послѣднее по силамъ для христіанина. Для сего св. Іоаннъ удалился туда, гдѣ главнымъ и единственнымъ дѣломъ было искорененіе страстей, воспитаніе души по закону Христову—въ монастырь, въ горы Сиріи. Для

св. Іоанна монастырская жизнь была школою воспитанія пастырскаго духа, которое сводится къ личному нравственному совершенствованію и возвращенію въ себѣ любви къ людямъ до отданія за ихъ спасеніе жизни своей. Св. Іоаннъ хорошо зналъ, что пастыремъ можетъ быть только тотъ, кто, сколько возможно, достигъ нравственной побѣды надъ своими немощами, ибо безъ сего нельзя быть примѣромъ благочестія, и возлюбилъ немощныхъ людей, не смотря на ихъ немощи, такъ какъ нельзя спасать людей, не любя ихъ. Св. Іоаннъ любилъ иноческую жизнь общежительныхъ сирійскихъ монастырей, которую велъ четыре года подъ неслабнымъ и бдительнымъ руководствомъ одного грубаго и суроваго пустынника (Гезихія), котораго совѣты исполнялъ безпрекословно. Онъ всегда съ благоговѣніемъ описывалъ иноческую жизнь, ея обстановку, удобство спасенія, недостатки удобствъ житейскихъ и проч.

Жизнь монаховъ, въ среду которыхъ вступилъ Златоустъ, была очень сурова. Ими населены сирійскія горы, пустыни и долины. „Сія свѣтильники міра, едва начинаютъ восходить солнце, или еще до разсвѣта, встаютъ съ ложа здоровы, бодры и свѣжи. Ибо ихъ не возмущаетъ ни печаль, ни забота, ни трудъ, ни множество дѣлъ; но они живутъ подобно Ангеламъ на небѣ. Вставъ съ ложа, бодрые и веселые, все вмѣстѣ съ свѣтлымъ лицомъ и совѣтію составляютъ одинъ ликъ, и какъ бы едиными устами поютъ гимны Богу всечестныхъ, прославляя и благодаря Его... Съ колѣнопреклоненіемъ призываютъ они Господа на помощь въ такихъ дѣлахъ, которыя другимъ не скоро бы и на умъ пришли“. Послѣ молитвы иноки занимались священнымъ Писаніемъ, а неграмотные руководимы. По разговору ихъ легко догадаться, что они—граждане неба. „Уста ихъ не могутъ произносить ни одного дурнаго слова..., но каждое достойно неба“. „Низшихъ тамъ не оскорбляютъ презрѣніемъ; ибо тамъ никто не уни-

жаеть другихъ. А если бы кто ихъ и унижать, они тѣмъ болѣе научаются переносить презрѣніе, поруганіе, уничиженіе въ словахъ и дѣлахъ“. „Тамъ не услышишь, чтобы кто оскорблялъ другаго, не увидишь тамъ оскорбляемыхъ“. „У пустытниковъ не только одна пища и одинаковая одежда, но и одна душа по взаимной любви, по отсутствію у всѣхъ гордости... У нихъ нѣтъ ни бѣдности, ни богатства, ни славы, ни безчестія“... „Трапеза ихъ безъ всякаго излишества, чиста, исполнена благочестія... Въ пищу у нихъ употребляются только хлѣбъ и вода—хлѣбъ отъ трудовъ праведныхъ и вода отъ чистаго источника, овощи составляютъ ихъ лакомство“... „Трапеза ихъ—трапеза ангеловъ“. „Одежду дѣлали они себѣ изъ козьей или верблюжьей шерсти, а нѣкоторые довольствовались одною кожею, и то ветхою“. „Многимъ постелью служить просто трава, небо служить вмѣсто покрывала, луна вмѣсто свѣтильника.“ „Сонъ ихъ благоприличенъ... Великій страхъ предъ Богомъ не позволяетъ имъ впадать въ глубокій сонъ и погружать душу въ плоть“. „Тамъ никто не призываетъ слуги, ибо всякій самъ можетъ удовлетворить свои нужды. Сами они разводять огонь, сами колютъ дрова, сами готовятъ пищу, сами служатъ приходящимъ. Нѣтъ тамъ ни принимающихъ приказанія, ни приказывающихъ, но всѣ слуги, каждый омываетъ ноги странниковъ и одинъ передъ другимъ стараются оказывать имъ услуги, не разбираютъ они, кто къ нимъ пришелъ, рабъ или свободный, но дѣлаютъ это для всѣхъ равно“. „Любятъ они обращаться съ нищими и увѣчными и за столомъ ихъ много такихъ гостей и потому-то они достойны неба. Одинъ врачуетъ раны недужнаго, другой водить слѣплаго, иной носитъ безногаго“. „И все это происходитъ у иноковъ отъ благого настроенія души“. „Самоумерщвление и любовь къ ближнимъ—вотъ отличительныя начала жизни братіи“. „Если бы можно было отворить двери сердца ихъ, и увидѣть душу ихъ и

всю красоту внутреннюю, то невозможно было бы вывести сияния красоты ихъ души, свѣтлости внутреннихъ одеждъ и блеска ихъ совѣсти“. „Они-суть свѣтильники, сіяющіе по всей землѣ; стѣны, которыми ограждаются и поддерживаются города“ *).

Св. Іоаннъ раздѣлялъ съ братіей все трудности иноческаго житія, участь смиренію, побѣждая горячность и гнѣвливость, борясь съ плотію, служа другимъ по любви къ нимъ. Онъ старался бороться съ многоразличными искушеніями и побѣда досталась ему послѣ тяжелой борьбы, о которой онъ самъ разсказалъ. Дамаскинъ сказалъ въ похвальномъ словѣ св. Іоанну, что „какъ роза вырастаетъ среди шиповъ, такъ въ подвигахъ добродѣтели возросло это благовонное и пріятное Богу растение“, именно высокопоучительный и мощный характеръ св. Іоанна. Не говоря объ искушеніяхъ плоти и діавола, самая суровость обстановки иногда ужасала его. „Видъ густыхъ лѣсовъ, сотрясаемыхъ бурными порывами вѣтра, на вершинѣ которыхъ вили гнѣзда хищныя птицы, невозмутимое уединеніе, неприступныя скалы надъ глубокими пропастями, свирѣпый ревъ быстрыхъ потоковъ, съ стремительною несшихся по каменистой поверхности горныхъ ущелій, не могли не производить грустнаго впечатлѣнія на сердце человѣка, привыкшаго видѣть чистые, прозрачные источники съ кипарисовыми рощами Дафны, роскошныя сады Антиохіи съ ея великолѣпными зданіями, и ея очаровательныя окрестности“ **). Однако, все условія, подъ совокупнымъ дѣйствіемъ которыхъ развивался пастырскій духъ св. Іоанна, помогли ему воспитать въ себѣ такую твердость, что онъ говорилъ: „пусть станетъ противъ меня все—поношеніе, брань, насмѣшки, клевета, мечъ, огонь, голодъ, болѣзни, смерть и все жестокое, что ни случается въ этой жизни—

---

*) Б. Вѣстникъ, 1895 г. Октябрь, 23—28 стр.

**) Жизнь св. Іоанна Златоуста. Москва. 1860. 50 стр.

я пойду своимъ путемъ“. Это—результатъ четырехлѣтняго подвижничества. И Промыслъ уже указывалъ св. Іоанну направленіе его пути. Аріанствующій императоръ Валентъ, въ 372 году изгнавшій горячолобимаго христіанской Антіохіей и ев. Іоанномъ еп. Мелетія въ заточеніе, теперь въ 376 году издалъ указъ о изгнаніи монаховъ изъ монастырей для отдачи ихъ въ военную службу. Монахи были оплотомъ преслѣдуемаго императоромъ православія. Св. Іоаннъ, монахъ и приверженецъ иночества, но влеченію мужественнаго сердца своего и просьбъ другихъ, выступилъ съ сочиненіемъ въ защиту гонимыхъ, произведшимъ ослабленіе дѣйствія страннаго указа. Наконецъ, св. Іоаннъ (подобно Моисею, Іліи и самому Спасителю предъ началомъ ихъ общественной дѣятельности) удалился въ уединенную пещеру для новыхъ тяжелыхъ аскетическихъ подвиговъ. „Одному Богу извѣстны великіе подвиги, имъ въ ней совершенные, всѣ труды, имъ подъятыя, всѣ скорби, имъ испытанныя“ *), и пламенная молитва, непрестанно чистымъ еиміамомъ изъ глубины сокрушеннаго сердца его возносившаяся къ Богу. Два года подвизался святой Іоаннъ въ уединеніи, въ которомъ питался однимъ хлѣбомъ и мало отдыхалъ, опираясь на стѣну пещеры, мрачной, сырой и холодной. Все это тяжело отозвалось на слабомъ и болѣзненномъ тѣлѣ подвижника, но, при помощи тѣла, духъ отличался твердостію и полнотою силъ. А изъ Антіохіи, съ ея стотысячнымъ христіанскимъ населеніемъ, уже доходилъ до Іоанна зовъ возвратившагося изъ ссылки епископа Мелетія, приглашавшій поваго Ілію, новаго Іоанна, поваго Моисея — святого Іоанна послужить обуреваемой волненіями и страстями людей цѣркви Божіей и немощнымъ людямъ. Св. Іоаннъ, уже мужъ, крѣпкій духомъ, великій умомъ, пѣкный сердцемъ, еще разъ оглянулся на себя, само-

---

*) Жизнь св. Іоанна Златоуста. Москва. 1860. 95 стр.

углубился въ свою душу, сказалъ себѣ подѣ вліяніемъ благодати Христовой: „я готовъ“ — и явился въ Антиохію...

Отчасти это пужно было ему для возстановленія ослабленныхъ подвигами тѣлесныхъ силъ и здоровья. Но „не только для излѣченія отъ тяжкихъ недуговъ, не для покойной жизни возвратился св. Іоаннъ въ міръ, а главнымъ образомъ для труднаго и тяжелаго служенія человѣческому страданію и возрожденію въ качествѣ пастыря Церкви... Его возвращеніе въ Антиохію подобно таковымъ же возвращеніямъ великихъ отшельниковъ, столпниковъ и подвижниковъ въ оставленный ими міръ, когда наставали трудныя времена для церкви Христовой. Оно подобно выступленію на общественное служеніе великихъ посителей пастырскаго духа—пророковъ Ветхаго Заветъа, когда они, долго отказываясь и избѣгая возвѣщенія грѣховному міру необходимости покаянія, наконецъ были побѣждаемы внутреннимъ призваніемъ. И шли эти великіе и пламенные люди въ грѣховный, ожесточенный, жестоковѣрный міръ возвѣщать людямъ покаяніе... Такъ и созрѣвшее въ Златоустѣ пастырское призваніе проявилось въ немъ, какъ великій и всепоядающій пламень, какъ горящій уголь въ устахъ пророка, и покорило его противоборствовавшую волю“ *). Св. Іоаннъ, въ постѣ, молитвѣ, подвигахъ и самоуглубленіи проведеній шесть лѣтъ, явился въ Антиохію „глаголомъ жечь сердца людей“.

Велика была радость многострадальнаго Мелетія, когда онъ увидѣлъ своего ученика мужемъ, исполненнымъ духовно-аскетическихъ опытовъ и готовымъ къ пастырскому дѣланію. Непродолжительный отдыхъ по возвращеніи (380 г.) изъ пустыни настолько возстановилъ силы св. Іоанна, что въ началѣ 381 года онъ готовъ былъ принять смиренное діаконское служеніе, ко-

---

*) Б. В. 1895 г. Ноябрь. 195 стр.

торое несъ въ теченіе 5 лѣтъ при преемникѣ Мелетія, епископѣ Флавіанѣ. Какое медленное восхожденіе по ступенямъ церковной іерархіи для человѣка, восемь лѣтъ назадъ избраннаго во епископа! Но не мѣсто красить человѣка, а онъ возвышаетъ его значеніе. И въ должности діакона Златоустъ сумѣлъ быть весьма полезнымъ для церкви Христовой. По должности діакона, св. Іоаннъ обязанъ былъ завѣдывать церковною благотворительностію. Св. Іоанну пришлось имѣть дѣло прежде всего съ бѣдными, больными, старыми, немѣвшими крова, пищи и одежды. Нѣжному и сострадательному св. Іоанну, бывшему раньше свидѣтелемъ многообразныхъ неправдъ и обидъ, причинявшихся людямъ, теперь пришлось видѣть бѣдность и убожество со всеѣми ихъ послѣдствіями, часто содрогавшими душу. Св. Іоаннъ сталъ опорой бѣдныхъ, кормителемъ алчущихъ и жаждущихъ, и дѣлалъ это съ такою любовію, что все удивлялись прекраснымъ качествамъ его сердца. „Первое серебро, которое св. Іоаннъ отдалъ бѣднымъ, — это его собственное“... и съ сего времени „это былъ первый бѣднякъ Антиохійской церкви“ *). Да, св. Іоаннъ, дѣйствительно, умѣлъ любить до полного забвенія своихъ матеріальныхъ нуждъ!

Антиохійцы узнали красоту его сердца, по аскетическимъ писаніямъ его—прекраснымъ плодамъ пустынныхъ уединеній—судили о глубинѣ его ума, но христіанамъ еще не пзвѣтна была прелесть и потрясающее могущество его огненнаго слова. Съ саномъ діакона въ Антиохійской церкви не соединялись учительскія обязанности. Учить и проповѣдывать—считалось главной обязанностію пресвитерскаго служенія, къ которому послѣ 5-лѣтняго діаконства призванъ былъ Златоустъ.

---

*) Труды К. Д. Акад. 1890, III, 189. Статья И. Малышевскаго: «Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца и въ санѣ діакона и пресвитера».

Для сего служенія „св. Іоаннъ прошелъ двойное воспитаніе: — воспитаніе пустыни, которая укрѣпляетъ и возвышаетъ духъ, и воспитаніе жизни общественной, которая показываетъ человѣку человѣка и даетъ ему знаніе страстей, интересовъ, бѣдствій, пороковъ, — печальное знаніе, но необходимое для того, кто хочетъ имѣть какое-нибудь вліяніе на подобныхъ себѣ“ — для пастыря *).

Св. Іоаннъ, опытный подвижникъ, ученый и писатель, пресвитеромъ сталъ лишь послѣ 15-лѣтняго служенія въ клирѣ, на 39 году жизни, посвященный въ 386 г. предъ началомъ великаго поста, при громадномъ стеченіи народа въ главномъ Антиохійскомъ храмѣ, который отнынѣ сталъ весьма часто оглашаться краснорѣчивѣйшими проповѣдями св. Іоанна Златоуста. Обязанность проповѣдничества въ Антиохіи, любившей краснорѣчіе и ораторовъ, поручалась наиболѣе образованнымъ пресвитерамъ-проповѣдникамъ, среди которыхъ быстро занялъ первое мѣсто Златоустый ораторъ. Слава св. Іоанна, какъ проповѣдника, быстро росла. Въ главный храмъ Антиохіи послушать Златоуста сходились люди разныхъ партій, возраста, пола, состоянія, народности и убѣжденій. Тутъ были: язычники, іудеи, еретики (аріане, аномен и маркіониты) и православные. И всѣмъ слушателямъ проповѣдникъ давалъ обильную пищу, объясняя догматы, обличая пороки, опровергая лжеученія, призывая къ миру и любви. Его проповѣдямъ рукоплескали. Но смиренному Златоусту сіе не любо было. „Не нужно мнѣ ни рукоплесканій, ни волненій, ни восклицаній. Одного желаю, чтобы, слушая съ безмолвіемъ и разумѣніемъ, вы исполняли сказанное. Это для меня то же, что рукоплесканіе, это для меня — похвала“. Св. Іоаннъ постановилъ, чтобы ему не рукоплескали, и любящіе его проповѣди, хотя съ трудомъ, однако, стали удерживаться отъ языческаго обычая рукоплесканій. Св. Іоаннъ удостоилъ

---

*) Труды К. Д. А. 1890, III, 189.

ихъ за сіе послушаніе благодарности. Его называли за краснорѣчіе Златоустомъ и исторія утвердила за однимъ св. Іоанномъ этотъ исключительно почетный титулъ. Самая исторія жизни Златоуста есть собственно разсказъ о дивныхъ дѣйствіяхъ его краснорѣчія, о возраставшей славѣ св. Іоанна, какъ оратора. Жадно внимавшій вдохновенному, высокосодержательному, ясному и простому слову св. Іоанна народъ никогда не утомлялся въ слушаніи бесѣдъ своего достойнолюбимаго проповѣдника, такъ что иногда согласно желанію народному епископъ Флавіанъ уступалъ слово св. Іоанну, не завидуя, но радуясь его успѣхамъ въ пастырскомъ дѣланіи. И святой Іоаннъ шелъ на встрѣчу этой любви народной къ его огненному слову, готовый всегда и вездѣ проповѣдывать, лишь бы находились внимательные и усердные слушатели. О предметахъ-же проповѣди св. Іоаннъ никогда не заботился: паличная жизнь и собственный духовный опытъ всегда выручали св. Іоанна, дѣлая его проповѣдь жизненною, убѣдительною и назидательною. Онъ владѣлъ импровизаціей въ лучшемъ и полномъ смыслѣ сего слова. Въ продолженіе 12 лѣтъ священства, святой Іоаннъ обязательно проповѣдывалъ разъ въ недѣлю, большею частію—дважды, весьма часто—каждый день, а иногда въ день—два раза. И если св. Іоанну, вслѣдствіе усиленныхъ проповѣдническихъ трудовъ приходилось заболѣвать и лежать въ постелѣ или отлучаться изъ города, хотя бы на короткое время, Антиохійская паства томилась отъ ожиданія, въ которомъ дни ей казались недѣлями, и не успокоивалась до тѣхъ поръ, пока Златоустый ораторъ не появлялся на кафедрѣ. Св. Іоаннъ далъ наставленіе, пасомыми исполненное, какъ слушать съ пользою его проповѣди. „Одной милости попрошу у васъ, прежде нежели приступлю къ словамъ Евангельскимъ, прошу не откажите-же въ просьбѣ. Не важнаго и не тяжелаго требую, и если получу, польза изъ того не для меня только, а и для васъ,

или лучше далеко больше для васъ. Чего же прошу у васъ? Того..., чтобы каждый изъ васъ ту часть Евангелія, которую надобно слушать въ проповѣди, имѣлъ въ рукахъ, часто читалъ въ домѣ, часто испытывалъ и изслѣдывалъ слова, и замѣчалъ бы, что ясно, что темно покажется, что представится противорѣчущимъ или непротиворѣчущимъ, и, испытавъ такимъ образомъ, приходилъ бы слушать проповѣдь“. „Умный совѣтъ! Превосходная просьба!“—повторимъ велѣдъ за святителемъ Филаретомъ *).

Св. Іоаннъ весьма старался словомъ своимъ ослабить такъ называемый мелетіанскій расколъ въ Антиохійской церкви. Последній возникъ довольно неожиданно во время аріанскихъ смуть и преимущественнаго господства аріанъ въ Восточной церкви. Въ 330 году они низложили православнаго епископа Антиохіи Евстафія, а на его мѣсто поставили еретика Павлина, но православные считали своимъ архипастыремъ низложеннаго и не подчинились новоизбранному. Послѣ Павлина, умершаго въ 361 году, аріане поставили для Антиохійской церкви епископомъ Мелетія, считая его своимъ одновѣрцемъ. Но еретики ошиблись, ибо скромный Мелетій оказался строго православнымъ. Тѣмъ не менѣе православные не все признали его своимъ епископомъ, ибо онъ былъ поставленъ аріанами. Православные подчинились, какъ епископу, пресвитеру Павлину. Хотя аріане преслѣдовали епископа Мелетія, имъ же поставленнаго, но православнаго, и хотя не все православные признавали его, но дѣло еще было легко поправимо, и Афанасій Александрійскій, умротоверитель Востока, послалъ двухъ епископовъ убѣдить православную партію Павлина подчиниться епископу Мелетію, какъ тоже православному. Но Люциферъ, еп. каральскій,

---

*) «Историческое ученіе объ отцахъ церкви». А. Филарета. II т., стр. 276.

еще до прибытія еихъ епископовъ поставилъ пресвитера Павлина епископомъ Антиохіи. Въ ней оказалось такимъ образомъ два православныхъ епископа, которые весьма уважали другъ друга, но не успѣли, не могли убѣдить своихъ пасомыхъ, обѣ партіи, жить въ мирѣ и любви. Это и поставилъ своей задачей краснорѣчивый пресвитеръ Іоаннъ, принадлежавшій къ партіи преемника Мелетія епископа Флавіана, при которомъ расколъ и окончился смертью еп. Павлина въ 392 году. Но до тѣхъ поръ пастырское слово Златоуста въ данномъ случаѣ не имѣло обычнаго блестящаго успѣха. Златоустъ прибѣгъ къ другой чисто пастырской мѣрѣ. И это дѣло было однимъ изъ первыхъ по поставленіи его въ пресвитера. Епископъ Антиохійскій Мелетій умеръ въ 381 году въ Константинополѣ во время II-го вселенскаго собора. Тогда же тѣло его было перевезено въ Антиохію и христіане встрѣтили его мощи съ любовію и благоговѣніемъ. Св. Іоаннъ тогда былъ діакономъ. Теперь онъ, какъ проповѣдникъ, въ день памяти святителя, рѣшилъ почтить его особеннымъ похвальнымъ словомъ, для чего устроилъ торжественное чествованіе его памяти. Въ словѣ были восхвалены его православіе и страданія отъ аріанъ, его сердечныя качества, епископская любовь и благоговѣйную память большинства православныхъ Антиохійцевъ—все это для того, чтобы побудить меньшинство (Евстафіанъ-Павлинстовъ) прекратить расколъ. Повторяемое ежегодно торжественное чествованіе памяти еп. Мелетія съ пламенными рѣчами Златоуста достигли цѣли; по смерти еп. Павлина его приверженцы признали своимъ епископомъ Флавіана, преемствовавшего Мелетію. Златоустъ имѣлъ радость наслаждаться плодами своего пастырскаго вліянія. Но еще ранѣе оно возрасло до колоссальныхъ размѣровъ. Сему способствовали чрезвычайныя обстоятельства, пережитыя Антиохіей.

Мы говоримъ о бунтѣ, который былъ произведенъ въ 387 году жителями Антиохіи вълѣдствіе показавшагося

имъ тяжелымъ налогомъ, предписаннаго императоромъ Θεодосіемъ, для удовлетворенія военныхъ нуждъ полуразрушенной имперіи. Въ ней корыстолюбивые чиновники всегда излишне строго производили сборы налога. Не смотря на то, что налогъ былъ чрезвычайно тяжелъ, чиновники не были милостивѣе въ его собираніи. Во время бунта, произведеннаго какими-то темными личностями, пришельцами, богохульниками, нанесено было величайшее оскорбленіе священной особѣ императора разрушеніемъ Антиохійской статуи его и любимой имъ почившей супруги Флациллы. Власти сначала оказали робость, что дало возможность развиться бунту и усилиться мятежникамъ, но потомъ, собравшись съ силами, власти войсками успѣли подавить возстаніе. За преступленіемъ послѣдовали наказанія: казни, пытки, допросы и пр. Антиохійцы пришли въ ужасъ, сознавъ великость зла и грядущаго за нимъ наказанія. Всѣ ихъ укоряли, а заступника не было. Тутъ-то св. Іоаннъ Златоустъ оказался истиннымъ утѣшителемъ смятенныхъ Антиохійцевъ, какъ епископъ Флавіанъ—ихъ заступникомъ. Златоустъ, подобно Іову, молчалъ всю недѣлю бѣдствій, не выходя изъ своего дома. Наконецъ, въ сыропустное воскресенье (предъ началомъ великаго поста) началъ свои утѣшительно-обличительныя слова къ Антиохійцамъ, призывавшія ихъ къ покаянію и перемѣнѣ жизни. Эти бесѣды (числомъ 21, по собственно 17-тъ изъ нихъ относятся къ Антиохійскому бунту), епископъ ему славу перваго оратора въ мірѣ. Императоръ Θεодосій, узнавъ о происшедшемъ, пришелъ въ страшное негодованіе на свой раньше любимый, обласканный и, такъ сказать, избалованный милостями городъ и порѣшилъ наказать его лишеніемъ всѣхъ преимуществъ, раньше дарованныхъ. Для разслѣдованія о существѣ бунта, для наказанія мятежниковъ, теперь уже трепетавшихъ и покорныхъ, посланы были императоромъ два сановника Еллевихъ и Кесарій, облеченные безграничнымъ правомъ

каратъ, пытать, казнить и миловать. Слухъ о грядущей бѣдѣ повергъ въ страшное отчаяніе Антиохійцевъ, которые, вопреки совѣтамъ Златоуста, истиннаго отца несчастнаго города, начали разбѣгаться, оставляя дома, имущество и спасая жизнь свою. Флавіанъ, епископъ Антиохіи, не смотря на зимнее время года, неудобное для путешествій, свою старость, болѣзнь единственной горячо любимой сестры, рѣшился ѣхать (840 миль) въ Константинополь, предстать предъ императора, не помпившаго въ гнѣвъ самаго себя, и испросить прощеніе мятежному городу.

Между тѣмъ императорскіе чиновники прибыли и начали кровавую расправу съ мятежниками. Допросы, пытки, темницы, казни, стоны матерей, лишившихся мужей и дѣтей, стоны дѣтей, лишившихся родителей и сродниковъ, всеобщій ужасъ наполнили Антиохію, городъ славный и царицу всего Востока... Въ сердцахъ Антиохіянъ, безумныхъ, безразсудныхъ и мятежныхъ (по отзыву поэта Авзонія), едва-едва мягкимъ ласкающимъ свѣтомъ искрилась надежда на то, что христіанскій еп. Флавіанъ съумѣетъ испросить прощеніе погибающему городу у христіанина-императора. Эту надежду въ прекрасныхъ своихъ рѣчахъ теперь и поддерживалъ св. Іоаннъ. Это былъ чистый слей, возливавшійся вдохновеннымъ пастыремъ-врачемъ, на сердечныя раны трепетавшихъ отъ ужаса антиохіянъ. Св. Флавіанъ сѣлъ въ Константинополь: „какъ юноша, летѣлъ старецъ, окрыленный ревностію“. Что испытала его душа, видѣвшая много бурь на своемъ вѣку, во время этого путешествія? Что почувствовалъ великій святитель, когда предсталъ предъ могущественнымъ властелиномъ востока и запада хлопотать за тотъ городъ, въ которомъ опозорена была статуя его любимой императрицы Флацилы? Отправляя чиновниковъ, Феодосій думалъ, что ему далѣе придется испытать лишь земныя чувства удовлетвореннаго страшной мезтью самолюбія—чувство

весьма сладкое для обладателя могуществомъ. Но нѣтъ: ему еще разъ пришлось поднять въ своей душѣ всю бурю гнѣва и горя, связанныхъ съ Антиохійскими событіями—для того лишь, чтобы за тѣмъ подъ вліяніемъ христіанскаго представителя милосердія пенять всю небесную сладость чувствъ, связанныхъ со всепрощеніемъ враговъ, не вѣдавшихъ, что творили. Величественный представитель правосудія встрѣтился лицомъ къ лицу съ смиреннымъ образомъ Христова милосердія—и послѣднее побѣдило. Святитель Флавіанъ зналъ, что за счастливымъ исходомъ его дѣла трепетной душой слѣдить 200,000-ная Антиохія: и язычники и христіане, и это наполняло его душу неземнымъ мужествомъ. Явившись предъ лице Θεодосія, святитель сталъ въ дверяхъ залы, съ пошкшею головой, молча и лишь плачемъ умоляя о помилваніи его согражданъ. Онъ былъ въ сей моментъ воплощенною виновностью. Рѣчь Θεодосія звучала укоромъ виновнымъ, обидою на нихъ, раньше облаканныхъ милостями, за то, что они оскорбили въ своемъ нествѣствѣ даже мертвыхъ. Θεодосій былъ спокоенъ, когда оканчивалъ свою рѣчь, мало думая еще о прощеніи оскорбителей. Епископъ Антиохіи началъ свое проникнутое горькою печалью слово, приготовленное, по вѣроятнымъ предположеніямъ, Златоустомъ. Св. Флавіанъ указывалъ, что преступленіе города не можетъ быть достойно наказано, что преступники въ великомъ ужасѣ отъ своего дѣла. Епископъ просилъ простить городъ: „Низвергнули-ли твои статуи? Но можно тебѣ воздвигнуть болѣе тѣхъ блистательныя. Если простишь вину оскорбившихъ и не подвергнешь ихъ никакому наказанію: они воздвигнутъ тебѣ не мѣдный, не золотой, и не каменный столбъ на площади, по дражайшій всякаго вещества, украшенный челоуѣколюбіемъ и милосердіемъ. Такъ каждый изъ нихъ поставитъ тебя въ сердцѣ своемъ, и у тебѣ будетъ столько статуи, сколько есть и будетъ людей во вселенной!

Утверждаютъ о блаженномъ Константинѣ, что когда нѣкоторые бросали камни въ его изображеніе, и когда многіе побуждали его наказать оскорбителей, представляя, что они все лицо его изранили камнями, то онъ, осязая лицо свое рукою и нѣсколько улыгнувшись, сказалъ: „Я не чувствую никакой раны на моемъ лицѣ, у меня цѣла и вся голова, цѣло и все лицо“. Это изреченіе его и донынѣ все произносятся. Долгое время не пстребило изъ памяти сего великодушнаго царя. Не славиле ли оно многихъ трофеевъ? Прощеніе мятежниковъ, изреченное императоромъ-христіанномъ, показало-бы язычникамъ, что „воистину великъ Богъ христіанскій“ — выяснилъ св. Флавіанъ. Онъ указывалъ далѣе, что, уваживъ ходатайство христіанскаго епископа, императоръ далъ-бы всѣмъ понять, что онъ „во всей подвластной ему державѣ болѣе всѣхъ уважаетъ священниковъ Божіихъ, хотя они и не знатны“. Последнимъ словомъ святителя было твердо высказанное имъ намѣреніе скорѣе удалиться въ ссылку—подальше отъ несчастнаго города, чѣмъ видѣть свое ходатайство неуваженнымъ и свой родной городъ непрощеннымъ, а главнымъ предметомъ рѣчи было святительское убѣжденіе императора послѣдовать скорѣе голосу милосердія, чѣмъ голосу правосудія, быть подражателемъ Господа, простившаго Своихъ враговъ въ минуту величайшихъ мученій на крестѣ. „Умоляю тебя подражать твоему Господу, Который, будучи ежедневно оскорбляемъ нами, не перестаетъ подавать всѣмъ блага свои. Не постыди меня въ надеждѣ, не отвергни моего предстательства“. Ходатай умолкъ. Онъ ожидалъ рѣшенія судьбы Антиохіи. О, если-бы она могла угадать этотъ моментъ: какъ-бы тревожно забилась сердца Антиохіянъ, какъ-бы они зарыдали, склонивъ свою повинную голову, умоляя о помилованіи. О, если-бы они могли въ сей моментъ слышать голосъ всесвѣтнаго повелителя, какъ-бы жадно они стали ловить каждый отзвукъ его рѣчи, каждое движеніе его глазъ, каждое

содроганіе мускуловъ на его „мужественномъ“ лицѣ! Въдѣ теперь шелъ вопросъ о жизни и смерти Антиохіи, царицы востока, бывшихъ во власти императора Θεодосіа. Онъ какъ-бы колебался съ минутою, но она показалаcя Флавіану цѣлою вѣчноcтью: въ минуту можно много пережить. Бывали случаи, когда въ одинъ моментъ люди сѣдѣли. Θεодосіи прослезился и сказалъ въ порывѣ христіанскаго великодушія, объятый, какъ пламенемъ, чувствомъ всепрощенія, свое царское слово. Онъ прощалъ Антиохію, прощалъ еѣ оскорбленіе своего величія и памяти своей любимѣйшей почившей супруги, потому что, „если и Господь вселенной, Который для насъ сошелъ на землю, для насъ принялъ зракъ раба и былъ распятъ облагодѣтельствованными Имъ, молился за распинателей Отцу Небесному: „Отче, отпусти имъ: не вѣдять бо, чтѣ творять“,—то какъ не простить ругавшихся надо мною мнѣ, подобному имъ, человѣку“! За обѣдомъ царскимъ святитель былъ внѣ себя отъ духовнаго одушевленія, распѣвая стихи объ отчаяніи и покаяніи Антиохійцевъ. Приближалась Пасха и еп. Флавіанъ въ знакъ благодарности къ императору хотѣлъ провести ее въ Константинополь, но императоръ просилъ еп. Флавіана къ Пасхѣ прибыть въ Антиохію, чтобы въ сей великій день она могла ликовать, „увидѣвъ своего кормчаго“, привезшаго еѣ согласіе оскорбленнаго императора изгладить изъ памяти все грустное прошедшее Антиохіи. Привезенный нарочитымъ гонцомъ императорскій указъ былъ составленъ въ семь смыслѣ и Антиохія, но ему, получила обратно на время отнятыя у нея всѣ преимущества столичнаго города всего востока; даже бѣдные были обрадованы обычной годовою раздачею хлѣба, хотя, какъ мятежники, не могли на сіе рассчитывать.

Что-же великій ораторъ, утѣшитель народа въ его горестяхъ, соучастникъ его необычныхъ радостей? Онъ ликовалъ, радуясь торжеству христіанскаго Бога, вели-

чію вліянія свого єпископа, посрамленію язичниковъ-філософовъ, нічого для облегченія судьбы города не сдѣлавшихъ, пораженію язычества. „А вотъ инокі, подобно ангеламъ, спустившись съ своихъ пустынныхъ высотъ, устрашили величіе меча и скипетра славою христіанской святости“—говорить проповѣдникъ, вспоминая изъ прошлаго, какъ на пути слѣдованія императорскихъ чиновниковъ плотными рядами стали инокі и умоляли судей быть снисходительнѣе къ виновнымъ, коихъ пытали и казнили безъ жалости. Но прошедшій урокъ не пропалъ даромъ. Антиохійцамъ глубоко стала памятенъ великій постъ 387 года со всеѣми его ужасами. Они научились горькимъ опытомъ почитать силу христіанскаго єпископа. Его смѣлости и мужеству они были обязаны своими послѣдними великими радостями. И Антиохійцы были глубоко благодарны св. Флавіану, что выразилось въ торжественной встрѣчѣ своего святителя-спасителя. Опъ едва успѣлъ возвратиться къ началу Пасхи. „Никогда еще пасхальная заря не загоралась такъ ярко надъ Антиохіей. Многимъ изъ народа казалось, что они вмѣстѣ со Христомъ воскресли изъ мертвыхъ“ *)—говоритъ Фарраръ. Въ своей знаменитой бесѣдѣ, произнесенной въ день Пасхи 381 г., св. Іоаннъ описалъ всю исторію путешествія св. Флавіана, заключивъ проповѣдь увѣщаніемъ къ многочисленному народу, тысячами тѣснившемуся въ главный храмъ, украшать жизнь свою розами добродѣтели, а душу—свѣтильниками мудрости и благочестія, подобно тому, какъ Антиохійцы въ порывахъ радости украсили дома цвѣтами и иллюминаціей.

Счастливымъ исходомъ бѣдствія, облегченіемъ сердечной скорби Антиохія обязана была въ значительной мѣрѣ Златоусту, который былъ, такъ сказать, душою ходатай-

---

*) «Власть тьмы въ царствѣ свѣта» соч. Фаррара. Спб. 1896 г. 71 стр.

ства за смятенный народъ. Послѣдній теперь слишкомъ хорошо узналъ увлекательную силу ораторскаго таланта Златоуста для того, чтобы внимательно относиться къ совѣтамъ и предостереженіямъ, укорамъ и обличеніямъ, исходявшимъ изъ его „златыхъ“ устъ. Никто раньше, какъ теперь Златоустъ, никогда не владѣлъ умами и сердцами Антиохіянъ. „Теперь именно достигло высшаго обнаруженія его значеніе, какъ всенароднаго церковнаго учителя Антиохіи. Съ этого-же времени проповѣдническое слово его, прошедшее чрезвычайное упражненіе въ девятнадцати сряду сказанныхъ бесѣдахъ по поводу событія 387 года, сохраняя свойства любви, кротости, простоты живости, приобрѣло черты нѣкоторой власти, господственности учителя надъ учениками, отца надъ дѣтьми“ *). Св. Іоанна знала вся Антиохія. Онъ приобрѣлъ великій нравственный авторитетъ надъ пасомыми, коихъ число было весьма велико. Но великія нравственныя потрясенія, связанныя съ антиохійскимъ бѣдствіемъ, которое св. Іоаннъ пережилъ въ душѣ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, не пропали для подвижника-пастыря даромъ: болѣзнь уложила его въ постель на нѣсколько недѣль послѣ Пасхи. Въ августъ 387 г. Златоустъ уже безостановочно продолжалъ свое пастырско-проповѣдническое служеніе.

Антиохія была мѣстомъ ораторскаго торжества Златоуста, мѣстомъ, гдѣ росла его слава, какъ великаго христіанскаго оратора, своимъ блескомъ помрачившая даже славу ритора Ливанія, какъ Константинополь, новая столица міра, сталъ впоследствии причиной страданій св. Іоанна, нравственныхъ и физическихъ, коихъ концомъ былъ далекій Пигиунтъ, на пути къ которому великій страдалецъ-мученикъ „безъ пролитія крови“ скончался. Но тучи на горизонтѣ жизни св. Іоанна появились гораздо позднѣе и въ настоящемъ блестящемъ положеніи

*) Труды... 1891, I, 301.

великаго проповѣдника еще ничто не предвѣщало столь печальный конецъ. И еслибы кто предположилъ его, то, конечно, былъ бы встрѣченъ насмѣшками. Лишь, быть можетъ, св. Іоаннъ, хорошо освѣдомленный о жизни св. мужей Вожіихъ, предсказалъ бы себѣ сію участь, еслибы имѣлъ смѣлость считать себя въ ихъ числѣ. Но онъ о себѣ былъ самаго скромнаго мнѣнія. Другіе, какъ Ливаній, справедливо были о немъ противнаго мнѣнія. Ливанія предъ смертью († 395 г.) ученики спросили: кого онъ хочетъ назначить своимъ преемникомъ? Іоанна,—отвѣтилъ ихъ учитель, съ глубокимъ сожалѣніемъ, что „его у него отняли христіане“ и его не кѣмъ было замѣнить. Это безпристрастный отзывъ о силѣ ораторскаго таланта Златоуста. Слава Златоуста, какъ пастыря-оратора, проникла далеко за предѣлы Антиохіи, распространяясь по Сиріи, Египту и дошла до Константинополя. Съ 395 г. въ немъ уже царилъ другой императоръ — Аркадій, сынъ, совершенно непохожій на своего великаго отца Θεодосія. Это былъ слабый, вялый, пресыщенный жизнью и властью восемнадцатилѣтній юноша. Всѣми дѣйствіями его руководилъ временщикъ Евтропій, преемникъ знаменитаго Руфина. Въ жизни Златоуста онъ сыгралъ, быть можетъ, самую важную роль. Ему—Евтропію — именно св. Іоаннъ объявилъ тѣмъ, что сталъ архіепископомъ Константинополя и патріархомъ Востока. И въ жизни Евтропія это, быть можетъ, было самое благородное дѣло, когда онъ, низкій, презрѣнный, лживый и хитрый старикъ, первый и единственный разъ въ своей порочной жизни послѣдовалъ голосу своей совѣсти, ко благу церкви воспользовался своею властью и вліяніемъ на императора, посоветовавъ ему на мѣсто скончавшагося Нектарія, преемника Григорія Богослова, избрать краснорѣчиваго антиохійскаго пресвитера-подвижника.

Евтропій когда-то имѣлъ случай слушать краснорѣчивую рѣчь св. Іоанна въ Антиохіи. „Въ его пламен-

номъ краснорѣчіи Евтропій признавалъ волю, исходящую изъ глубины человѣческаго сердца. Никогда онъ раньше не слыхалъ столь неземныхъ тоновъ и столь сильной, пламенной искренности. Его слова подобно молніи озаряли внутреннюю сущность каждаго, обнажая ту мрачную бездну злобы, ожесточенности и коварства, подъ которыми, подобно погасающей искрѣ подъ толстымъ слоемъ пепла, томилась истинная натура человѣка, какимъ его создалъ Богъ“ *). Прекрасное впечатлѣніе отъ суровой рѣчи св. Іоанна неизгладимо вѣзалось въ памяти испорченнаго Евтропія и онъ вспомнилъ объ антиохійскомъ проповѣдникѣ теперь, когда освободился за смертью архіепископа Нектарія константинопольскій престолъ. Это было въ концѣ 397 г. Явилось весьма много кандидатовъ на эту должность, „которая въ рукахъ достойнаго и вѣрнаго своему долгу человѣка могла бы считаться одной изъ величайшихъ должностей въ мірѣ“, по мнѣнію Феррара **). Но все кандидаты на константинопольское епископство были уже тѣмъ недостойны, что хотѣли добиться его путемъ подкуповъ, упрасиваній, лести, пресмыкательства предъ властью имущими. Были такіе искатели, которые устраивали сходки или сборища и ставъ предъ толпою на колѣна, упрасивали ее подать голосъ за нихъ: такъ имъ хотѣлось архіепископства и связаннаго съ нимъ блестящаго положенія при дворѣ, а о важности сана, о связанной съ нимъ отвѣтственности за души многочисленныхъ насомыхъ они не помышляли. „О, жалкіе люди! священники по названію, по недостойныя священства!“—воскликаетъ Палладій ***). Конечно, такихъ недостойныхъ носителей сана было весьма много. Все избиратели и вліятельныя лица при дворѣ понимали, что нельзя предоставить столь

---

*) Ферраръ. «Власть тьмы въ царствѣ свѣта», 146 стр.

**) Тамъ же, 146.

***) Жизнь св. Іоанна. 266 стр.

высокую кафедру какому-нибудь проходимцу, болѣе другихъ искусному. Надо было найти такое лицо, съ которымъ никто бы не могъ идти въ сравненіе: это требовалось уже самымъ достоинствомъ константинопольской кафедры. Въ это тревожное время при дворѣ жилъ Теофилъ, патріархъ Александрійскій. Онъ выставилъ своего кандидата на константинопольскую кафедру, священника Исидора, человѣка хорошей жизни, достаточно умнаго, бывшаго въ должности попечителя о пришельцахъ и бѣдныхъ (въ Александріи), но все же не настолько знаменитаго, чтобы имъ можно было замѣстить свободную столичную кафедру. Но рекомендаціи Теофила не довѣряли. При томъ самъ Исидоръ скрылся въ Александрію, когда узналъ, что его хотять поставить въ избирательный списокъ. Евтропій своею находчивостью вывелъ всѣхъ изъ затрудненія. Онъ представилъ собору епископовъ, бывшему въ Константинополѣ, кандидатомъ на архіепископію такое лицо, о блестящихъ достоинствахъ котораго слава гремѣла по всему востоку послѣ антиохійскаго бунта. Это былъ св. Іоаннъ. Императоръ утвердилъ выборъ клира и народа, къ вящей досадѣ мстительнаго Теофила.

Но св. Іоаннъ, пастырствуя въ Антиохіи, конечно, не зналъ о томъ, что имя его въ Константинополѣ было у всѣхъ на устахъ, что всѣ ждали его пріѣзда и посвященія въ архіепископа Константинопольскаго и патріарха всего Востока. Онъ безостановочно занимался проповѣдью, исполняя и другія обязанности своего званія: посѣщая больныхъ и бѣдныхъ, помогая имъ деньгами и вліяніемъ, вразумляя и утѣшая, поддерживая отношенія съ пустынниками, отъ которыхъ оторвало его пастырство.

Плодотворно ли было проповѣдническое служеніе св. Іоанна въ Антиохіи? Да, оно оказало сильное, неотразимое и глубокое вліяніе на жизнь Антиохійцевъ въ весьма многихъ отношеніяхъ. Раньше пресыщенные и избалованные различнаго рода риторамі, они было по-

теряли уваженіе къ пастырскому слову, интересуясь болѣе его внѣшними качествами, нежели внутренними достоинствами. Св. Іоаннъ научилъ ихъ уважать и цѣнить пастырскія увѣщанія и стараться пользоваться ими въ жизни по выходѣ изъ церкви. Благочестіе стало процвѣтать въ Антиохіи. Церкви посѣщались весьма усилленно; службы въ нихъ правились торжественно; народъ выстаивалъ службы до конца; семейная жизнь стала выше; родители начали посылать дѣтей своихъ для религіознаго воспитанія къ пустынникамъ. Клятвы стали раздаваться рѣже. Благотворительность возросла. Театры потеряли свою прелесть для Антиохійцевъ. Всѣ эти явленія были весьма замѣтны въ нравственной жизни города, составляя плоды 12-лѣтней пастырской ревности Златоуста. Пастырь и паства любили и понимали другъ друга; у нихъ были общими и печали и радости духовной жизни. Они не думали между собою разставаться. Если-бы Антиохійцамъ сказали, что ихъ любимаго проповѣдника, ихъ радость, гордость и отраду, хотятъ отнять у нихъ, то они день и ночь стали бы стеречь его, доколѣ воображаемая опасность не миновала бы, и никогда бы добровольно отъ себя его не пустили. Если-бы св. Іоаннъ узналъ, что ему предстоить судьба гораздо болѣе блестящая, то онъ никогда бы не промѣнялъ свою родную Антиохію съ ея великолѣпнымъ храмомъ, съ мощами мучениковъ, на невѣдомое счастье въ другой странѣ, никогда бы не разстался „съ городомъ апостоловъ“, гдѣ его такъ любили и его пастырскому слову покорялись — тѣмъ болѣе, что все это ему стоило громадныхъ пастырскихъ трудовъ и болѣзней. А что достается труднѣе, обыкновенно дороже цѣнится.

Однако, Промыслъ Божій судилъ иное. И для Златоуста и для Антиохіянъ это было неожиданностью. Какъ же это случилось?

Въ Константинополѣ не знали, какъ увезти св. Іоанна изъ Антиохіи, ибо были справедливо увѣрены, что па-

родъ добровольно не пуститъ своего любимаго пастыря. Боялись и того, что Златоустъ, узнавъ объ избраніи, снова скроется, какъ было уже разъ, когда его избрали во епископа, ибо смиреніе его не покинуло на вершинѣ ораторской славы. Но изворотливый Евтропій нашелся. Опъ указалъ восточному правителю Астерію средство тайнымъ образомъ доставить повозбраннаго въ Константинополь, посовѣтовавъ лишь дѣйствовать осторожно. Астерій, выбравъ время и людей, пригласилъ однажды за городъ св. Іоанна помолиться, какъ онъ писалъ, св. мученикамъ и переговорить о важномъ дѣлѣ. Удивленный необычайностью приглашенія, Златоустъ не замедлилъ явиться въ назначенное мѣсто. Астерій и Златоустъ усѣлись въ коляску, которая доставила ихъ до первой станціи, а тамъ почетнаго плѣннаго уже ждали посланные отъ императора, которые, по перемѣнѣ лошадей, отправились съ нимъ въ Константинополь. Златоусту не суждено было болѣе видѣть ни родной Антіохіи, ни Сингонской улицы, ни великаго храма, а антіохійской паствѣ—своего любимаго оратора.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Служеніе св. Іоанна въ званіи Константинопольскаго Архіепископа и Патріарха Востока.

«Мой обычай таковъ, чтобы терпѣть гоненіе, а не гнать, быть утѣсяемому, а не утѣсять».

Златоустъ.

Во все время пріятнаго пути до Константинополя св. Іоаннъ мучился неизвѣстностію: зачѣмъ онъ попалъ въ шумной столицѣ? Разгадка скоро послѣдовала. Въ Константинополѣ онъ былъ торжественно встрѣченъ на-

родомъ и властями. Императоръ Аркадій, которому представилъ св. Іоанна Евтропій, назначилъ днемъ посвященія 26 февраля (398 года). Для посвященія Златоуста вызваны были наиболѣе старѣйшіе епископы, почему оно отличалось особой торжественностію. По посвященіи св. Златоустъ произнесъ первую бесѣду, до насъ дошедшую, которая произвела сильное впечатлѣніе на народъ. Надобно замѣтить, что Нектарій, преемникъ великаго Богослова и предшественникъ Златоустаго оратора по кафедрѣ, не отличался даромъ слова. До принятія кафедры Нектарій былъ мірянникомъ, даже не былъ крещенъ, что тогда часто случалось, къ епископству не имѣлъ призванія, выборъ его былъ случаенъ и неожиданъ. Нектарій былъ честный человекъ, но слишкомъ безхарактерный вельможа. Въ жизнь епископа онъ ввелъ привычки вельможи, приучилъ вельможъ посѣщать епископскія пиршества, до которыхъ и самъ былъ большой охотникъ. Мало понимая сущность управленія церковію и будучи весьма недѣятеленъ, Нектарій не сумѣлъ остановить быстро увеличивавшейся распущенности нравовъ въ клирѣ и мірянахъ, чѣмъ и создалъ трудную задачу своему преемнику.

Преемникъ былъ совершенною противоположностію своему предшественнику. „Предъ лицо двора развратнаго и пышнаго, который занимался церковными дѣлами между наслажденіями, Евтропій поставилъ непреклоннѣйшаго изъ инокъ; предъ лицо клира, до крайности суетнаго, — огшельника, благоговѣвшаго предъ одною пустынею; передъ лицо общества, гордаго своимъ богатствомъ и рэкошью, — человека, которому богатство внушало ужасъ, и который до послѣдней крайности отличался простотою жизни“ *). Св. Іоаннъ не убоится трудности возлагаемой на него саномъ и обстоятель-

---

*) А. Тьерри. Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдокія. Переводъ. Москва. 1884 г., стр. 26.

ствами задачи, а, сознавая ее, призывалъ лишь на помощь Божію благодать, все немощное укрѣпляющую и педугующее восполняющую. Св. Іоаннъ на первыхъ же порахъ заявилъ себя весьма дѣятельнымъ, какимъ былъ и всю жизнь, несмотря на непривычную ему новизну лицъ, событій, обстановки, сана и его обязанностей. Въ сіе время св. Іоанну шелъ 52 годъ. Оно было могучимъ разцвѣтомъ его геніальныхъ духовныхъ дарованій. Слава св. Іоанна теперь достигла своего апогея. Скоро весь Константинополь заговорилъ о новомъ архипастырѣ. Народъ толпами снѣшилъ въ церковь послушать знаменитаго вігтію. Цѣнителей его ораторскихъ дарованій было здѣсь много, но исполнителей пастырскихъ увѣщаній было гораздо меньше, чѣмъ въ Антиохіи. Оттуда на крыльяхъ стоустной молвы прилетѣли всѣ подробности жизни и служенія св. Іоанна, но всѣ слухи являлись лишь слабымъ отголоскомъ того, что пришлось видѣть самимъ жителямъ столицы „второго Рима“. Св. Іоанна стали величать Златоустымъ, рукоплескать его проповѣдямъ и репутація его, какъ оратора, установилась весьма быстро: самые строгіе цѣнители его ораторскаго искусства остались отъ него въ изумленіи и предъ нимъ преклонились. Св. Іоаннъ со свойственной ему энергіей, которой ничуть не ослабилъ пожилой возрастъ, помощи тѣла и многочисленность новыхъ обязанностей, быстро принялся за исправленіе нестроений церковныхъ, которыхъ время и бездѣятельность Нектарія накопили громадное количество. „Обширное поле открылось теперь для дѣятельности св. Іоанна и почти необозримо дѣла, которыя совершилъ онъ въ лемногіе годы пастырскаго служенія“ *).

Какъ аскетъ, св. Іоаннъ началъ съ епископскаго дворца, въ которомъ все—отъ слугъ до мебели—показалось ему чрезвычайно роскошнымъ. Св. Іоаннъ ни-

*) А. Филаретъ. II, 281.

когда не заботился о блестящей обстановкѣ своей епископской жизни и ея удобствахъ: онъ доволенъ былъ весьма малымъ. Епископскій дворецъ былъ роскошенъ и обширенъ; Златоустъ занялъ въ немъ лишь три-четыре комнаты. Во дворцѣ была роскошная мебель; Златоустъ всю ее продалъ, а деньги роздалъ бѣднымъ: свои же жилия комнаты украсилъ самою простою мебелью.

„Не было болѣе видно шелка на немъ, ни золотой парчи, ни багряницъ на его свѣтѣ: самыя простыя ткани на ней и родъ монашескаго одѣянія на самомъ архіепископѣ—вотъ неожиданная новость, поразившая Константинополь“ *). Нектарій для поддержанія достоинства своего держалъ многочисленный штатъ прислуги; Златоустъ удовольствовался служеніемъ двухъ-трехъ преданныхъ лицъ, а остальныхъ удалилъ. Расходы по столу аскетъ-архипастырь сократилъ до крайности; пиры, къ которымъ привыкла константинопольская знать, Златоустомъ были сразу же уничтожены; онъ обѣдалъ всегда одинъ, довольствуясь весьма скромною инщицею. Златоустъ и самъ не посѣщалъ роскошныхъ пиществъ константинопольскаго двора, ибо не желалъ терять дорогое время, предназначенное для пастырскаго дѣланія.

Строгій къ самому себѣ, святитель Златоустъ былъ столь же строгъ къ пастырямъ и къ пасомымъ. И тѣ, и другіе увидѣли въ немъ ревностнаго, справедливаго и пастойчиваго обличителя своихъ пороковъ. Такіе дѣятели, какъ Златоустъ, быстро наживаютъ себѣ враговъ, непримиримыхъ и злобныхъ. Простота жизни Златоуста уже возбудила большое удивленіе въ той массѣ лицъ, которые думали, что богатство и роскошь—необходимая прибавка къ жизни власти и почести имущихъ, безъ которой нельзя быть и считаться вельможей. И простой народъ скоро увидѣлъ, что Златоустъ тратилъ на себя

---

*) Терри, 35.

мало средствъ потому, что любовь его къ бѣднымъ, голоднымъ и холоднымъ почти не имѣла себѣ предѣловъ. Скоро убѣдился, что Златоустъ все свои средства тратилъ на помощь бѣднымъ. А средства Константинопольской кафедры были весьма велики. И св. Іоаннъ, еще въ Антиохіи прозванный „защитникомъ бѣдныхъ“, умѣлъ эти богатства расходовать по апостольски. Странники, немощные, больные и бѣдные были любимыми гостями у св. Іоанна, удалявшася отъ роскошныхъ пиществъ знати. И самъ св. Іоаннъ любилъ навѣщать бѣдныхъ и несчастныхъ, дѣлая имъ неизрѣченную радость видѣть своего самоотверженнаго пастыря. Простой народъ съ любовію относился къ своему пастырю, толпами стремясь на его сладко-словесныя бесѣды. Впрочемъ, вначалѣ св. Іоаннъ не находилъ въ сердцахъ богачей и знати сочувствія своимъ заботамъ о бѣдныхъ. Богачи мало помогали ему своимъ золотомъ. И рѣчи св. Іоанна противъ богатства и богатыхъ, имъ злоупотреблявшихъ, лившіяся огненнымъ потокомъ въ нихъ ожесточенныя души, были для нихъ горькимъ ядомъ, а не пріятною пищею. Впрочемъ, кто же могъ устоять противъ огненнаго краснорѣчія св. Іоанна, когда онъ громилъ роскошь и распущенность богатыхъ, забвеніе ими нужды бѣдныхъ и больныхъ, когда онъ говорилъ о „царицѣ добродѣтелей“ милостынѣ, какъ величайшемъ долгѣ христіанъ, открывающемъ имъ двери вояделѣннаго рая и его святыхъ радостей? Подъ вліяніемъ рѣчей Златоуста, и богатые проявили сильную заботливость о бѣдныхъ и больныхъ. Благодаря Златоусту, быстро пришли въ порядокъ богоугодныя заведенія, раньше устроенныя, и кромѣ того появилось весьма много новыхъ богадѣленъ, больницъ вокругъ храма Господня, представлявшихъ собою лучшіе „плоды христіанскаго человѣколюбія“. Надзоръ за больницами св. Іоаннъ поручилъ наиболѣе безкорыстнымъ пастырямъ. Обращая все свои деньги на помощь бѣднымъ, Златоустъ не могъ все-

такимъ удовлетворить всѣхъ нуждъ сего многочисленнаго класса, почему однажды продалъ нѣсколько даже священныхъ сосудовъ для той же великой цѣли. Чтобы удобнѣе помогать бѣднымъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе въ извѣстные сроки собирать ихъ въ одно мѣсто: какая раскрывалась тротательная картина, когда милостивый архипастырь появлялся въ сеѣ сорока-тысячной толпѣ, разсыпая радость и помощь всѣмъ, кто ея былъ достоинъ; благословенія и знаки любви были наградою Златоусту за его любовь къ бѣдности и нищетѣ. Популярность его росла быстро.

Одновременно съ заботами о бѣдныхъ шли обличенія пороковъ, духовенства, дѣвственницъ, монастырей. И тутъ у св. Іоанна нашлись враги; ими стали тѣ, которыхъ особенно касались пламенные рѣчи проповѣдника. Онъ былъ новымъ Іоанномъ въ этомъ Вавилонѣ разврата. Было, дѣйствительно, чѣмъ возмущаться! Священнослужители полюбили балы, пиршества богатыхъ болѣе, чѣмъ труды пастырства. Служителямъ алтаря для пропитанія было мало доходовъ церковныхъ: по свойственному многимъ изъ нихъ корыстолюбію они весьма усердно заботились о составленіи завѣщаній въ свою пользу, любили строить роскошныя помѣщенія для себя, прибрѣтали земли и т. д. Златоустъ вооружился противъ сихъ безпорядковъ нравственной жизни пастырей, чѣмъ нажилъ въ ихъ средѣ себѣ много враговъ. Пастырей св. Іоаннъ убѣждалъ жить сообразно своему призванію, а пасомыхъ—доставлять все необходимое для безбѣднаго существованія духовенства.

Со всею силою своего убѣжденія возсталъ св. Іоаннъ противъ совмѣстной жизни пастырей-щюковъ съ дѣвственницами. Нѣкоторые пастыри того времени считали шючество самымъ удобнымъ средствомъ для выполненія цѣлей пастырскаго служенія. Но въ то же время насущныя житейскія хлопоты заставляли сихъ дѣвственниковъ брать къ себѣ въ домъ благочестивыхъ жен-

щинъ и дѣвъ, съ которыми жили подъ одной кровлей, ѣли съ одного стола и называли другъ друга братьями и сестрами. Иногда сожительницы оказывались очень пристрастными къ свѣтскимъ удовольствіямъ, что заставляло покровительствовавшихъ имъ духовныхъ лицъ отвлекаться отъ пастырскихъ заботъ. Этотъ обычай вызвалъ понятныя и иногда справедливыя насмѣшки со стороны иноувѣрныхъ (язычниковъ и евреевъ), а со стороны Златоуста, какъ и другихъ достойныхъ пастырей того времени, горкія укоризны и жестокія обличенія, ибо отъ сего обычая происходило много несправедливыхъ нареканій на духовныхъ лицъ. „Бойтесь, — говорилъ такимъ пастырямъ св. Іоаннъ, — разслабить свои силы, потерять энергію чрезъ обращеніе съ женщинами. А это неизбежно съ вами случится, если вы ихъ часто будете посѣщать. Знайте, что онѣ содѣлаютъ васъ слабыми, перазумными, неосторожными, глѣплыми, дерзкими, раздражительными, низкими, презрѣнными, скудными, жестокими, пустыми, изнѣженными, каковы онѣ сами“. Въ сихъ словахъ указываются опасности для пастырей-иноковъ отъ обращенія съ женщинами.

Институтъ дѣвственницъ подвергся нравственной порчѣ, которую веѣми мѣрами пастырскаго воздѣйствія Златоустъ старался искоренить. Нѣкоторыя дѣвственницы, посвятившія себя на служеніе Господу, и вдовы, благоговѣйныя и воздержныя, позволяли въ своихъ домахъ распоряжаться житейскими нуждами мужчинамъ. „Если сихъ лицъ нельзя причислить ни къ разряду дѣвъ, ни къ разряду женъ замужнихъ, то остается одно: отнести ихъ къ состоянію потерянныхъ женщинъ“ — писалъ св. Іоаннъ. Въ Константинополѣ было нѣсколько монастырей, въ которыхъ строгость иноческой жизни быстро исчезла подъ растлѣннымъ вліяніемъ столицы. Населявшія ихъ монахини болѣе „помышляли о баняхъ, благовопіяхъ и нарядахъ, чѣмъ о постѣ и молитвѣ“. Принятія Златоустомъ мѣры къ очищенію монашеской

нравственности достигли того, что сіи „училница нравственности“ стали достойны своего наименованія.

Изъ дѣвственницъ и благочестивыхъ вдовъ выбирались наилучшія въ церковное званіе „діакониссы“. Ихъ обязанности были тѣ же для женщинъ, какія у діаконовъ для мужчинъ. Діакониссы посѣщали темницы, помогали больнымъ и т. д. Богатыя изъ нихъ жертвовали свое состояніе въ пользу церкви, которой служили. Суестьность и пристрастіе къ непослужительнымъ удовольствіямъ омрачали ихъ званіе, что и послужило предметомъ пастырскихъ попеченій неутомимаго св. Іоанна. Впрочемъ, въ рядахъ діакониссъ были иногда истинныя подвижницы, какъ, напримѣръ, Олимпіада, судьба которой тѣсно связана съ судьбой св. Іоанна Златоуста, бывшаго руководителемъ въ ея духовной жизни, непопеченной благотвореніи и милостыни. Олимпіада, „украшеніе вдовъ церкви восточной“, была воспитанницею Θεодосіи, сестры св. епископа Амфиплохія. Поучительная исторія жизни этой замѣчательной женщины. Она вышла замужъ за юношу, бывшаго главнымъ управителемъ царскихъ имѣній Θεодосія Великаго и вмѣстѣ константинопольскимъ префектомъ. Мужъ Олимпіады чрезъ два года скончался. Она, давъ обѣтъ посвятить свое вдовство Господу, начала служить бѣднымъ и больнымъ. Θεодосіи же скоро нашель ей другаго жениха, еще болѣе знаменитаго, чѣмъ первый. Это былъ весьма близкій родственникъ императора, Елпидій. Отказъ Олимпіады, проистекавшій изъ ея твердости разъ данному обѣту, послужилъ началомъ гоненій, обрушившихся на нее со стороны разгнѣваннаго императора. Происходя изъ знаменитой и богатой фамиліи, Олимпіада владела громадными богатствами, которыми распорядилась къ пользѣ церкви и бѣдныхъ. Θεодосіи Великой отпять у Олимпіады распоряженіе ея имуществомъ и имѣніями, запретилъ ей видѣться съ духовными лицами, выѣзжать изъ Кон-

стаптинополя, и пр. Никакія гоненія не могли поколебать твердости Олимпіады. Оскорбленная діакошисса написала императору: „Благодарю тебя, августѣйшій монархъ, за то, что съ мудростью и благоволеніемъ, достойнымъ не только государя, но и епископа, ты позволилъ возложить на себя управленіе моимъ имѣніемъ и тѣмъ облегчить мнѣ тяжесть земныхъ заботъ. Соболаговоли увѣнчать твое дѣло, раздавъ это богатство бѣднымъ и церквамъ, какъ я это намѣревалась сдѣлать. Твои уполномоченные это исполняютъ съ большимъ знаніемъ дѣла, а сверхъ того ты избавишь меня отъ уколовъ преступнаго тщеславія, которые очень часто сопровождаютъ благотвореніе“¹⁾. Этотъ мужественный отвѣтъ Олимпіады, побудившій императора возвратить ей права распоряженія своими богатствами, вполне оправдываетъ замѣчательный отзывъ о ней діакона Палладія: „Олимпіада обладала сердцемъ по истинѣ великодушнымъ, и кто узнавалъ ее и видѣлъ соединеніе такой красоты и прелести съ мужественной и твердой смѣлостію духа, которая презирала мелочи свѣта; всякій страхъ и опасность,—тотъ колебался назвать ее женщиной“. Между прочимъ сей Олимпіадѣ Златоустъ далъ совѣтъ не слишкомъ довѣрять епископамъ и священникамъ, которые взялись быть благотворителями изъ ея имущества и отъ ея имени, но предложили дать ему одному право распоряжаться ея имѣніями для помощи бѣднымъ, что Олимпіада съ удовольствіемъ исполнила, ибо св. Іоанну она довѣряла болѣе, чѣмъ отцу. Ея обильныя милостыни, по сравненію св. Іоанна, лились широкой рѣкой, которая, протекая до конца земли, обиліемъ водъ своихъ превосходила самый океанъ: все церкви испытали ея благотворительность.

У Олимпіады, какъ діакошиссы, были весьма достой-

¹⁾ Терри, 56.

ныя подруги по должности, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательна Пентадія тѣмъ, что, какъ жена консула Тимасія, пострадавшаго отъ Евтропія, сосланнаго за оскорбленіе величества въ ссылку, чуть было не удостоилась одной участи съ невпипно-оклеветаннымъ мужемъ. Она нашла убѣжище въ церкви, которая спасла ее отъ постыдной участи. Евтропій приказалъ сплюю взять гопимую изъ церкви, чѣмъ нарушилъ право убѣжища, дарованное христіанской церкви. Тутъ вступился за Пентадію Златоустъ, какъ охранитель правъ и интересовъ церковныхъ, и успѣлъ отстоять предъ императоромъ право убѣжища. Пентадія всю жизнь была признательна св. Златоусту, явившемуся спасителемъ ея жизни. Впослѣдствіи она сдѣлалась украшеніемъ сословія діаконовъ.

Борьба между архіепископомъ столицы св. Іоанномъ и всесильнымъ министромъ Евтропіемъ по вопросу о правѣ убѣжища окончилась гибелью послѣдняго. Евтропій былъ сдѣланъ консуломъ (т. е. первымъ сановникомъ имперіи послѣ священной особы императора), что еще болѣе прибавило надменности этому хитрому и нравственно ничтожному человѣку. Судьба какъ бы въ насмѣшку наградила Евтропія этой вышней почестью, какой могъ удостоиться придворный сановникъ того времени (и притомъ евнухъ), лишь для того, чтобы низрицуть его съ этой головокружительной высоты, дабы паденіе его было болѣе ужаснымъ и поразительнымъ. Св. Іоаннъ Златоустъ принималъ участіе въ сей борьбѣ, достойное его личности. Св. архипастырь былъ противникомъ Евтропія до тѣхъ поръ, пока не успѣлъ защитить церковные интересы о правѣ убѣжища, котораго Евтропій былъ нарушителемъ. Достигнувъ восстановления закона о правѣ церковнаго убѣжища, св. Іоаннъ явился далѣе защитникомъ Евтропія, которому Промыслъ Божій за гордость, несправедливости, имъ содѣяныя, послалъ цѣлый рядъ бѣдствій въ достойное

возмездіе. Гордый консуль забылся до того, что осмѣлился оскорбить самое императрицу Евдокію, которая со слезами на глазахъ, приведя своихъ дѣтей къ императору Аркадію, потребовала отъ него наказанія Евтропію. Аркадіи приказалъ ему оставить всѣ должности и содержаться подъ стражей до окончательнаго рѣшенія. Несчастный бременщикъ понималъ, что рѣшеніемъ будетъ ему смертная казнь, но заступниковъ у него не оказалось. Что было дѣлать? Онъ, недавно управлявшій „всѣми дѣйствіями императорской власти“, принужденъ былъ бѣгствомъ скрыться подъ защиту церкви. Лишь теперь онъ вспомнилъ о правѣ убѣжища, которое самъ-же раньше отмѣнилъ. Св. Іоаннъ укрылъ несчастнаго бѣглеца отъ ярости враговъ, весьма многочисленныхъ, не смотря на то, что раздраженная императрица приказала было военной силой взять Евтропію отъ церковнаго жертвенника. „Вы убьете Евтропію не раньше, какъ умертвивъ меня“ — сказалъ ревностный защитникъ церковныхъ правъ и преимуществъ св. Іоаннъ, въ такихъ случаяхъ „всегда оказывавшійся на высотѣ свойственнаго его сану величія и непреклоннаго великодушія“. Его потребовалъ императоръ для объясненій, которыхъ слѣдствіемъ была лишь ссылка Евтропія. Но Промысль готовилъ ему новый и послѣдній ударъ. Св. Іоаннъ, по случаю спухъ поразительныхъ обстоятельствъ, сказалъ проповѣдь, „въ которой огненными красками изображалась суетность человѣческая“ и непрочность земнаго величія. Мѣстомъ ссылки Евтропія былъ назначенъ островъ Кипръ.

Начальникъ римскихъ войскъ Гайна, готъ по пропехожденію и аріанинъ по повѣданію, по порученію Аркадія, отправился въ 398 году въ походъ для усмиренія мятежника Требигальда, который возмутилъ часть Фригій, отпавшей теперь отъ имперіи. Гайна, измѣнически соединившись съ Требигальдомъ, потребовалъ отъ Аркадія головы Евтропія, доложивъ императору, что страшнаго бунтовщика можно успокоить только этимъ

средствомъ. Аркадіи согласился и Евтропій, быть можетъ, не достигнувъ мѣста ссылки, былъ выданъ своимъ врагамъ, которыхъ въ дни могущества не захотѣлъ обласкать, и ими обезглавленъ. Гайна, ослѣпленный своей удачей и ободренный слабостью Аркадія, сталъ себя считать наслѣдникомъ всѣхъ должностей Евтропія, но, обманувшись въ своихъ планахъ, началъ метить Аркадію грабежами и разореніями Фригій. Аркадіи испугался послѣдствій разрушенія и послалъ къ Гайнѣ вельможъ для переговоровъ, но условія послѣдняго были весьма тяжелы тѣмъ болѣе, что постепенно, по мѣрѣ удачъ, увеличивались. Гайна, наконецъ, потребовалъ самого императора для переговоровъ, состоявшихся въ Халкидонѣ. Гайна клятвенно увѣрилъ Аркадія въ своей дальнѣйшей покорности и получилъ отъ него управление арміей.

Скоро представился случай самому св. Іоанну имѣть серьезныя объясненія съ Гайной. Св. Іоаннъ весьма ревностно, какъ видно изъ дѣла Евтропія, оберегалъ интересы св. Христовой церкви. Ко времени управленія св. Іоанна константинопольской кафедрой уже всѣ церкви отъ аріанъ перешли къ православнымъ и аріане свои богослужебныя собранія принуждены были устраивать за городомъ, гдѣ имѣли и храмы. Гайна, какъ аріанинъ, не желалъ молиться въ одномъ храмѣ съ православными, почему для молитвы долженъ былъ ѣздить за городъ въ единовѣрный храмъ. Это показалось Гайнѣ оскорбительнымъ, почему онъ потребовалъ, чтобы одинъ изъ столичныхъ храмовъ былъ преданъ во власть аріанъ. Сколько императоръ ни просилъ Гайну отказаться отъ своего оскорбительнаго для православной церкви требованія, гордый готъ остался непреклоннымъ. Императоръ передалъ дѣло св. Златоусту, который силой своего пастырскаго убѣжденія заставилъ Гайну уступить. Между прочимъ, св. Іоаннъ сказалъ, что если Гайна желаетъ молиться, то для него открытъ каждый храмъ въ Константинополѣ, чѣмъ указано было на необходи-

мость присоединенія къ православію. Кромѣ того св. Іоаннъ поставилъ на видъ государю, что интересы православія онъ обязалъ блюсти выше своихъ государственныхъ преимуществъ и въ доказательство своей мысли показалъ изданный Θεодосіемъ указъ, коимъ запрещалось аріанамъ имѣть молитвенные дома въ столицѣ. Гайна покорился, но не надолго. Вскорѣ мстительный варваръ уже открылъ бунтъ во Фракіи, чѣмъ въ Константинополь устрашились до того, что всѣ военачальники отказались идти въ походъ противъ Гайны. Но тутъ-то вотъ, когда мечъ военный не могъ помочь бѣдѣ, мечъ духовный спасъ столицу отъ варварскаго опустошенія. И Златоустъ умѣлъ владѣть мечемъ духовнымъ. Когда всѣ отказались отправиться къ разсерженному Гайнѣ въ качествѣ посла-умилюстивителя, Златоустъ принялъ на себя это трудное, опасное и отвѣтственное дѣло; вѣдь онъ былъ ученикъ антиохійскаго епископа Флавіана и, подобно ему, не боялся положить жизнь свою за пасомыхъ. Однако св. Іоанну почти не пришлось употребить въ дѣло своего грознаго оружія, огненнаго слова, коимъ единственно и былъ силенъ. Суровый и злобный Гайна, узнавъ, что посланникомъ отъ императора идетъ святитель—слава міра, вышелъ къ нему на встрѣчу и поклонился ему и подчинился всѣмъ его увѣщаніямъ. Гайна поклонился силѣ пастырскаго вліянія, дѣйствовавшей въ св. Іоаннѣ. Стало быть, тотъ, кто не убоился цѣлой имперіи, подчинился слабому воину Христа, сильному Его силою, потому что онъ былъ сильнѣе цѣлой арміи. Это было великой побѣдой Златоуста въ 398—9 году. Однако, Гайну скоро постигла давно заслуженная имъ участь: онъ былъ убитъ въ войнѣ съ варварами.

Гайна дѣйствовалъ, конечно, по проискамъ аріанъ, коихъ былъ силою, гордостью и главою. Но проски ихъ не увѣщались успѣхомъ: волки не проникли въ церковную ограду. Это впрочемъ не была ихъ единственная

къ сему попытка, по и прочія окончились неудачей, потому что во главѣ православнаго стада стоялъ пастырь добрый—св. Іоаннъ Златоустъ. Для распространенія своихъ лжеученій аріане придумали новое довольно сильное средство: торжественныя внѣцерковныя процессіи по улицамъ столицы съ пѣніемъ священныхъ пѣсней аріанскаго содержанія. Эти процессіи оказались весьма полезны для еретическихъ цѣлей, ибо увлекали даже многихъ православныхъ, любителей церковнаго пѣнія. Златоустъ признавъ увлекающую силу церковнаго пѣнія, обратилъ съ обычной мудростію это средство въ пользу православія. Изъ православныхъ церквей въ урочное время стали выходить православныя процессіи съ пѣніемъ гимновъ православнаго характера, съ возженными факелами, привлекишіе громадныя толпы народа, одушевленнаго религіозной ревностію. Въ православныхъ процессіяхъ участвовала даже императрица, принявшая на себя весь свѣчной расходъ по сему дѣлу. Это противодѣйствіе православія еретическимъ замысламъ, душой котораго былъ архіепископъ столицы, раздражило еретиковъ. Они устроили беспорядки. Однажды процессіи аріанъ и православныхъ встрѣтились въ одной улицѣ, слышались въ промежуткахъ пѣнія обоюдныя насмѣшки и ругательства, полетѣли камни въ головы православныхъ и аріанъ, при чемъ приближенный къ Евдокіи евнухъ Бризонъ былъ тяжело раненъ камнемъ въ голову.

Правительство запретило процессіи. Златоустъ съ улицъ, такъ сказать, перенесъ торжества въ храмы, которыхъ въ городѣ у аріанъ не было. Православные, собираясь по вечерамъ въ храмы, ярко освѣщенные одушевлялись въ нихъ пѣніемъ гимновъ, что послужило началомъ нашихъ всенощныхъ бдѣній, которыя въ вѣкъ Златоуста были всенощными въ собственномъ смыслѣ... „Ночь“, говоритъ святитель, „создала не для того, чтобы всю проводить ее во снѣ и покоѣ... Церковь

Божія встаетъ въ полночь. Встань и ты и созерцай хоръ звѣздъ, это глубокое безмолвіе, эту безграничную тишину. Преклонись предъ Провидѣніемъ твоего Господа. Во время ночи душа болѣе чиста, болѣе легка, она съ меньшими усиліями поднимается выше; самая тьма и это величавое безмолвіе располагають ее къ созерцательности“...

Златоустъ, дѣйствительно, любилъ и умѣлъ одушевлять свою паству, убѣждая ее къ великимъ подвигамъ, для чего иногда пользовался выдающимися обстоятельствами въ ея жизни. Въ 398 году случилось величайшее землетрясеніе въ Константинополь; съ нимъ и раньше случались подобныя бѣдствія, но ни одно изъ нихъ не принесло столько горя и бѣдъ жителямъ столицы, какъ это. Народъ былъ въ волненіи; власти не могли управиться съ беспорядками; царская семья поспѣшно удалилась изъ столицы. Въ ней остался одинъ хозяинъ, одинъ утѣшитель, одинъ начальникъ—св. Іоаннъ. Ему эта роль была хорошо знакома. И архипастырь выполнилъ ее такъ-же блестяще, какъ и въ Антиохіи. Его проповѣди привлекли массы народа и успокоили его. Отъ бѣдствія осталось лишь одно горькое воспоминаніе. Златоустъ весьма удачно сдумѣлъ поворотить мысль и чувство народное къ религіи. Въ 9 миляхъ отъ Константинополя за Босфоромъ былъ устроенъ новый великолѣпный храмъ въ честь св. апостола Тѳомы. Св. Іоаннъ рѣшилъ перенести въ новоустроенный храмъ мощи св. мучениковъ, что и было исполнено въ сентябрѣ. По совершеніи всеобщаго бѣнія въ такъ называвшейся Великой Константинопольской церкви св. мощи ночью, при громадномъ стеченіи жителей съ зажженными факелами, имѣвшихъ во главѣ саму императрицу, были перенесены въ предназначенный храмъ св. апостола Тѳомы.

Это шествіе было умоплетельно. Златоустъ краснорѣчиво описалъ его въ проповѣди. „Какъ бы нѣкое новое

море (народа) разлилось отъ самаго города до сего мѣста (храма св. Фомы, въ которомъ произнесена эта проповѣдь), море, не воздымаемое волнами, не угрожающее кораблекрушеніемъ, не имѣющее подводныхъ камней, море съ водою сладчайшею всякаго меда и болѣе всякой другой воды годное къ питію.

„Не ошибется тотъ, кто сіе море назоветъ огненною рѣкою. Подлинно въ продолженіе почти свѣтильники въ великомъ множествѣ и непрерывно черезъ весь путь, даже до самаго сего храма распространенные, представляли видъ рѣки огненной“. Пустыня сдѣлалась городомъ, который за отсутствіемъ жителей сдѣлался пустынь. „Смотри: сколько овецъ и ни одного волка! Сколько винограда и нѣтъ тернія!“—воскликнулъ проповѣдникъ. Присущее Златоусту смиреніе не позволяло ему сознаться, что именно онъ былъ виновникомъ такого прекраснаго духовнаго настроенія христіанъ. Императоръ Аркадіи со всею свитою на другой день явился для поклоненія мощамъ, чѣмъ увеличилъ торжество, къ великой радости его устроителя св. Іоанна *). Это торжество св. вѣры и усердія къ ней православныхъ привело въ ушыіе еретиковъ, населявшихъ Константинополь, чѣмъ св. ревнитель православія былъ очень доволенъ, потому что могъ стараться далѣе распространить его свѣтъ въ тьму язычества.

Св. Іоаннъ, дѣйствительно, замѣчательнъ своею миссіонерскою работою. Приближался 400-й годъ христіан-

---

*) Въ 399 году снова было волненіе народа въ Константинополь предъ Пасхой. Въ среду страстной седмицы жители столицы были напуганы грозой и дождемъ, отъ которыхъ нашли спасеніе въ постѣ и молитвѣ по храмамъ; въ пятницу же той-же недѣли массы народа уже съ упоеніемъ смотрѣли конскіе бѣга, а въ субботу—зрѣлища. Такое непостоянство въ дѣлѣ вѣры сильно смутило Златоуста и онъ разразился громовой проповѣдью, получившей всемірную извѣстность. Народъ покался, платя слезами Златоусту за его любовь къ нему.

ской эры. Язычники, увлеченные своими оракулами, начали распространять убѣжденіе, что сей годъ—роковой для христіанства, которому суждено существовать лишь четыре столѣтія, чтобы за тѣмъ снова уступить мѣсто язычеству. Оно подняло было голову. Но императоры востока и запада издавали указъ за указомъ, клонившіеся къ ослабленію язычества, нелѣпныхъ надеждъ котораго не раздѣляли, конечно. Язычество сильно было въ Финикіи, въ которой очень распространена была слава маіюмскихъ празднествъ, отличавшихся развратомъ. Нѣсколько разъ подвергавшіеся запрещенію и потомъ возстановлявшіеся эти безобразія были окончательно отмѣнены при несомнѣнномъ стараніи объ этомъ Златоуста, хорошо знакомаго съ Финикіей. Онъ отправилъ для насажденія христіанства туда миссію, о которой всегда впослѣдствіи заботился.

Но Златоустъ мало доволенъ былъ всѣмъ этимъ. Это былъ—глубокій государственный умъ того времени (IV в.). Одушевленный идеей Промысла Божія, строящаго міръ, онъ лучше другихъ понималъ сущность совершавшихся около него народныхъ движеній съ востока на западъ, понималъ роль христіанства въ великомъ переселеніи народовъ, увѣренъ былъ въ ихъ будущности и не желалъ оставаться празднымъ зрителемъ современныхъ ему міровыхъ переворотовъ. Какъ апостоль, св. Іоаннъ горѣлъ желаніемъ просвѣтити варваровъ-язычниковъ или аріанъ свѣтомъ православія, о которомъ онъ думалъ, что оно должно стать основнымъ камнемъ ихъ цивилизаціи. Скифы, занимавшіе равнину по Днѣпру и Дунаю (часть нынѣшней Россіи), и готы-аріане испытали благотворное вліяніе снаряженной къ нимъ св. Іоанномъ миссіи. Богъ благословилъ ея труды и тѣ варвары, „которые раньше пили кровь человѣческую“, научились считать любовь, явленную во Христѣ, высшимъ благомъ жизни и сердца. Не мало святитель заботился и о готахъ, которымъ позволилъ совершать

богослуженіе на ихъ туземномъ языкѣ и самъ бесѣдовалъ иногда съ ними чрезъ переводчиковъ въ храмѣ, для готовъ отведенномъ.

Другія дѣла церковныя не менѣе озабочивали Златоуста. Онъ образовалъ вокругъ себя партію преданныхъ ему лицъ. Съ ними онъ хотѣлъ исправить все церковныя пороки. Партія его была немногочисленна, но въ ея средѣ были достойные люди, какъ, напр., архидіаконъ Серапіонъ, суровый и непреклонный инокъ Златоустъ желалъ, чтобы учащее сословіе—пастыри самымъ дѣломъ проповѣдывали то, чему учили. Для архипастырейныхъ бесѣдъ Златоустъ собиралъ къ себѣ клиръ, которому внушалъ ходить достойно принятаго званія. Но проповѣди епископа-аскета падали на невоспримчивую почву: изнѣженные столичные пастыри разсѣянно и равнодушно слушали укоры, обличенія, наставленія и совѣты своего верховнаго вождя. Это раздражило однажды преданнаго Златоусту архидіакона Серапіона, наблюдавшаго за дѣйствіемъ рѣчи на слушателей, на столько, что онъ сказалъ, обратившись къ Златоусту: „не можешь, владыка, исправить ихъ, если всехъ не погоняешь однимъ жезломъ“.

Этотъ совѣтъ далъ другое направленіе чувствамъ слушающихъ. Они съ негодованіемъ встрѣтили этотъ совѣтъ и многіе изъ нихъ стали яркими врагами Златоуста.

Но „какъ пламя тѣмъ болѣе возвышается, растетъ и укрѣпляется въ своей силѣ, чѣмъ болѣе получаетъ для своего питанія горючаго вещества: такъ и ревность апостольская всегда возгорается и возрастаетъ по мѣрѣ встрѣчаемыхъ препятствій и величія жертвъ, которыя она должна принести для славы Божіей и спасенія ближнихъ. Человѣкъ съ апостольскою ревностію, чѣмъ болѣе сдѣлалъ, тѣмъ болѣе желаетъ дѣлать; и такъ какъ онъ замѣтуетъ свою силу отъ Бога, то съ усердіемъ дѣлаетъ не тогда только, когда видитъ успѣхъ

въ дѣлахъ, но и при встрѣчающихся препятствіяхъ не унываетъ и не ослабѣваетъ въ усердіи къ дѣлу. Какъ потокъ течетъ всегда, хотя бы никто не черпалъ изъ него воды: такъ и пастырь духовный, согрѣтый пламенною любовію къ ближнимъ, не перестаетъ заботиться о спасеніи своей паствы, не смотря на безплодіе почвы, имъ воздѣлываемой“ *). Въ сихъ словахъ точно высказано основное правило пастырской дѣятельности Златоуста,—настойчивость въ проведеніи разъ принятыхъ пастырскихъ цѣлей безъ всякой уступки обстоятельствамъ времени и лицамъ. Слабый тѣломъ св. Іоаннъ обладалъ весьма крѣпкимъ духомъ.

Весьма рѣзко выразилась эта пастырская настойчивость св. Іоанна въ результатахъ его поѣздки по Малоазійскимъ церквамъ, въ управленіи которыхъ онъ произвелъ существенныя перемѣны. Предстоятелемъ церкви Ефесской въ самомъ началѣ 5 столѣтія былъ нѣкто Антонинъ, епископъ, совершенно недостойный носимаго сана. Его онъ приобрѣлъ подкупомъ, „на чистыя деньги“, и чтобы вернуть понесенные при избраніи расходы, онъ продавалъ церковныя должности.

Не Антонинъ ввелъ этотъ порядокъ купли-продажи церковныхъ посвященій, но онъ былъ скупѣе и жаднѣе другихъ, такъ что сильно разросшееся зло, къ которому уже начали привыкать, потребовало серьезныхъ мѣръ для леченія.

На Константинопольскомъ соборѣ 400 года явился обвинителемъ Антонина и поставленныхъ отъ него за деньги епископъ Евсевій Валентинопольскій и св. Іоаннъ ужаснулся предъ той глубиной правственнаго паденія, въ какой погрязъ Ефесскій клиръ. Обвинителя обязали немедленно представить свидѣтелей, но обвиняемый скоро умеръ, а дѣло, на время затихшее, быстро разгорѣлось. Беспорядки при избраніи преемника Антонину

---

*) Жизнь св. Іоанна Златоуста. Москва. 1860 г. стр. 307—308.

разрослись до такой степени, что лучшие люди въ Ефесѣ изъ клира и народа, собравшись, послали письмо св. Іоанну, которымъ просили его, какъ архіепископа столицы, пріѣхать въ Ефесъ для возстановленія запущенныхъ дѣлъ. „Въ то время, какъ мы пишемъ тебѣ, щедро раздаются деньги (въ народѣ, избирателямъ) и стая бѣшеныхъ волковъ бросается на панъ епископскій престолъ, какъ на свою добычу“. Архіепископъ, не смотря на трудность зимняго пути и нездоровье, не замедлилъ явиться въ Ефесъ, въ которомъ избирательная горячка достигла высшей степени. На собранномъ изъ 70 епископовъ соборѣ, Златоустъ, оплакавъ бѣдствія Ефесской церкви, предложилъ избрать діакона Гераклида съ нимъ пріѣхавшаго, во епископа Ефесу. Это было неожиданнымъ, но неотразимымъ ударомъ для всѣхъ некателей, дѣйствовавшихъ подкупомъ. Мнѣніе Златоуста было принято большинствомъ собора и народа и Гераклидъ былъ посвященъ. Онъ отличался краснорѣчіемъ, былъ извѣстенъ, какъ толкователь Писаній и аскетъ. Богъ послалъ ему долю Златоуста.

Гераклидъ умеръ въ изгнаніи. Порывшись дѣло, по которому пріѣхалъ, Златоустъ взялся за другія преобразованія въ Малоазійскихъ церквахъ. Евсевій, снова появившійся, представилъ такія вѣскія обвиненія и такую массу свидѣтелей, что шесть епископовъ были низложены и замѣнены другими, избранными не за деньги, а по достоинству. Скоро и другіе епископы другихъ областей Востока, въ числѣ тринадцати, были низложены за безправственность, симонію *) и др. пороки. Особенно строго поступилъ св. Іоаннъ съ никомидійскимъ епископомъ Геронтіемъ.

Эта личность была загадочна. Когда-то Геронтіи въ Миланѣ (на Западѣ) былъ врачомъ и магомъ, по такъ

*) «Симоніей» и называется пріобрѣтеніе церковнаго сана подкупомъ или за деньги.

искусно умѣлъ притвориться благочестивымъ, что св. Амвросій, епископъ медиоланскій, сдѣлалъ его діакономъ. Новопосвященный не переставалъ заниматься медициной и магіей. Когда объ этомъ узналъ св. Амвросій, то исключилъ его изъ клира. Геронтій удалился въ Константинополь понытать счастья. Въ столицѣ имперіи ему повезло: благодаря своимъ медицинскимъ познаніямъ, пронырливости, хитрости, Геронтій попалъ ко двору. Оттуда взялъ его въ клиръ Гелладій, епископъ Кесаріи Каппадокійской, которому Геронтій сумѣлъ оказать крупную услугу, и посвятилъ его во епископа Никомидійскаго. Не смотря на любовь Никомидійцевъ къ Геронтію, Златоустъ привелъ его къ суду, ибо зналъ его позорное прошлое. Геронтій защищался, но безуспѣшно: онъ былъ осужденъ. Его мѣсто занялъ Палсофій, когда-то бывший учителемъ императрицы, чловѣкъ достойный, хотя Никомидійцы приняли его съ ненавистью, ибо Геронтій имъ правился.

Крутыя мѣры Златоуста были причиною того, что противъ грознаго архипастыря въ Малой Азій составилась цѣлая партія недовольныхъ, съ Геронтіемъ во главѣ. Ихъ впрочемъ было гораздо больше въ Константинополѣ.

Во время отсутствія св. архипастыря изъ столицы въ ней происходило соединеніе многочисленныхъ враговъ Златоуста въ одну партію. Ее составляли: епископы, священники, діаконы, діакоиссы и монахи, недовольные обличеніями Златоуста, близко ихъ касавшимися; дамы высшаго столичнаго общества, которыхъ неумолимо-суровый подвижникъ-архипастырь обличалъ за роскошь, безнравственность, пересуды, жадность къ деньгамъ,—въ числѣ ихъ особенно были извѣстны: Марса, Кастриція и Евграфія, близкія ко двору и императрицѣ; богачи, трепетавшіе предъ краспорѣчивымъ описаніемъ тѣхъ мукъ, которые уготованы немилосерднымъ и многіе другіе, „имъ же число неогонъ“.

Но мы не указали еще самых главных враговъ Златоуста, которыхъ имена сохранила исторія для того лишь, чтобы запятнать ихъ позоромъ. Три женщины—Марса, Кастриція и Евграфія—были тайными друзьями заговора. Онѣ имѣли цѣлью изложеніе св. Іоанна.

Но не имъ принадлежала главная роль въ семъ позорномъ дѣлѣ. Душой заговора была сама императрица, оскорбленная намеками на свои пороки въ проповѣдяхъ св. Іоанна. Ей передавали, что подъ Іезавелью и Продиодою разумѣется именно сама августѣйшая царица, а имена этихъ позорныхъ женщинъ весьма часто попадались въ рѣчахъ Златоуста. Евдокія была женщина метильная, честолюбивая, властная, выше-религіозная, безирравственная и жадная. Она дѣйствительно могла узнать себя во многихъ обличеніяхъ св. Іоанна, хотя онѣ и не направляли ихъ противъ нее.

Вина его была въ томъ, что „онѣ умѣли давать плоть и кровь самымъ суровымъ наставленіямъ; что онѣ сильно бичевали пороки, исполнѣ освѣщая его, дабы представить его отвратительнымъ и достойнымъ посмѣянія“ *). Какъ вербовались въ эту партію церковные сановники, могшіе быть полезными, легко представить по нѣсколькимъ случаямъ. Акакій Берійскій, весьма уважаемый 80-лѣтній старецъ-епископъ, изъ крѣпкихъ друзей Златоуста, жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, превратился въ ожесточеннаго врага потому лишь, что св. Іоаннъ не умѣлъ угостить его, какъ слѣдовало бы. Акакій любилъ поѣсть, а св. Іоаннъ предложилъ ему самый простой обѣдъ, которымъ самъ всегда довольствовался. Акакію объяснили, что Златоустъ хотѣлъ чрезъ это посмѣяться надъ его сластолюбіемъ, чему старикъ повѣрилъ и, оскорбленный, воскликнулъ: „если онѣ такъ пренебрегаютъ мною, то отплачу-же ему и заварю питье, которое ему не такъ-то легко будетъ вы-

---

*) Терри, 36.

нить“ *). Еще раньше малоазійскихъ событій въ столицу пріѣхалъ епископъ габальскій Северіанъ, землякъ Златоусту (оба—изъ Сиріи).

Северіанъ былъ умный, пронырливый, льстивый, нѣсколько краснорѣчивый человѣкъ. Онъ сказалъ нѣсколько проповѣдей, понравившихся при дворѣ. Златоустъ предъ отъѣздомъ поручилъ Северіану управленіе кафедрой—и ошибся: онъ оказался тайнымъ врагомъ святителя.

Северіанъ рѣшилъ превзойти Златоуста краснорѣчіемъ. Честолюбивому Северіану, цѣли котораго были очевидны всѣмъ, дали понять при дворѣ, что его краснорѣчіе даетъ ему право быть преемникомъ св. Іоанна, если Северіанъ поможетъ его изложенію У Августы Евдокіи родился сынъ, котораго крестилъ замѣститель св. Іоанна Северіанъ, ставшій чрезъ это весьма близкимъ епископомъ при дворѣ. Северіанъ изъ поклонниковъ Златоуста быстро перешелъ въ число враговъ, надѣясь быть его преемникомъ. Антіохъ епископъ Птолемандскій подобнымъ же образомъ былъ завербованъ въ партію враговъ св. Іоанна, который къ маю 401 года возвратился въ Константинополь. Народъ, весьма любившій Златоуста, торжественно встрѣтилъ своего пастыря. Побужденіемъ скорѣе возвратиться въ столицу для св. Іоанна было письмо къ нему его друга Серапіона, который писалъ о всѣхъ козняхъ Северіана. При вѣтственная рѣчь св. Іоанна къ народу сквозитъ намеками на его враговъ, которые во время его отсутствія весьма усиленно развивали свою дѣятельность, вредную для блага церкви. При свиданіи св. Іоаннъ лично сказалъ Антіоху и Северіану: „вы ведете жизнь прихлебателей и льстецовъ; вы стали басней города, весь изображаетъ въ театрѣ комедія“. Это была правда.

Народъ смѣялся надъ этими проповѣдниками, видя

*) Тьерри, 76.

ихъ безуспѣшныя усилія соперничать съ св. Златоустомъ въ краспорѣчїи. Лагерь сторонниковъ Златоуста въ средѣ аристократїи былъ весьма малочисленъ, но на его сторонѣ былъ народъ и правда. И вотъ теперь, къ началу 402 года,—когда слава Златоуста стала всемирной, ненависть его враговъ уже не знала себѣ предѣловъ. Въ Константинополѣ возгорѣлась война, въ которой противниками оказались враги и почитатели Златоуста. Дворъ и знать образовали центръ его враговъ, а народъ и лучшая часть клира составили крѣпкую защиту св. страдальца. Впослѣдствїи же любовь и ненависть къ нему подѣлили даже весь христіанскій міръ на двѣ половины.

Поводомъ къ обнаруженію ненависти послужила ссора между Северіаномъ и Серапіономъ. Северіанъ уже рассчитывалъ скоро смѣнить Златоуста, значеніе котораго пошатнулось послѣ путешествія, почему сталъ гордъ, заносчивъ и не оказывалъ повиновенія и почтенія архіепископу. Серапіонъ далъ понять Северіану неприличіе его поведенія. Северіанъ оскорбилъ архидіакона. Оскорбителю судомъ архіепископа былъ лишенъ причастія св. Таинъ и долженъ былъ бѣжать изъ столицы, ибо народъ, узнавъ о козняхъ Северіана, хотѣлъ было съ нимъ расправиться по своему. Евдокія заступилась за Северіана. Она просила Златоуста простить его. Тотъ не соглашался было, но, наконецъ, уступилъ настойчивости императрицы. Св. Іоаннъ сказалъ рѣчь, которой убѣждалъ народъ простить Северіану его неповиновеніе. Северіанъ принялъ примиреніе св. Іоанна съ извиненіемъ предъ нимъ. Буря такимъ образомъ улеглась, но не надолго. „Въ то же время собиралась другая—на далекомъ краю Восточной имперїи, близъ Нильской долины—и дуновенія, враждебныя Златоусту, надвигали ее изъ Александріи въ Константинополь“ *)

---

*) А. Тьерри, 89.

Перо отказывается изображать тѣ бѣдствія, которыя причинила эта новая буря Златоусту, сведя его въ безвременную могилу въ далекомъ изгнаніи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Борьба св. Іоанна Златоуста съ врагами, его изгнаніе, смерть и прославленіе.

«Слава Богу за все!»

Амвнн.

Какъ ни велика была партія враговъ Златоуста, все-же въ ней не было на столько виднаго церковнаго сановника, который могъ бы завязать борьбу съ Златоустомъ. Извѣстно, что умѣлое начало дѣла есть предвѣстникъ его хорошаго конца. Почва для борьбы была подготовлена. Нужно было начинать самую борьбу, искать для нея новаго повода, ибо желаніе враговъ Златоуста видѣть его низложеннымъ—желательный результатъ предполагавшейся борьбы—заявляло въ нихъ о себѣ съ большею силою, нежели потребность питанія и сна. Такое преслѣдованіе возбудили правда и добро въ высшемъ своемъ обнаруженіи въ лицѣ Златоуста.

Нужно замѣтить, что историки жизни Златоуста уже ничего не передаютъ намъ о его административной архипастырской дѣятельности, ибо она до крайности съузнулась подъ противодѣйствіемъ враговъ, а занимаются лишь изображеніемъ борьбы, открывшейся между Златоустомъ и его врагами. Насколько безупречно было поведеніе Златоуста въ сей борьбѣ, настолько враги его запятнали себя подкупами, лестью, наговорами, клеветой, насиліями, подлогами и т. п. пороками.

Наконецъ, нашли поводъ для борьбы и лицо, весьма высокопоставленное для того, чтобы начать ее.

Далеко отъ Константинополя, въ Египетской Нитрійской пустынѣ, гдѣ „городами были монастыри, а земледѣльцами—пустынники“, пользовались великой славой четыре брата, извѣстные подъ именемъ „Длинныхъ“ или „Долгихъ“ (сообразно ихъ высокому росту). Ведя аскетическую жизнь, они занимались толкованіемъ священнаго Писанія и ихъ литературные опыты этого рода стяжали имъ извѣстность. Епископы Александрійскіе относились къ нимъ внимательно. Поочередно всѣмъ симъ братьямъ предлагались епископскіе престолы, отъ которыхъ они упорно отказались, кромѣ Діоскора, поставленнаго епископомъ „горъ Нитрійскихъ“ (заселенныхъ одними скитами), но не оставившаго обычныхъ суровыхъ подвиговъ аскетизма. Эти братья дружили съ „великимъ страннопримцемъ“ Исидоромъ, который имѣлъ несчастье обратить на себя несправедливый гнѣвъ Теофила, александрійскаго архіепископа, по дѣлу, въ которомъ Богъ и совѣсть оправдывали поведение Исидора.

Теофиль былъ злымъ гениемъ своего вѣка. Онъ обладалъ громадными богословскими познаніями и авторитетъ его, какъ ученаго, былъ весьма высокъ. Его церковная дѣятельность была длиннымъ рядомъ злодѣяній. Теофиль былъ мстителенъ, честолюбивъ и корыстолюбивъ и для удовлетворенія сихъ страстей употреблялъ хитрость, лесть, насиліе, клевету, подкупъ и прочія недозволенные средства. Клирики его не любили. Епископовъ онъ притѣснялъ. Церковное имущество присваивалъ себѣ. Исидоръ Пелусіотъ называлъ Теофила „пламеннымъ другомъ драгоценныхъ камней, усерднымъ почитателемъ золота“. Пользуясь въ Константинополѣ уваженіемъ, Теофиль всегда принималъ сильное участіе въ замѣщеніи Александрійской префектуры. Теофилу шпіоны усердно (за деньги) доносили, что дѣлается въ императорскомъ дворцѣ и въ средѣ высшей столичной знати. Палладій называетъ Теофила „христіанскимъ фараономъ“ Египта.

Вражда между Исидоромъ и Теофиломъ возникла изъ-за корыстолюбія послѣдняго, которое было безмѣрно. Исидоръ, по просьбѣ одной женщины, не заявилъ Теофилу, что отъ нея получили сумму денегъ для раздачи бѣднымъ. Деньги были розданы безъ участія Теофила, которому ничего не досталось. Во второй разъ Исидоръ не подтвердилъ ложнаго показанія, котораго требовалъ отъ него Теофиль, чтобы присвоить себѣ наслѣдство, предназначенное чрезъ его сестру въ пользу церкви. Исидоръ былъ преданъ суду Теофиломъ, но не за эти поступки. „Долгимъ“ братьямъ приказано было подтвердить взведенныя на Исидора Теофиломъ клеветы. Но „Долгіе“ монахи сказали, что „не знаютъ въ Египтѣ челоувѣка болѣе достойнаго“, чѣмъ Исидоръ. Исидоръ, все-таки осужденный, долженъ былъ искать спасенія отъ преслѣдованій мстительнаго Теофила и не надолго пашель покой въ Нитрійскомъ скитѣ у Долгихъ братьевъ. Они старались испросить ему прощеніе у Теофила, но сіе не удалось.

Теофиль обвинилъ Долгихъ братьевъ въ ереси Оригена, въ оригенизмѣ *), заковалъ въ цѣпи, а Аммонію избилъ лицо до крови, заключилъ несчастныхъ иноковъ

*) Оригенъ былъ знаменитѣйшимъ Александрійскимъ богословомъ III вѣка. Его сочиненіе «о началахъ», излагавшее догматику христіанства, и толкованія Священнаго Писанія стяжали Оригену всемірную извѣстность. Но въ его, дѣйствительно, замѣчательныхъ твореніяхъ встрѣчались ошибочныя, неправославныя мнѣнія, которыхъ упорнымъ защитникомъ Оригенъ не былъ. Были въ христіанствѣ двѣ партіи, изъ которыхъ одна считала Оригена православнымъ, а другая даже еретикомъ. Совокупность ошибочныхъ мнѣній Оригена называется «оригенизмомъ», и, какъ таковой, онъ достоинъ порицанія. Теофиль сначала считалъ Оригена еретикомъ, а потомъ сталъ уважать его, кромѣ его ошибочныхъ мнѣній: послѣдняго рода отношеніе къ Оригену справедливо. Нужно замѣтить, что Долгіе братья весьма уважали Оригена, исключая его ошибочныхъ воззрѣній, чего Теофиль никакъ не хотѣлъ принять во вниманіе. «Оригенизмомъ» «Долгіе» иноки не страдали.

въ тюрьму, а потомъ, выпустивъ ихъ по настоянію любившаго ихъ народа, отправилъ въ мѣста ихъ суровыхъ подвиговъ. Обитатели пустыни удивились, что монахи, составлявшіе ихъ гордость, закованы въ цѣпи. Скоро посланіе Теофила разъяснило, что оригенизмъ Долгихъ братьевъ навлекъ на нихъ сію кару. Теофилъ подговорилъ негодныхъ личностей, „которыхъ не захотѣли бы ранѣ сдѣлать привратниками“, а въ послѣдствіи одного изъ нихъ посвятили епископомъ,—наклеветать, что въ Нитріи оригенизмъ нашеть себѣ прочное гнѣздо. Желанный доносъ явился и Теофилъ съ войскомъ, пьянымъ и грубымъ, отправился походомъ на Нитрію, чтобы отсюда изгнать ересь.

Ужасна была ночь, въ которую происходила расправа съ мнимыми еретиками: ихъ кельи грабили и ломали, обитатели разбѣжались въ ночь, которую освѣтило зарево пожара. Долгіе братья скрылись, почему Теофилъ, питавшій надежду поймать ихъ, сильно разгнѣвался, сжегъ ихъ хижину вмѣстѣ съ охранявшимъ ее мальчикомъ и „уѣхалъ не ранѣ, какъ потухли послѣдніе отблески пожара“. Разбѣжавшіеся монахи—около 300—были осуждены, какъ еретики, безъ принятія отъ нихъ оправданій окружнымъ соборомъ Египетскихъ епископовъ по настоянію Теофила, и родной Египетъ сталъ для всѣхъ сихъ монаховъ чуждой страной, изъ которой осужденные спѣшили удалиться, чтобы гдѣ нибудь найдти на землѣ правду и защиту отъ насилія. Но... ихъ надеждамъ не суждено было сбыться.

Долгіе братья—о нихъ теперь рѣчь—спѣшили въ Константинополь, въ великому Іоанну, который по положенію столичнаго епископа былъ выше Теофила; у святого Златоуста, о которомъ слава шла по всему Египту, невинные страдальцы искали справедливаго суда надъ Теофиломъ. Труденъ былъ путь иноковъ до столицы, ибо окружное посланіе Теофила извѣщало, что они еретики, но наконецъ, послѣ многочисленныхъ лишеній,

Долгіе братья съ другими монахами — ихъ было до 50 человекъ — достигли столицы. Явившись къ св. Златоусту, Долгіе братья рассказали о всѣхъ неистовствахъ Теофила такъ правдиво и обстоятельно, что сомнѣнію мало оставалось мѣста. Св. Іоаннъ, „самъ воспитанный цвѣтомъ восточныхъ ученій“, нашелъ братьевъ православными. Св. Іоаннъ обѣщаль Долгимъ братьямъ, что или убѣдитъ Теофила снять съ нихъ отлученіе или новый соборъ ихъ оправдаетъ. Однако, осторожный святитель не помѣстилъ пришельцевъ въ своемъ домѣ, не допустилъ ихъ до св. Причастія и совѣтоваль имъ хранить молчаніе, чтобы не подвергать позору церковь, въ которой творились такія дѣла. Златоустъ хотѣлъ испытать все средства къ примиренію Нитрійскихъ иноковъ съ Теофиломъ. Ему св. Іоаннъ написалъ письмо, умоляя Теофила именемъ церкви и славы Божіей даровать ему, какъ брату и сыну, прощеніе мнимыхъ преступниковъ, въ ученіи которыхъ не оказалось ничего противнаго вселенской вѣрѣ. Теофиль отвѣтилъ Златоусту письмомъ, въ которомъ упрекалъ его въ нарушеніи никейскихъ соборныхъ правилъ, но совершенно неправильно. Скоро за письмомъ Теофила явилась депутація изъ членовъ клира Александрійской церкви къ императору съ просьбой изгнать изъ Константинополя мятежниковъ противъ церкви и государства, чародѣевъ и еретиковъ, коимъ имя — Долгіе братья и ихъ товарищи, явившіеся обвинителями Теофила. Но несчастные иноки подали на него жалобу императору, вслѣдствіе чего защитникъ ихъ Златоустъ отказался содѣйствовать имъ, какъ нарушителямъ даннаго ими слова хранить молчаніе о дѣлѣ и не жаловаться въ мірской судъ. Императрица-же изъ ненависти къ Златоусту взяла ихъ подъ свою защиту и въ рукахъ этой порочной женщины дѣло закипѣло.

Подъ ея вліяніемъ императоромъ съ согласія Златоуста былъ подписанъ указъ о созывѣ собора для раз-

смотрѣнія жалобы Долгихъ братьевъ на Теофила, къ которому Елафій лично ѣздилъ въ Александрію передать приказъ явиться для оправданія во взведенныхъ на него обвиненіяхъ. Сей неблагопріятный Теофилу оборотъ дѣла перепугалъ его сильно: вмѣсто судьи ему приказали явиться обвиняемымъ. Но ловкость Теофила помогла ему выпутаться изъ бѣды. Имѣя въ Константинополь массу шпіоновъ, Теофилъ прекрасно зналъ все положеніе дѣлъ при дворѣ. Теофилъ понималъ, что все дѣло обращалось въ борьбу между шмъ и Златоустомъ. Но Теофилъ зналъ по сообщеніямъ своихъ шпіоновъ, что высшая знать не любила св. Іоанна, что въ столицѣ у него было много враговъ, которымъ не доставало лишь предводителя. Теофилъ рѣшилъ взять на себя эту роль, трудную и отвѣтственную. И онъ съумѣлъ провести ее до конца. Но какъ изъ обвиняемаго предъ соборомъ превратиться въ обвинителя перваго патріарха Востока? Въ чемъ его обвинить? И кто явится поддерживать обвиненіе? Всѣ эти вопросы Теофилъ порѣшилъ скоро. Онъ рѣшилъ на Константинопольскомъ созываемомъ соборѣ обвинить Златоуста въ оригенизмъ на томъ основаніи, что св. Іоаннъ оказалъ поддержку нитрійскимъ монахамъ, объявленнымъ Теофиломъ оригенистами. Злобный епископъ забылъ, что св. Іоаннъ не нашелъ ничего еретическаго въ ихъ исповѣданіи. Теофилъ написалъ письмо знаменитому архіепископу Саламинскому святому Епифанію, прося его пріѣхать въ Константинополь на соборъ по дѣлу объ оригенизмъ, защитникомъ котораго со всѣми крайностями явился будто-бы св. Іоаннъ. Епифаній, надо замѣтить, всю жизнь провелъ въ обличеніи оригенизма, точнѣе говоря — крайностей Оригенова богословствованія. Получивъ отъ Теофила акты Египетскаго собора, на которомъ Долгіе братья были судимы за оригенизмъ, св. Епифаній познакомился съ лицевой стороною дѣла о братьяхъ и воспылатъ къ нимъ ненавистью. Епифаній, 80-ти-лѣт-

ній старецъ, рѣшилъ явиться въ Константинополь для торжественнаго пораженія оригенизма съ его воображаемою главою Златоустомъ, котораго онъ искренно, но ошибочно, считалъ еретикомъ. Узнавъ объ этомъ, Теофилъ рѣшилъ ѣхать въ Константинополь съ сорока египетскими епископами, чтобы въ немъ составить свой соборъ для суда надъ Златоустомъ по обвиненію въ оригенизмъ. Бѣдный Теофилъ! Напрасно онъ трудился въ Египтѣ надъ составленіемъ обвинительныхъ противъ Златоуста пунктовъ: по прибытіи въ Константинополь онъ нашелъ столько сторонниковъ себѣ, которые быстро приняли его руку, когда узнали, что Теофилъ пріѣхалъ судить Златоуста, и столько обвиненій противъ него, что заготовлять все это въ Египтѣ оказалось совершенно напраснымъ. Теофиломъ намѣченный въ качествѣ союзника св. Епифаній тоже не помогъ ему. Епифаній, явившись торжественно въ столицу, какъ врагъ Златоуста, отказался вступить въ общеніе съ предстоятелемъ столицы и Востока, за что съ восторгомъ былъ принятъ его многочисленными врагами. Мало того, Епифаній нарушилъ права его тѣмъ, что безъ надлежащаго разрѣшенія въ чужой церкви служилъ литургію, произвелъ посвященіе въ діаконскую степень, и уже хотѣлъ вооружить простой народъ рѣчью противъ Златоуста, котораго собирался объявить низложеннымъ за оригенизмъ. Когда эти намѣренія сдѣлались извѣстны Златоусту, послѣдній далъ распоряженіе не пускать въ церковь св. Епифанія. Серапіонъ, ставъ у церковнаго входа, въ присутствіи многочисленной толпы народа, показалъ входившему Епифанію всю неправильность его поступковъ. Какъ человекъ высоконравственный, св. Епифаній, чистосердечно обсудивъ свое поведеніе, самъ нашелъ его неправильнымъ, почему даже возвратился домой. Скоро его посѣтили Долгіе братья и объяснили, что онъ осудилъ ихъ, но довѣрію къ Теофилу, ихъ обвинителю, не читавъ ихъ произведеній, въ которыхъ будто-бы защищались заблужденія

Оригена. И это была правда. Св. старецъ понялъ, что онъ былъ средствомъ мщенія со стороны Теофила Златоусту, что ему дальше дѣлать нечего и рѣшилъ уѣхать изъ столицы. При прощаніи св. Епифаній сказалъ: „оставляю вамъ вашъ городъ, вашъ дворецъ, ваши зрѣлища; не дождусь, когда покину все это, увѣряю васъ“ *) На пути къ Саламину святитель скончался. Теофиль уже ѣхалъ въ Константинополь производить судъ надъ св. Іоанномъ, какъ писалъ и говорилъ восточнымъ и малоазійскимъ епископамъ, составляя въ ихъ средѣ себѣ приверженцевъ. Въ столицѣ Теофила уже ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы съ его прибытіемъ начать борьбу съ Златоустомъ. Въ Константинополѣ Теофиль нашелъ почву для нее совершенно подготовленную — и борьба началась. Св. Епифаній не дожился до ея серьезнаго начала.

Явившись въ столицу, Теофиль первыми своими поступками обидѣлъ Златоуста, чѣмъ показалъ, что онъ не простилъ ему ни пораженія при замѣщеніи константинопольской каѳедры, ни оскорбленія, нанесеннаго дѣломъ Долгихъ братьевъ. Теофиль совсѣмъ забылъ, что онъ еще обвиняемый, а не обвинитель. При дворѣ его ласкали: императрица, считавшая себя обиженною недавней проповѣдью св. Іоанна, совѣтовалась съ нимъ, какъ погубить Златоуста; вліятельные епископы, Антиохъ и Северіанъ, разъясняли Теофилу всѣ планы и средства борьбы. Самъ Теофиль, поселившись въ одномъ изъ императорскихъ дворцовъ, собиралъ себѣ сторонниковъ обычными своими средствами: обѣдами, деньгами, лестью и т. п. Забытое на время дѣло Нитрійскихъ иноковъ снова опять всплыло. Долгіе братья въ гражданскомъ судѣ по дѣлу о волшебствѣ были оправданы; ихъ обвинителямъ грозила смертная казнь, подъ вліяніемъ которой они сознались, что дѣйствовали подъ влія-

*) А. Тьерри, 141.

ніемъ Теофіла. Теофілу опять пришлось худо, но онъ успѣлъ выпутаться, чему помогли его сторонники, которымъ онъ былъ нуженъ для изложенія Златоуста. Роль Теофіла, какъ обвиняемаго, симъ окончилась и онъ готовился къ выступленію въ роли обвинителя Златоуста.

Началась борьба. Во дворцѣ Плакидін, гдѣ поселился Теофілъ, весьма часто происходили совѣщанія, какъ погубить праведника. Теофілъ былъ руководителемъ заговора, а императрица—его душой. Описываемыя нами событія происходили весной 403 года. Народъ, услышавъ о козняхъ враговъ Златоуста, рѣшилъ охранять его, а онъ убѣждалъ своихъ охранителей лучше „молиться и противопоставить заступничество неба злымъ замысламъ земли“ *). Мѣстомъ собора, назначеннаго на лѣто 403 г., былъ выбранъ Руфиновъ дворецъ, „чудо искусства V в.“, въ Халкидонскомъ предмѣстьѣ, называвшемся „Дубомъ“: слишкомъ боялись константинопольской черни, преданной Златоусту и способной къ возмущеніямъ. Въ сей соборъ прибыли египетскіе епископы и часть восточныхъ, недовольныхъ малоазійскими реформами Златоуста. Теофілъ предсѣдательствовалъ въ соборѣ, а его дѣятелями были: Антіохъ, Северіанъ, Акакій, изложенный Гераклидъ и др. Ихъ называли „александрійцами“, а „іоанниты“ собрались подъ руководствомъ св. Іоанна въ его дворцѣ: ихъ было весьма много и это была лучшая часть константинопольскаго клира.

Соборъ въ Дубѣ созванъ былъ рассмотреть: а) жалобу нитрійскихъ монаховъ, б) преступленія Іоанна, совершенныя имъ въ Малой Азіи и в) его проступки церковные и политическіе. Архидіаконъ Іоаннъ, Златоустомъ нѣкогда наказанный за грубость обращенія со слугою, представилъ въ засѣданіе собора противъ святителя обвинительный актъ въ 29-ти пунктахъ. „Это былъ па-

борь обвиненій, по большей части неправдоподобныхъ, частью очевидно ложныхъ, почерпнутыхъ изъ слуховъ несправедливыхъ или фальшивыхъ, мнимыхъ или преувеличенныхъ, которые два года злоба враждебной партіи распространяла про Златоуста, по которымъ свидѣтельство архидакона (въ церкви онъ считался свѣдущимъ высокопоставленнымъ лицомъ) придавало неожиданное подтвержденіе“ *). Обвиненія говорятъ, что Златоустъ однажды ударилъ Мемнона, а потомъ служилъ литургію, что онъ выражался грубо о своихъ подчиненныхъ, что онъ на малоазійскихъ соборахъ былъ обвинителемъ и судьей, что онъ посвящалъ четырехъ епископовъ за-разъ, что онъ возводилъ преступниковъ въ церковныя степени, что онъ былъ корыстолюбивъ, что онъ обѣдалъ одинъ, предаваясь излишеству, что онъ называлъ императрицу Иродіадой и Иезавелью, что въ его проповѣдяхъ встрѣчались богохульныя и неудачныя выраженія и т. д.

Златоуста позвали къ отвѣту на соборъ. Въ сіе время св. Іоаннъ убѣждалъ преданныхъ ему епископовъ быть вѣрными церкви, не раздирать ее мятежами и расколами, разъяснялъ смыслъ бѣдствій, постигшихъ церковь. Епископы плакали, потому что они „оставались сиротами, а церковь—вдовой; ея святыя законы ниспровергнуты, а гордость и печестіе торжествуютъ; бѣдныя покинуты; народъ безъ наставленія...“ **), какъ заявилъ одинъ изъ епископовъ. Надо сознаться, что онъ нисколько не преувеличилъ тогдашнихъ золъ церковныхъ... Епископы, сидѣвшіе вокругъ Златоуста, выслушавъ содержаніе письма отъ собора, рѣшили послать отвѣтъ, въ которомъ показывали, что соборъ въ Дубѣ—не настоящій, что въ немъ нарушены правила церковныя и т. д. Златоустъ прибавилъ отъ себя, что онъ тогда только

*) Тьерри. 157.

**) Тьерри. 162.

явится для дачи показаній въ соборъ, когда Антіохъ, Северіанъ, Акакій и Теофилъ станутъ въ ряду его прямыхъ обвинителей, а не судей, которыми они не могутъ быть по извѣстной всѣмъ и каждому ихъ несправедливости къ обвиняемому. Соборъ, не исполнивъ законнаго требованія Златоуста, еще разъ прислалъ епископовъ, въ числѣ которыхъ былъ негодный монахъ Исаакъ, только-что посвященный за услуги соборищу въ санъ епископа, звать Златоуста на соборъ. Скоро явился къ св. Іоанну и посланецъ императора съ приказаніемъ немедленно отправиться въ Дубъ. Златоустъ послалъ трехъ епископовъ вторично передать его прежній отвѣтъ. Епископы-посланцы подверглись истязаніямъ на соборѣ, а одинъ изъ нихъ былъ закованъ въ цѣпи, предназначенную уже для Златоуста: такъ скоро рѣшили его дѣло! О свидѣтеляхъ не очень заботились: ихъ явилось, по вызову всемогущаго Теофила, достаточное количество и они способны были, по своей злобѣ, показывать и подтверждать, что угодно. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, соборъ перешелъ къ рѣшенію посредствомъ подачи голосовъ, но о характерѣ его уже намъ судить легко. Еще раньше сего будущіе преемники Златоуста Арзасъ и Атиккъ кричали: „виновность Іоанна доказана съ избыткомъ; нѣтъ никакой нужды продолжать допросы“. И какъ въ послѣдствіи ихъ усердно наградили за ревностную ихъ дѣятельность! Соборъ рѣшилъ низложить Златоуста, и императоръ утвердилъ соборный докладъ объ этомъ.

Соборъ хотѣлъ было пересмотрѣть жалобу нитрійскихъ иноковъ, но Теофилу это еще разъ грозило опасными скандальными разоблаченіями, почему онъ, поразивъ главнаго врага, съ мелкими согласился помириться. Нитрійскіе иноки были истомлены и неудачами и смертію весьма многихъ изъ нихъ, почему согласились покаяться предъ соборомъ въ прегрѣшеніяхъ, на нихъ взысканныхъ, что и исполнили въ одномъ изъ его засѣданій, и тогда же получивъ прощеніе, отправились

въ родной Египетъ, но не многіе достигли горъ иптрійскихъ. Объ Оригенѣ-же самъ Теофилаъ постѣ выражался: „творенія Оригена—садъ, въ которомъ смѣшаны цвѣты и терніе,—я отбрасываю терніе и люблюсь цвѣтами“ Какъ измѣнчивы ипогда бывають сужденія людей!

Оставалось собору разсмотрѣть дѣло епископа Гераклида, котораго Ефесскіе христіане свергли съ престола. Но тутъ случились гораздо болѣе важныя событія, бывшія причиной того, что соборъ прекратилъ свое существованіе и разошелся, не постановивъ многихъ рѣшеній...

По обнаруженіи приговора о низложеніи Златоуста народъ константинопольскій выразилъ такое участіе къ гонимому праведнику, своему Златословесному учителю, что трудно было исполнить приговоръ. Чѣмъ болѣе оставляло Златоуста епископовъ, раньше ему преданныхъ, тѣмъ болѣе народъ проникался къ нему любовію, недопускаяшею разлуки пастыря съ паствою. Императоръ не очень спѣшилъ исполненіемъ приговора, по проповѣдь *) Златоуста, въ которой о императорѣ было сказано, что онъ въ дѣлахъ правленія явился работою женщины, а императрица была названа „безчестной“, заставила слабаго Аркадія покончить съ колебаніями своей трусливой и жалкой совѣсти, какъ-будто смущавшейся тѣмъ, что Златоустъ подвергался изгнанію. Еще разъ явился къ нему императорскій чиновникъ съ строгимъ приказаніемъ удалиться въ изгнаніе, о мѣстѣ коего еще не было извѣстно: объ этомъ враги Златоуста еще не сговорились. Народъ и день и ночь стерегъ домъ Златоуста, боясь, какъ бы у него не отняли любимаго учителя. Раздавался лишь одинъ голосъ: „требуемъ вселенскаго собора для суда надъ архіепископомъ“. Но не устерегли вѣрные христіане своего Зла-

*) Эта знаменитая проповѣдь начиналась словами: «сильная война, жестокая буря!..»

тоуста: его ночью увезли отъ нихъ тайно за Босфоръ. Скоро узнали о секретѣ и толпа совершенно онѣмѣла: не хотѣли вѣрить случившемуся. Однако, Златоустъ научилъ вѣрныхъ, какъ поступать въ скорбныхъ случаяхъ жизни, а горе народа было неизобразимо. Всѣ бросились въ церкви „молить небеса о возвращеніи отца, покищенного людьми“. Въ эту ночь, по Златоусту, „весь городъ обратился въ одну церковь“. Плачь, рыданія перемѣшались съ словами и звуками церковной и внѣ-церковной молитвы. Никто не зналъ, что дѣлать. Северіанъ, въ проповѣди назвавшій праведника „гордецомъ“, былъ изгнанъ изъ церкви и города. Теофилъ народомъ не былъ допущенъ въ архіепископскую церковь, а его распоряженій не слушали. Приверженцы Теофила и по трусости склонившіеся предъ нимъ епископы и священники съ презрѣніемъ народомъ были отвергнуты. Когда для усмиренія черни пустили въ дѣло войска, то произошло побоище: крестильная чаша наполнилась кровью, а храмъ трупами.

Новая ночь принесла неслыханные ужасы. Земля заговорила: подземные удары были такъ сильны, что императрица не нашла спасенія въ своей спальнѣ: съ кровати упала. Испуганная виновница всѣхъ золъ Златоуста бросилась къ императору съ мольбою весьма неожиданною — вернуть Златоуста: Евдокія вѣрно угадала причину землетрясенія. „Тотъ, кого насъ заставили изгнать,—праведникъ (теперь она боялась даже назвать его имя: несчастная!), и самъ Богъ вооружился мщеніемъ. Если ты хочешь спасти имперію, немедленно пошли вернуть его“. Страхъ небесной казни заставилъ Евдокію солгать предъ св. Іоанномъ, коему въ письмѣ она дрожащей рукой начертила: „Святѣйшій! умоляю тебя, не думай, что я принимала участіе въ томъ, что произошло съ тобою. Злые и совращенные люди (какъ справедливо!) составили противъ тебя заговоръ. Богъ свидѣтель моихъ словъ и твоихъ слезъ (весьма дешевыхъ

и вынужденныхъ), которыя я приношу Ему въ жертву“. Гонцы одинъ за другимъ съ собственноручнымъ письмомъ и словесными приказами раскаявшейся императрицы спѣшили догнать Златоуста. Златоустъ былъ обрадованъ милостію Божіей и смущенъ неожиданными переменами въ настроеніи своихъ враговъ. Когда Златоустъ подплывалъ къ Константинополю, то могъ наслаждаться чудной картиной: море сдѣлалось (встрѣча происходила ночью) какъ бы огненнымъ отъ множества факеловъ, съ которыми плавали въ лодкахъ по проливу тысячи христіанъ: это они встрѣчали своего отца и пастыря. Ни одинъ триумфаторъ древняго Рима и Греціи не былъ встрѣчаемъ съ такой некренней радостью, которая одушевляла вѣрныхъ, увидѣвшихъ св. страдальца. Св. Іоаннъ не хотѣлъ вступать въ свою епархію, не восстановленный въ санъ и власти новымъ соборомъ, болѣе многочисленнымъ и законнымъ. Но народъ насильно повлекъ св. Златоуста въ церковь, гдѣ его посадили на кафедру, прося преподавать слова мира и наставленія. Рѣчь, сказанная Златоустомъ, была наполнена благодарностями императрицъ (настолько онъ былъ всегда исполненъ чувствъ любви и всепрощенія) и изъявленіемъ радости свиданія паствы съ пастыремъ. Враги Златоуста быстро исчезли изъ Константинополя. Какъ торжественно Теофилъ явился въ столицу, такъ постыдно изъ нея бѣжалъ со своими единомышленниками. Златоустъ все же настоялъ на своей законной просьбѣ: императоръ издалъ повелѣніе о созывѣ вселенскаго собора для оправданія Златоуста. Опъ теперь силой событій получилъ вліяніе на Аркадія и императрица, повидимому, примирилась съ новымъ оборотомъ дѣла, но не надолго, какъ потомъ оказалось. Златоустъ побѣдилъ правдой и силой Божіей еще разъ, но уже послѣдній.

Новый весьма короткій періодъ управленія церковію Златоустъ началъ исполненіемъ воли народа, который, возведя его на кафедру, далъ совѣтъ: „епископъ, очисти

клиръ твой, прогони предателей“. Златоустъ наградиль мужественныхъ своихъ приверженцевъ повышеиёмъ въ церковныхъ степеняхъ и довѣриёмъ, а слабодушныхъ, измѣнниковъ и предателей наказаль сообразно винѣ каждаго. Но эти мѣры епископа, весьма нужныя при тогдашнемъ остромъ положеніи дѣль, возбудили умы снова. Снова Златоустъ сталъ во враждебныя отношенія ко двору. Настроеніе женщинъ порочныхъ, своенравныхъ мѣняется быстро: Евдоксія не представляла исключенія изъ сего правила. Скоро страхъ предъ Златоустомъ въ ней смѣнился дерзостью, а раскаяніе исчезло подъ влияніемъ порывовъ гордости и мщенія. Ея властолюбіе подготовило почву и поводъ для новой борьбы съ Златоустомъ. Императрица пожелала чести, которой не удостоивалась ни одна изъ женщинъ Запада. По ея внушенію, императоръ Аркадій далъ повелѣніе поставить статуи Евдоксіи для поклоненія рядомъ съ его собственными. Народы Востока должны были поклоняться ей, какъ божеству. Сенатъ Константинополя рѣшилъ поставить статую Евдоксіи, изъ массы серебра, въ императорской одеждѣ, въ положеніи повелительномъ. Для статуи было выбрано въ столицѣ самое почетное мѣсто, откуда Евдоксія какъ бы „господствовала надъ церковію, дворцомъ, городомъ и какъ бы являлась душой засѣданій Сената“ *). Императрица-христіанка требовала языческаго поклоненія: неудивительно, что Златоустъ вооружился въ душѣ противъ сей новизны. Статую поставили. Народу были предложены угощеніе и игры, почему онъ забыль церковь и Златоуста. Это продолжалось нѣсколько дней. Крики и ликованія бурной толпы мѣшали богослуженію въ главной церкви Златоуста. Онъ чрезъ префекта столицы просиль обузданія неистовствъ толпы, но она не унималась. И Златоустъ разразился проповѣдью (до насъ не дошедшею), которая

*) Тьерри, 195.

вмѣстѣ съ двумя другими, сказанными по низложеніи и возвращеніи Златоуста, считается „чудомъ церковнаго краснорѣчія“,—примѣрами, равныхъ которымъ еще не явила исторія проповѣди. Въ проповѣди еще разъ появились имена Іоанна и Иродіады—какъ бы для того, чтобы новая Иродіада помучилась чувствами, подобными тѣмъ, кои мучили древнюю Иродіаду и заставили ее требовать головы ненавистнаго ей святаго проповѣдника. Евдоксія судьба не дала лишь проколоть новому Іоанну шплой языкъ, а головы его она таки добила, хотя не въ буквальномъ смыслѣ.

Настроеніе враговъ св. Іоанна снова стало для него опасно: они опять явились въ Константинополь, кромѣ Θεофила, котораго страхъ еще не прошелъ. Уже снова совѣщались, какъ погубить св. Іоанна. Хотѣли обвинить его въ оскорбленіи величества, но это было по многимъ причинамъ опасно. Рѣшили прибѣгнуть къ тому средству, котораго просилъ самъ св. Іоаннъ, потому что надѣялись обратить это средство противъ него. Соборъ, созывавшійся для оправданія Златоуста, долженъ былъ теперь обвинить его. Снова Златоусту изъ судьи, какъ и въ первый разъ, пришлось стать обвиняемымъ. Собирали обвиненія и свидѣтелей противъ св. Іоанна. Императрица Евдоксія и епископы: Северіанъ и Антіохъ были душой заговора. Звали Θεофила, но онъ отказался (сильно напугала его ревнивая любовь Константинопольцевъ къ Златоусту) за множествомъ дѣлъ, пообѣщавъ помочь низложенію и совѣтами, и епископами-сторонниками, и какими-то документами.

Епископы уже съѣзжались на соборъ. Онъ открылся въ 404 году въ началѣ января. Собору было поручено заняться пересмотромъ рѣшеній Дубскаго собора о Златоустѣ. Враги Златоуста могли изъ числа ста епископовъ, съѣхавшихся на соборъ, выбрать въ свою партію не болѣе половины: въ ней (партіи) оказались и новые епископы: Леонтіи Анкирскій, умный, но высокомерный

богословъ, Кириль Халкидонскій, Аммоній Лаодикійскій, прѣхавшіи, какъ говорили, „подложить подъ церковь огонь“ и др. Члены собора медлили приступить къ серьезному разбору дѣла Златоуста: они боялись любившаго его народа. Египетскіе епископы пока приглядывались и изучали среду, въ которой дѣйствовали. Ихъ единомышленникомъ оказался Леонтій и онъ-то далъ серьезный ходъ обвиненіямъ противъ Златоуста. Это былъ второй Θεофилъ. Златоуста обвинили въ томъ, что онъ безъ соборнаго разрѣшенія по возвращеніи занялъ свой престолъ. Мы знаемъ, сколько фактической правды въ семь обвиненій: Златоуста насильно ввели въ церковь. Но имѣло-ли это обвиненіе основаніе въ церковныхъ законахъ? Враги Златоуста основывались на 2-хъ правилахъ Антиохійскаго собора 341 г. Но эти правила не были извѣстны и приняты на Востокъ и Западъ, а лишь въ Египтѣ. Антиохійскій соборъ пользовался малымъ авторитетомъ, потому, что догматическія рѣшенія его были неправославны. И Златоустъ отвергъ значеніе этихъ церковныхъ правилъ для его дѣла—тѣмъ болѣе, что правила, запрещавшія низверженному епископу снова безъ соборнаго разрѣшенія занимать свой престолъ, къ Златоусту были неприменимы, ибо онъ никогда не былъ низложенъ законнымъ соборомъ. Соборъ раздѣлился на двѣ партіи. Одни члены защищали силу и приложимость къ Златоусту спорныхъ правилъ Антиохійскаго собора, а другіе и то и другое отвергали. Въ народѣ даже интересовались вопросомъ: можно-ли признать Антиохійскій соборъ православнымъ? Императоръ, видѣвшій раздѣленіе и не знавшій, какъ устранить его, принялъ совѣтъ Северіана, предложившаго самому императору быть судьей спора, который будутъ вести предъ нимъ члены той и другой партіи. Находчивость епископа Елпидія много помогла Златоусту. Елпидій предложилъ сторонникамъ Антиохійскихъ правилъ и, слѣдовательно, низложенія Златоуста подписать догматическія поста-

новленія (аріанскія) спорнаго собора. Враги Златоуста поблѣднѣли, ибо ихъ уличили въ томъ, что они защищали ересь. И все таки св. Іоанна снова рѣшили изложитъ.

Приближалась Пасха. Св. Іоанну предложено было удалиться изъ города. „Если императоръ хочетъ этого, то пусть принудитъ меня къ тому силою, — отвѣтилъ невинный св. Іоаннъ, — ибо городъ принадлежитъ ему. Насиліе будетъ моимъ оправданіемъ предъ небомъ; но никогда не выйду отсюда добровольно“. Аркадій, заключивъ св. Іоанна во дворецъ его, запретилъ ему являться въ церковь. Но въ великую субботу Златоустъ явился въ храмъ, чтобы видѣть крещеніе 3,000 лицъ. Императору донесли о нарушеніи его запрещенія. Войска отправились исполнять императорское приказаніе водворить епископа въ мѣстѣ плѣна. И тутъ-то произошли сцены, „одно воспоминаніе о которыхъ приводило въ ужасъ историковъ полвѣка спустя“. Солдаты ворвались въ храмъ, схватили архіепископа, перебили массы новокрестившихся, разогнали готовившихся къ просвѣщенію полураздѣтыхъ женщинъ, ворвались въ алтарь, осквернили св. Дары, пролили св. Кровь Христову, купель крещенія обагрилась кровію, „св. воды возрожденія представили взорамъ цвѣтъ крови“. „Что-же еще могло бы быть совершено въ городѣ, взятомъ приступомъ варварами?“—спрашивалъ св. Іоаннъ, очевидецъ всѣхъ сихъ безобразныхъ ужасовъ, въ шлемѣ къ папѣ Иннокентію. Разогнанные вѣрные собралась, по уговору, въ термахъ Констанція для окончанія прерваннаго таинства. Люцій (язычникъ) съ войсками произвелъ тамъ еще большія избіенія. Истинная церковь Христова, слѣдовательно, подпала гоненію, подобное которому можно отыскать лишь въ исторіи третьяго вѣка. Всѣ депутаціи епископовъ къ императору оставитъ насилія не имѣли успѣха. Іоаннитовъ стали преслѣдовать, имп наполнили тюрьмы,

которыя „превратились въ церкви, а послѣднія--въ мѣста беззаконія и богохульства“ *).

Златоустъ, прoderжаннй въ плѣну до Троицына дня, пересталъ уже питать надежду на оправданіе. Ему оставалось только облегчить свои страданія перепиской съ епископомъ Рима — Иннокентіемъ. Въ этой перепискѣ Златоустъ изложилъ свое дѣло и просилъ Иннокентія быть милостивымъ къ нему и созвать епископскій соборъ на Западѣ для его оправданія. Епископы повезли письма папѣ Иннокентію, у котораго Теофилъ потерялъ довѣріе своимъ нахальствомъ и дерзостью. Иннокентій развилъ цѣлую систему борьбы для защиты св. Іоанна, но обстоятельства, въ которыхъ онъ виновникомъ не былъ, не позволили папѣ довести дѣло до конца. Теофилъ извѣщалъ Иннокентія о низложеніи св. Іоанна. Тотъ молчалъ. А св. Іоанну дружески писалъ: „Да не возоблаждаетъ скорбь, тебя отягчающая, надъ голосомъ чистой совѣсти, тебя утѣшающей. Она есть непобѣдимый щитъ противъ всякихъ несправедливостей“... Теофилу было послано папой холодное приглашеніе явиться въ западный соборъ для оправданія по дѣлу Златоуста.

Во мгѣніи народа св. Іоаннъ такъ высоко стоялъ, что боялись употребить надъ нимъ новое открытое насиліе. Враги его стали тогда искать тайныхъ средствъ убить св. Іоанна. Но всѣ покушенія на его жизнь окончились неудачей, къ великой досадѣ враговъ. Убійцы поймали и народъ едва не растерзали ихъ на части. Послѣ Пятидесятницы враги Златоуста: Антиохъ, Акакій, Северіанъ и др. явились къ императору, прося его изгнать, наконецъ, св. Іоанна изъ столицы. „Да будетъ низложеніе Іоанна на главахъ нашихъ!“—заклучили они свою просьбу. Императоръ далъ необходимый приказъ. Солдаты окружили домъ св. Іоанна и, не смотря на кровопрлитную схватку съ охранявшей домъ тол-

*) Тьерри, 231,

пой народа, изъ которой весьма много потомъ оказалось убитыхъ, еще болѣе раненыхъ, увели Златоуста тайнымъ ходомъ, едва давъ ему проститься съ церковью. Ни дома, ни церкви любимой Златоустъ не видалъ болѣе: „Ангель церкви удалился вмѣстѣ съ нимъ“—писалъ Палладій. Печально, но вѣрно! Снова разразилась морская буря, на этотъ разъ надъ храмомъ св. Софій. Вдругъ она запылала; кажется, пожаръ начался отъ епископскаго мѣста по неизвѣстной причинѣ. Сгорѣлъ весь храмъ. Сгорѣло зданіе сената. Оба они были украшеніемъ столицы. Златоусту оставалось лишь оплакивать невыразимыя бѣдствія, постигшія Константинопольскую церковь, по пути слѣдованія въ изгнаніе.

По дѣлу о пожарѣ предпринято было разслѣдованіе. Юаннитовъ заподозрили въ поджогѣ и такъ какъ ихъ было весьма много, то слѣдствіе обѣщало быть кровавымъ. Отъ Златоуста отняли его спутниковъ, чтобы подвергнуть ихъ допросамъ и пыткамъ. Златоустъ остался одинъ съ сопровождавшей его стражей безъ друзей. Грубые воины смягчились и замѣнили ихъ ему. Они усердно старались облегчить св. страдальцу тяжести пути и невыразимыя физическія страданія, коимъ часто подвергался Златоустъ. Онъ, какъ и окружавшіе его, не знали еще о мѣстѣ ссылки, о чемъ очень безпокоился, ибо боялся жестокости враговъ. Въ Никеѣ Вифинской Златоустъ нашелъ многія удобства, отдыхъ и нѣсколько оправился. Но каково-же было его огорченіе, когда онъ узналъ, что мѣстомъ ссылки былъ ему назначенъ Кукубъ (въ далекой Арменіи). Евдоксія, гордая побѣдой, нашла еще новое средство увеличить страданія гонимаго святителя.

По взоръ Златоуста направленъ былъ въ будущее. Онъ видѣлъ въ своей жизни таинственные пути Промысла—и былъ спокоенъ, находя силы усѣоивать даже епископовъ, священниковъ и діаконовъ константинопольской церкви, оставшихся ему вѣрными. Въ Кон-

стантинополѣ іоанниты, дѣйствительно, нуждались въ ободреніи и утѣшеніи. Въ столицѣ совершались ужасы. Были подвергнуты допросамъ и пыткамъ всѣ главнѣйшіе дѣятели партіи св. Іоанна. Тигрій діаконъ былъ мучень и отправленъ въ изгнаніе. Серапіонъ, епископъ Гераклійскій, былъ подвергнутъ пыткамъ и удаленъ въ Египетъ подъ присмотръ епископа Теофила, своего злѣйшаго врага: умѣли, дѣйствительно, мстить приверженцамъ Златоуста за ихъ преданность законной власти. Даже Олимпіаду, эту благороднѣйшую благотворительницу, едва не подвергли пыткамъ, но ограничились изгнаніемъ, которымъ не спѣшили. Никарета за свою благотворительность получила въ вознагражденіе изгнаніе. Другія діакониссы были болѣе несчастны: нѣкоторыхъ изъ нихъ подвергли пыткамъ. Всѣмъ имъ Златоустъ писалъ письма, въ коихъ утѣшалъ ихъ въ страданіяхъ и благодарилъ за вѣрность правдѣ.

По изгнаніи Златоуста враги его позаботились о преемникѣ. Северіанъ, Антіохъ, Акакій и другіе обманулись въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ. Евдоксія выбрала Арзаса, брата Нектарія, 80-лѣтняго протоіерея, во всю жизнь ни чѣмъ о себѣ не заявившаго, человѣка лѣниваго. О немъ современники говорили, что у него много рѣчкіе рыбы *). Выбирая его, Евдоксія хотѣла, чтобы новый архіепископъ былъ чуждъ всякихъ стремленій къ обличеніямъ ея пороковъ—и не обманулась. Соперники Арзаса помирились съ нимъ потому, что ожидали его скорой смерти. Этотъ человѣкъ предназначенъ былъ замѣнить Златоуста: онъ называлъ его „слабоумнымъ пустомелей“. Златоустъ удивился выбору императрицы. Олимпіадѣ онъ писалъ: „Не сокрушайся сердцемъ отъ того, что одна церковь застигнута свирѣпыми волнами, другая потрясена бурей, третья покрыта невыносимыми ранами, что эта церковь получила волка вмѣсто пастыря,

*) Терри, 307.

а та морскаго разбойника вмѣсто кормчаго, палача вмѣсто врача“... Все это было приложимо къ дѣйствіямъ Арзаса на столичной каедрѣ, которыми руководили другіе.

Слѣдствіе надъ іоаннитами по дѣлу о пожарѣ рѣшено было покончить за невозможностью отыскать виновниковъ его. Но скоро началось другое. Всѣ враги Златоуста были возмущены тѣмъ противодѣйствіемъ, которое оказали іоанниты Арзасу. Онъ издалъ 11 сентября 404 года указъ о преслѣдованіи ихъ за расколъ и мятежъ въ церкви, ими будто-бы произведенный. Іоанниты отказались посѣщать церкви, управляемыя врагами Златоуста, тѣмъ болѣе, что ихъ при входѣ въ церковь заставляли проклинать имя Златоуста, но ни одинъ честный человѣкъ на это не имѣлъ духу согласиться—и церкви опустѣли. Войскамъ былъ данъ приказъ силою собирать народъ въ церковь, а собранія іоаннитовъ за городомъ разгонять. Повторились прежнія паругательства, избіенія насилія: воистину Арзасъ былъ „палачъ“, а не „врачъ“ золь церковныхъ!

Не успѣлъ этотъ „палачъ“ сойти со сцены исторіи, какъ умерла императрица — и смерть ея была ужасна. „Придворные епископы пожалѣли ее, но плакаль о ней одинъ только мужъ“ *). Богъ наказалъ ее, когда она не хотѣла вразумиться Его угрозами. Грозная смерть, надо замѣтить, вообще была безжалостна къ врагамъ Златоуста. Палладій описываетъ ихъ смерть. Одинъ епископъ упалъ съ лошади, возвращаясь послѣ осужденія св. Іоанна, — и умеръ. Другой, заболѣвъ гнойной водянкой, былъ заживо съѣденъ червями. Третій, заболѣвъ злокачественною рожей, умеръ отъ чесотки. У четвертаго языкъ, произнесшій осужденіе, распухъ такъ, что страдальцу нельзя было дышать — и онъ задохся. Константинополь потрясли землетрясенія, градъ, истребившій хлѣба, и голодъ. Всѣ — и іоанниты и ихъ против-

*) Тьерри, 303.

ники—одинаково видѣли въ сихъ совпаденіяхъ и уязвахъ проявленія небеснаго гнѣва за изгнаніе св. Златоуста. Императоръ, слабый и жалкій Аркадій, страдалъ вѣроятно, болѣе другихъ: императрицы не было—и совѣсть его, усыпленная раньше, теперь проснулась. Преп. Ниль, къ которому Аркадій обратился за душевнымъ утѣшеніемъ, оттолкнулъ его, упрекая за изгнаніе праведника.

Скоро умеръ и самъ Арзасъ. Его преемникомъ, болѣе умнымъ и дѣятельнымъ, но столь же безчестнымъ, былъ Атикъ, священникъ константинопольскій. Ему принадлежитъ честь гоненія іоаннитовъ въ союзѣ съ Теофиломъ и другими патріархами Востока по всему Востоку. То, что нѣсколько разъ, повторялось въ Константинополѣ, должно было теперь произойти во всѣхъ наиболѣе большихъ городахъ Востока: мы разумѣемъ избіенія и преслѣдованія іоаннитовъ; для этой цѣли составилъ даже тріумвиратъ патріарховъ. Его дѣятельность для подавленія іоаннитовъ не заслуживаетъ описанія: она слишкомъ уже позорна. Римскій епископъ Иннокентій получилъ посланіе съ изложеніемъ гоненій на іоаннитовъ отъ нѣсколькихъ добросовѣстныхъ пастырей Востока, въ коемъ они просили папу о возстановленіи порядка и законности въ восточныхъ церквахъ.

Что же дѣлалъ въ это время св. изгнанникъ? Онъ, конечно, благословлялъ враговъ своихъ, плакалъ о бѣдствіяхъ церкви, ему дорогой, утѣшалъ ея лучшихъ представителей, писалъ письма на Западъ о помощи. 6-го Іюля 404 года Златоустъ выѣхалъ изъ Никеи въ Кесарію. Путь чрезъ епархію Леонтія былъ весьма тяжелъ для страдальца: онъ устроилъ изгнаннику нѣсколько огорченій. Каппадокія встрѣтила Златоуста съ любовью. Жители толпами вышли ему на встрѣчу; многіе говорили: „Лучше бы солнце липило землю своего свѣта, нежели видѣть эти золотыя уста, обреченныя на молчаніе“. Его встрѣтилъ архіепископскій клеръ, нашлись

врачи, которые помогли св. страдальцу въ снова возвратившихся къ нему болѣзняхъ желудка. Житель Кесаріи Діоскоръ помѣстилъ его въ своемъ домѣ, гдѣ за нимъ тщательно ухаживали. Но... архіепископъ Кесаріи не оказалъ св. Іоанну никакого вниманія, желая лишь, чтобы онъ поскорѣе уѣхалъ. До Кукуза проѣхать осталось лишь 200 в. Но этотъ путь былъ чрезвычайно опасенъ. Шайки разбойниковъ исаврянъ, дикаго горнаго народа, наводившаго ужасъ по всей странѣ, могли ежеминутно надѣлать путнику тысячи непріятностей. Лишь только Златоустъ хотѣлъ выѣхать изъ Кесаріи, какъ въ городѣ раздались крики: „Исавряне грабятъ! къ оружію!“ Пришлось отложить отъѣздъ. Но архіепископъ Кесаріи Фаретрій вооружилъ толпу монаховъ, которые на слѣдующій день пришли къ дому, занятому св. Іоанномъ, и кричали, чтобы онъ немедленно удалился. Сколько ихъ ни убѣждали, монахи стояли на своемъ. Священники города, видя недовольство своего епископа перестали посѣщать путника. Ему нужно было выбрать между смертью отъ монаховъ и смертью отъ Исаврянъ. Онъ избралъ послѣднее. Конвой Златоуста повезъ его далѣе. Хотѣли было остановиться въ предмѣстьи города, но Фаретрій и тамъ произвелъ насиліе. Глубокой ночью, почти въ виду разбойничьихъ шакъ, глубоко потрясенному и больному Златоусту пришлось отправиться далѣе. Дорога шла по крутымъ уступамъ горъ. Конвой ежеминутно ожидалъ свалиться въ пропасть: не видно было ничего, а тутъ еще разбойники... Вдругъ лошадь св. Іоанна пала на одно колѣно и онъ свалился: его подняли безъ чувствъ... Наконецъ прошла эта ночь несчастій, а другая готовила такіе-же хлопоты. Такимъ образомъ продолжали путь, пока не прибыли въ Кукузъ. Златоустъ потомъ писалъ Олимпіадѣ: „Я теперь въ Кукузѣ, уважаемъ всѣми и внѣ опасности: не бойся въ отношеніи меня Исаврянъ, которыхъ зима заключила

въ ихъ норы; я-же самъ никого не боюсь такъ, какъ епископовъ (намекъ на Феретрія), исключая немногихъ“.

Гостепріимный Діоскоръ, извѣстный Златоусту по Кесаріи, поспѣшили уюкоить путника въ своемъ кукузскомъ домѣ. Св. Іоанна тотчасъ посѣтили епископъ города и его правитель, предлагая свои услуги. Сирійскій богачъ, владѣвшій землями около Кукуза, обставилъ жизнь изгнанника всеми удобствами. „Какъ видно, небольшіе городки приносили ему больше счастья, нежели большіе города, селенія—болѣе, чѣмъ столицы—эти жилища зависти, честолюбія и низости“ *). Златоустъ ожилъ. За нимъ ухаживала Сабиніана, діакоинсса, его родственница, изъ Антіохіи, пріѣхавшая для сей цѣли въ Кукузъ. Ему было хорошо, насколько возможно это для человѣка въ положеніи ссыльнаго. Зима, въ тѣхъ мѣстахъ суровая, еще не успѣла дать себя почувствовать. Но скоро ея ужасы сдѣлали положеніе изгнанника невыносимымъ. Онъ сталъ страдать кашлемъ, головной болью, и ему стало такъ тяжело, что онъ послѣ писалъ: „Я былъ у самыхъ дверей смерти, и въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ во мнѣ оставалось жизни лишь настолько, чтобы чувствовать страданія“... Наступило лѣто и Златоусту стало лучше. Онъ тотчасъ принялся за дѣла, которыхъ накопилось много. Когда всему міру сдѣлалось извѣстнымъ, что великій Іоаннъ сосланъ въ Кукузъ, письма и посланцы со всѣхъ сторонъ полетѣли туда: еще много было у него друзей въ мірѣ, въ которомъ теперь ничего не было извѣстнѣе и славнѣе имени Іоанна. Кажется, теперь онъ узналъ о смерти Флавіана, епископа Антіохійскаго, и въ немъ пробудились жгучія воспоминанія, связанныя съ его родиной и его служеніемъ ей. Въ Антіохіи партія іоаннитовъ была сильнѣе, чѣмъ гдѣ либс. Почему пасилія, открывшіяся при избраніи преемника Флавіану, отличались большей жесто-

*) Терри, 324.

костью. Хитростью попали на престолъ Порфирій, чародѣй и развратникъ. Его выбрали Антіохъ и Северіанъ. Переписка св. Іоанна была громаднa. Посѣтители-путешественники сѣвшили къ нему отовсюду. Порфирію писалъ ко двору: „вся Антіохія въ Кукузъ“.

Кукузскій изгнанникъ предпринялъ три дѣла. Онъ собирался обратить персовъ и финикіянъ въ христіанство и укрѣпить готовъ въ православіи посредствомъ предавшихъ дѣлу миссіонеровъ. Златоустъ началъ ихъ искать. Но обращеніе Финикіи, начатое давно, несмотря на мужество миссіонеровъ, подвигалось впередъ настолько плохо, что въ нѣсколько лѣтъ едва основано было нѣсколько приходоу. Священникъ Руфинъ просилъ у Златоуста св. мощей и онъ указалъ на Аравискаго епископа, который, по любви къ изгнаннику и его дѣлу, далъ священнику Терентію св. останки нѣкоторыхъ мучениковъ, съ которыми тотъ вернулся въ Финикію и дѣло обращенія ея настолько подвинулось впередъ, что скоро вся страна стала христіанскою. Своимъ просвѣтителемъ она считала всегда св. страдальца-изгнанника. У готовъ Киммерійскихъ умеръ епископъ Унила, человекъ удивительный. Въ Кукузъ попало письмо съ просьбой прислать епископа. Св. Іоаннъ, сколько ни старался, не успѣлъ устроить это дѣло. На границахъ Персіи основался христіанскій городокъ, котораго основателемъ, а потомъ епископомъ былъ Маруѳа, человекъ малоученый, но хорошей жизни. Златоустъ начиналъ завязывать съ нимъ сношенія, чтобы познать его со своимъ планомъ обращенія Персіи въ христіанство. Но Маруѳа слишкомъ былъ враждебно настроенъ противъ него, чтобы войти съ нимъ въ сношенія. Онъ не думалъ, чтобы у изгнанника могли быть достаточныя средства для успешнаго начала проповѣди. Златоустъ понесъ новое огорченіе, о которомъ успѣшилъ написать Олимпіадѣ. Его переписка съ ней описываетъ намъ всѣ трудности его жизни въ Таврійскомъ

Кукузѣ. Слѣдующая зима была еще болѣе ужасна, чѣмъ предыдущая, и принесла Златоусту знакомыя болѣзни, а нападенія исаврянъ, грабежи ихъ, голодъ и пр. заставили изгнанника бѣжать въ Арависсу, считавшуюся неприступной. „Арависскій холодъ едва не убилъ его“. Нападенія исаврянъ на окрестности города довершили чашу золь. „Куда ни оглянешься,—писаль Златоустъ,—вездѣ видишь потоки крови, разрушенные дома, раззоренныя деревни“. Тяжело было изгнаннику безъ писемъ. „Ничто не доходитъ сюда, ничто не проникаетъ отсюда“—жаловался страдалецъ. Наступила новая весна. Златоустъ снова переселился въ Кукузъ, гдѣ ожидала его масса переписки. Но извѣстія ея опечалили его глубоко. Онъ прочиталъ о новыхъ ссылкахъ, о пыткахъ, о казняхъ его послѣдователей. Сердце его болѣзненно сжалось. Впрочемъ, облегченіемъ Златоусту были небольшія замѣтки, что многіе свѣтскіе сановники приняли его сторону, когда имъ стали ненавистны неистовства Атика и его клеветовъ. Услышавъ, что Иннокентій готовить посольство къ Аркадію съ собственноручнымъ письмомъ Гонорія (западнаго императора) и своимъ посланіемъ, св. Іоаннъ еще разъ написалъ Иннокентію просьбу о соборѣ и дополнилъ ее послѣдними извѣстіями о себѣ. Но посольство, прибавимъ теперь, не имѣло успѣха. Послы, прибывъ въ Константинополь, были оскорблены, заключены въ темницу, у нихъ отняли письма и прогнали назадъ. Враги Златоуста теперь приобрѣли слишкомъ большую власть надъ Аркадіемъ. Златоустъ потерялъ теперь всякую надежду на оправданіе и возвращеніе въ столицу, но враги его еще не забыли. Послѣ зимы 406 года, ко всѣмъ случайностямъ которой святой Іоаннъ приготовился заранѣе, наступила послѣдняя весна его жизни. Но нерадостна она была для него: полученъ былъ новый указъ—свидѣтельство безчеловѣчной мстительности его враговъ—заключить плѣнника въ Арависскую крѣпость и запретить ему переписку и

сношенія съ міромъ: враги ужаснулись тѣхъ симпатій, которыя оказывались ему въ Кукузѣ. Златоустъ благо словлялъ Бога за страданія и враговъ, которые ему ихъ доставили. Но тяжело ему было. Изъ Арависсы онъ успѣлъ послать одно и послѣднее письмо Олимпіадѣ *), проникнутое дивной вѣрой въ Промыслъ Божій.

Но злоба враговъ Златоуста на томъ не успокоилась. Порфирій Антиохійскій хлопоталъ о томъ, чтобы Златоуста услали еще дальше: сочувствіе антиохіянъ Златоусту было ему ненавистно. Страшно подумать, какъ метительны иногда бываютъ люди! Врагамъ Златоуста „хотѣлось бы видѣть его умирающимъ, просящимъ пощады“. По ихъ настоянію, Аркадій назначилъ Златоусту мѣстомъ ссылки Питіунтъ, на границѣ кавказскихъ владѣній римлянъ. Враги были увѣрены, что „златыя уста Іоанна обрекались здѣсь на молчаніе могильное“ **). Конвою, присланному изъ столицы, враги дали приказъ, обходиться съ плѣнникомъ съ крайнею грубостію. Златоуста повлекли въ мѣсто новой ссылки. Тяжелый путь страдальца чины конвоя сдѣлали еще болѣе жестокимъ. Св. Іоанна старались вести или во время дождей, или во время полуденнаго зноя, при чемъ избѣгали остановокъ въ городахъ, запрещали оказывать изгнаннику какое-либо сочувствіе... Прошли Команы и остановились у уединенной церкви, посвященной св. Василиску (епископу Команской церкви, III в.): Златоусту стало худо.

---

*) По изгнаніи св. Іоанна, Олимпіада оставила Константинополь: онъ ей былъ ненавистенъ — и окончательно поселилась въ Никомидіи. Въ ея домѣ слышались «лишь молитвы и слезы». Лица, ее хорошо знавшія, обращались съ ней какъ со святою. Предъ смертію, которой очевидцемъ былъ никомидійскій епископъ, Олимпіада просила его опустить ея гробъ въ волны моря, что и было исполнено по копчій. Море бережно перенесло ея останки къ берегу одного константинопольскаго предместья. Въ церкви св. Оомы она поковалась до 618 года, когда ея мощи были перенесены въ столицу.

***) Тьерри, 415.

Ночью явился ему св. мученикъ Василискъ и сказалъ: „Надѣйся, Іоаннъ! завтра мы будемъ вмѣстѣ“. На слѣдующій день хотѣли отправиться далѣе, но едва прошли нѣсколько верстъ, какъ св. страдалецъ невыразимо началъ мучиться лихорадкой; видно было, что ему немного часовъ осталось жить. Вернулись къ мѣсту стоянки. Священникъ, по просьбѣ Златоуста, одѣлъ его въ бѣлую одежду, пріобщилъ св. Тайнъ у самаго алтаря. Златоустъ началъ молиться; горяча была молитва праведника; она окончилась словами: „Слава Богу за все. Аминь“. Златоустъ легъ на полъ церковный, перекрестился, взоръ его угасъ и онъ не всталъ болѣе... „Душа его стряхнула прахъ земной жизни“, взойдя на небо, куда Златоустъ обращалъ взглядъ свой во всю жизнь. Весь міръ, узнавъ о кончинѣ св. Іоанна, оплакивалъ изгнанника. И кто изъ его друзей могъ-бы пожелать ему опять возвращенія въ этотъ негодный „міръ злости“?

Кончина послѣдовала 14 сентября (407 года), когда весь христіанскій міръ поклоняется св. Кресту Христову. Кто точнѣе Златоуста исполнилъ завѣтъ Спасителя: „аще кто хочетъ по Миѣ идти, да отвержется себе, возьметъ крестъ свой и по Миѣ грядетъ“? Вся жизнь великаго Іоанна, для котораго самое названіе „великаго“ мы считаемъ малымъ, была самоотверженіемъ ради дѣла Христа, съ которымъ наконецъ страдалецъ соединился, бодро пронесши „крестъ свой“ во всю свою многострадальную жизнь. Но да умолкнутъ наши похвалы: все равно, намъ не выразить словами величіе подвига жизни св. Іоанна. Потщимся по силамъ подражать его терпѣнію, его любви къ ближнимъ, его всепрощенію враговъ, не знавшихъ никогда границъ своей злобѣ.

Златоустъ жилъ шестьдесятъ лѣтъ, епископомъ былъ 9^{1/2} лѣтъ и изъ коихъ 3 года и 3 мѣсяца провелъ въ страданіяхъ изгнанія.

Но исторія жизни св. Іоанна не окончилась съ его

смертію: „праведники во вѣки живутъ“—на небѣ духомъ своимъ, а на землѣ—въ памяти людей, чтущихъ ихъ подвиги и поклоняющихся ихъ св. мощамъ. Остается описать торжества прославленія св. Іоанна вслѣдъ за ужасами послѣднихъ годовъ его жизни.

Имя св. Іоанна раздѣлило при жизни его носителя міръ на двѣ половины, а по смерти оно же и соединило ихъ въ „едино тѣло Христово“, которое терзала раньше ненависть людская.

Черезъ 7 мѣсяцевъ по смерти Златоуста умеръ Аркадіи; преемствовалъ ему его сынъ Θεодосій II, юный мальчикъ. Между восточными и западными епископами завязалась переписка, предметомъ коей былъ поступокъ новаго патріарха Антіохіи Александра (почитателя св. Іоанна), внесшаго имя св. Іоанна въ церковный помянникъ и просившаго о томъ другихъ патріарховъ. Наконецъ, по смерти Θεофила, который написалъ клевету на почившаго св. Іоанна и скоро былъ найденъ мертвымъ на своей постелѣ, его мѣсто занялъ его племянникъ Кириллъ. Его-то было особенно трудно убѣдить въ необходимости внести имя Іоанна въ помянникъ, какъ епископа. Злѣйшій врагъ св. Іоанна Константинопольскій Атикъ подъ вліяніемъ народа уже внесъ имя епископа Іоанна въ диптихи (помянники), когда Кириллъ еще упорствовалъ, но наконецъ и онъ согласился. На Западѣ папа Иннокентій сразу же по смерти св. Іоанна началъ поминать его въ церковныхъ молитвахъ, какъ епископа. Наконецъ Востокъ и Западъ, при патріархѣ Константинопольскомъ св. Проклѣ, признали Іоанна святымъ и мученикомъ, а его мощи торжественно были перенесены въ столицу.

Однажды св. Проклъ говорилъ къ народу похвальное слово св. Іоанну. Изъ среды народа раздались желанія видѣть его мощи въ столицѣ. Императоръ согласился, ибо уважалъ великаго борца за правду. Богъ устроилъ такимъ образомъ, что Златоустъ, позорно изгнанный изъ

Константинополя при жизни, съ торжествомъ возвратился въ него по смерти. Это случилось чрезъ 30 лѣтъ по кончинѣ св. Іоанна. Императоръ за отца и мать письменно просилъ прощенія у св. изгнанника. Посольство съ письмомъ прибыло въ Команы, мѣсто упокоенія св. Іоанна, и началось перенесеніе его мощей (совершившееся въ 437 году, празднуемое 27 января). Торжественно было это обратное шествіе святителя въ свою столицу. Исавряне уже не угрожали; епископы не преслѣдовали; вражескія уста сомкнулись подъ печатію смерти. Святые останки Іоанна во все время пути окружали: пресвитеры, монахи, дѣвственницы и толпы народа, всегда благоговѣйнаго. Приблизились къ Босфору; въ третій разъ онъ украсился судами, лодками, факелами, такъ что „море казалось сушею“. Слезы радости по случаю возвращенія св. мощей были у всѣхъ на глазахъ. Императорское судно приняло св. Іоанна и тихо-тихо поплыло къ столицѣ. На берегу ожидала св. мощи другая несмѣтная толпа: весь Константинополь со дворомъ во главѣ былъ на пристани. Отсюда мощи были перенесены въ церковь св. Апостоловъ, въ которой и остались. Народъ и царское семейство преклонились предъ св. мощами со словами молитвы, прощенія и слезами. Св. Прокль обратилъ ликъ св. Іоанна къ народу; онъ возопилъ: „Святѣйшій отецъ! Займи свой престолъ“. Нѣкоторые, болѣе чистыя души, услышали его тихое, какъ легкое вѣяніе вѣтра, привѣтствіе: „миръ вамъ“. Такъ успокоились „сильныя волны“, утихла „жестокая буря!“ „Благословенъ Богъ!“ сказали бы уста св. Іоанна при жизни. Воистинну „слава Богу за все!“ Какъ бы ни волновали страсти людскія „крѣпкій корабль Іисусовъ“, онъ достигнетъ своей пристани! И намъ, христіанамъ, не твердимъ вѣрой въ Промыслъ Божій, эту истицу нужно твердо всегда помнить! Слава же Богу, давшему Златоусту крѣпость духа! Слава Вѣнчавшему его вѣнцомъ нетлѣннымъ!

Теперь мощи св. Иоанна покоятся въ Римѣ, куда они были перенесены при разореніи Константинополя латинянами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О твореніяхъ *) св. Иоанна Златоуста.

«Не знать столь прекрасныхъ твореній тоже значить, что не видѣть солнца въ самый полдень». Прен. Исидоръ Пелусіотъ о твореніяхъ св. Иоанна Златоуста.

Прослуживъ Церкви Христовой беззавѣтно всю жизнь, Златоустъ оставилъ ей богатое наслѣдство. Это — его дивныя творенія. Но намъ, отдѣленнымъ отъ св. Иоанна четырнадцатью столѣтіями, трудно разобратъся въ этомъ богатствѣ премудрости и вѣдѣнія духовнаго.

*) Нѣсколько словъ объ изданіяхъ твореній Златоуста и о русской литературѣ, посвященной обзору его жизни и твореній. Творенія Златоуста были изданы Дудеемъ (1609—1633 гг.), Савиліемъ (1612 г.) и Монфокономъ. Последнее изданіе наиболѣе полное; оно перешло съ исправленіями въ патрологію Миня, въ которой состоитъ изъ 13 томовъ. Творенія Златоуста переводились на разныя языки. Полный переводъ твореній св. Иоанна существуетъ на французскомъ языкѣ. Русскій переводъ твореній Златоуста, составлявшихъ любимое чтеніе нашихъ предковъ, по частямъ началъ появляться съ XI вѣка прежде на славянскомъ нарѣчій, а потомъ и въ русскомъ текстѣ. Съ 1894 года Петербургская Духовная Академія предприняла полное изданіе твореній Златоуста, имѣющее состоять изъ 12 томовъ по 2 части въ каждомъ. Честь и слава академической корпораціи, непожатѣвшей ученыхъ силъ своихъ на удовлетвореніе одной изъ насущныхъ потребностей русскаго народа.

Русская литература о Златоустѣ достаточно обширна. Извѣстны: «Жизнь св. Иоанна Златоуста», изданная въ Москвѣ въ 1860 году, «Жизнь св. Иоанна Златоуста», помѣщенная въ «Приб. къ Твор. свв. отцовъ», 1855—1857 гг., «Жизнь св. Иоанна Златоуста», написан-

Нѣтъ прежде всего точной, такъ сказать, описи этому наслѣдству. Никто изъ современниковъ св. Іоанна не позаботился собрать все его сочиненія и сохранить ихъ въ надежныхъ рукахъ. Да это, скажемъ въ извиненіе современниковъ, весьма трудно было сдѣлать тогда, какъ теперь совсѣмъ невозможно.

Въ Златоустѣ мы прежде всего дивимся необыкновеннѣйшей плодовитости его ума и сердца. „Никто кромѣ Бога—говоритъ Свидя—не знаетъ, сколько всего написалъ Златоустъ“. Но и того, сколько дошло до насъ чрезъ 14-ть вѣковъ, вполне достаточно для изученія въ теченіе цѣлой жизни. И находились любители письменности св. Іоанна—онъ вполне этого заслуживаетъ,—которые посвящали ея изученію всю свою жизнь. Творенія св. Іоанпа писаны имъ во время жизни въ пустынѣ, въ годы служенія родной Антиохіи и въ Константинополѣ.

Первымъ самымъ раннимъ христіанскимъ произведеніемъ св. Іоанна были два его „увѣщанія“, написан-

---

ная Лопухинимъ и помѣщенная въ введеніи къ I тому «Полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста», изд. С.-Петербургской Духовной Академіи. Въ «Бог. Вѣстн.» помѣщена статья Соколова: «Юношескіе годы св. Іоанна Златоуста и приготовленіе его къ пастырскому служенію» (1895 г. Сент. - Ноябрь). Въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» (за 1890 г. III, 1891 г. I—II, 1892 г. I—II) имѣется изслѣдованіе проф. Малышевскаго: «Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца и въ санѣ діакона и пресвитера». Въ «Христ. Чтеніи» извѣстны намъ двѣ статьи: 1) «Труды св. Іоанна Златоуста по устройству общественнаго богослуженія» (1849 г., I); 2) Златоустъ, какъ проповѣдникъ челоуѣколюбія и милостыни (1897 г., 1—2 кн.) и друг. Много облегчили намъ трудъ: 1) А. Филаретъ «Историческимъ ученіемъ объ отцахъ церкви»; 2) А. Тьерри, котораго образцовый трудъ озаглавленъ: «Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдокія», переводъ, Москва 1884 г., и 3) Фарраръ—сочиненіемъ: «Власть тьмы въ царствѣ свѣта», въ переводѣ А. Лопухина. Весь матеріалъ изъ христоманій: Поторжинскаго, Зарницкаго, Булгакова, Благоразумова и др. перешелъ въ нашъ сборникъ съ значительными прибавленіями.

няя къ другу „Теодору падшему“ во время подвижничества св. Иоанна въ пустынь (369 г.). Основной мыслию „увѣщаній“ было изображеніе суетности міра съ его прелестями, на время увлекшими друга. Эта „проба пера“ удалась св. Иоанну: иноки пустыни зачитывались первымъ трудомъ юнаго Иоанна, радуясь благодати слова, въ немъ открывшейся. Скоро „сокрушенные и опечаленные своими грѣхами“ могли утѣшаться сладостію надежды на спасеніе, разлитой въ новомъ лучшемъ произведеніи св. Иоанна—двухъ словахъ „о сокрушеніи“: это сочиненіе установило писательскую извѣстность св. Иоанна. Писанія его удовлетворяли самымъ строгимъ требованіямъ; читатели-иноки уже воспитали въ себѣ увѣренность, что всякое произведеніе св. Иоанна будетъ прекрасно.

Наступившія гоненія на монаховъ отъ императора Валента побудили св. Иоанна стать мужественнымъ защитникомъ гонимыхъ. Защита монаховъ выполнена имъ въ трехъ словахъ, написанныхъ около 376 года. Литературная извѣстность св. Иоанна возросла послѣ сихъ и подобныхъ опытовъ настолько, что его собирались поставить епископомъ, но избранникъ бѣжалъ.

Это событіе взволновало смиренную душу св. Иоанна многоразличными мыслями „о священствѣ“, которыя онъ и изложилъ въ небольшомъ дивномъ твореніи сего имени. Св. Иоаннъ оправдываетъ въ немъ свое бѣгство указаніемъ на высоту, важность и трудность священническаго сана и свою къ нему неподготовленность. Сочиненіе наполнено мыслями, которыя въ теченіе 14 вѣковъ не устарѣли и побуждаютъ пастырей дорожить правами и обязанностями своего высокаго званія, а пасомыхъ—читать пастырей, иногда недостойныхъ, за высоту и трудность священническаго смиренія, почти непосильную грѣшному человѣку. „Древность не представляетъ ничего подобнаго сему произведенію“. „Нѣтъ такой души, которая, читая его, не воспламенилась-бы

божественною любовью“ *) — говорилъ преп. Исидоръ Пелусіотъ.

Книги „о дѣвствѣ“ и „къ молодой вдовѣ“ написаны св. Іоанномъ, кажется, до принятія пресвитерскаго сана.

Съ полученіемъ священной благодати св. Іоаннъ сталъ исключительно проповѣдникомъ слова Божія. Проповѣдничество св. Іоанна стяжало ему славу, кою онъ пользуется четырнадцать столѣтій и она будетъ возрастать все болѣе и болѣе, ибо христіанскій міръ не явилъ человѣка, подобнаго св. Іоанну.

Потомство не уступало въ похвалахъ св. Іоанну, какъ проповѣднику, его современникамъ. Его называли „величайшимъ свѣтильникомъ міра, вселенскимъ учителемъ, свѣтомъ истины, трубой Христовой, мудрымъ истолкователемъ божественныхъ тайнъ, окомъ церкви византійской и всѣхъ церквей“ **) и пр. Названіе Златоустаго утвердилось за нимъ на вѣки.

Проповѣди св. Іоанна часто вызывали у слушателей слезы и рыданія—лучшее свидѣтельство ихъ высокаго качества, а иногда—непріятныя ему рукоплесканія. Эти блестящіе успѣхи приходились на долю св. Іоанна потому, что онъ былъ отличный психологъ. „Сердце человеческое не было для него недоступною бездною; онъ зналъ, онъ умѣлъ проникать во всѣ сокровенности его, раскрывать самые затаенные его изгибы“ ***).

Проповѣди антиохійскаго періода, говорятъ, лучше и выше проповѣдей константинопольскаго происхожденія. Но мы думаемъ, что оцѣнить сравнительное достоинство проповѣдей св. Іоанна столь-же трудно, сколь не легко изъ массы алмазовъ и брилліантовъ, ослѣпляющей глаза, выбрать самые лучшіе. Краснорѣчіе св. Іоанна неопишимо: „говорить краснорѣчиво для Златоустаго было

*) А. Филаретъ, II, 320.

**) А. Филаретъ, II, 305, 321.

***) Жизнь св. Іоанна Златоуста. Москва, 1860 г., 220 стр.

тоже, что просто говорить“ *). Почти невозможно соединить ясность рѣчи и глубину мысли такъ удачно, какъ это дѣлалъ дивный геній св. Іоанна. Кажется, справедливо замѣчаютъ, что проповѣди св. Іоанна, сказанныя безъ приготовленія, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, лучше его обыкновенныхъ проповѣдей. Это замѣчаніе—новое свидѣтельство о необыкновенномъ проповѣдническомъ дарѣ св. Іоанна.

Бесѣды „о статуяхъ“, слово о Евтропіи, „о нищихъ“, предъ удаленіемъ изъ столицы и по возвращеніи въ нее, третья похвала св. Павлу—образцы краснорѣчія св. Іоанна. Онъ рѣдко записывалъ свои проповѣди прежде произнесенія. За нимъ записывали другіе почти съ буквальной точностью. А Златоустъ сочинялъ проповѣди въ моментъ ея произнесенія, чѣмъ еще болѣе поднимается въ нашемъ мнѣніи личность св. Іоанна, какъ оратора. Рѣчь проповѣдника движется легко и свободно. Примѣры изъ бібліи, изъ жизни свв. отцевъ и мучениковъ, иногда даже изъ исторіи греко-римскаго міра, сравненія, уподобленія, вопросы для возбужденія вниманія въ слушателяхъ чередуются и въ обиліи находятся во всѣхъ проповѣдяхъ св. Іоанна. Ихъ цѣль—быть какъ можно болѣе понятнымъ слушателямъ, возбудить ихъ волю и чувство къ исполненію заповѣдей Христовыхъ. Все это показываетъ, что св. Іоаннъ былъ, такъ сказать, поэтъ въ душѣ и проповѣди. Поэтично, напр., его сравненіе церковнаго собранія съ волнующимся моремъ и нивой. „Какъ,—говорилъ св. Іоаннъ,—пріятны для насъ волны этого духовнаго моря,—пріятнѣе и волнъ морскихъ! Ибо тѣ воздвигаются возмущеніемъ вѣтровъ, а эти желаніемъ слышать поученіе; тѣ, воздымаясь, приводятъ кормчаго въ великій страхъ, а эти, появляясь, влагаютъ въ говорящаго великое дерзновеніе. Тѣ суть знакъ ярящагося моря, а эти признакъ

*) А. Филаретъ, II, 310.

души радостной; тѣ, ударясь о камни, производятъ глухой шумъ, а эти, приражаясь слову ученія, издають пріятный звукъ. Равнымъ образомъ и дуновение легкаго вѣтра, когда онъ падаетъ на нивы и то приклоняетъ къ землѣ, то поднимаетъ вверхъ головки колосевъ,—представляетъ на сушѣ подобіе морскихъ волнъ. Но и тѣхъ нивъ пріятнѣе эта нива: потому что не дуновение вѣтерка, а благодать Св. Духа возбудила и согрѣла души ваши“. Св. Іоаннъ часто пользовался самыми маловажными обстоятельствами для уясненія церковнаго ученія. Однажды онъ произносилъ проповѣдь. Слуга церковный сталъ зажигать лампы. Слушатели заглядѣлись на зажигающаго лампы, чѣмъ и вызвали упреки со стороны проповѣдника. „Мы говоримъ вамъ о Писаніи, а вы, отведши глаза отъ насъ, устремили ихъ на лампы и на зажигающаго лампы. Какая это небрежность, оставивъ насъ, смотрѣть на этого человѣка! И я зажигаю огонь отъ Писанія, и на языкъ нашемъ горитъ свѣтильникъ ученія. Этотъ свѣтъ важнѣе и лучше того свѣта; мы зажигаемъ не свѣтильню, увлажненную масломъ, какъ этотъ человѣкъ, но воспламеняемъ любовь къ слушанію души, увлажасмыя благочестіемъ“.

Вообще всѣ богатія дарованія своего ума и сердца св. Іоаннъ вложилъ въ дѣло служенія проповѣди, стараясь лишь быть простымъ, понятнымъ и назидательнымъ для слушателей.

Въ Антиохіи св. Іоанномъ составлено было краткое обзорѣніе содержанія книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, истолкованы книги: Бытія (въ 386 году), псалтирь (не вся), Іова, часть пр. Исаіи и нѣкоторыхъ другихъ большихъ и малыхъ пророковъ, сказаны бесѣды объ Іовѣ, объ Аніѣ и Самуилѣ, Давидѣ и Саулѣ, Маккавеяхъ, „о темнотѣ пророчествъ“, объяснены Евангелія отъ Матвея, отъ Іоанна, Дѣянія Апостольскія, посланія св. ап. Павла къ Римлянамъ, Коринѳянамъ, Галатамъ, Ефесеямъ, Тимофею, Титу (остальные посланія объяснены

съ константинопольской кафедры), написаны слова и бесѣды на дни Рождества Христова, Богоявленія, Пасхи, Вознесенія, Пятидесятницы, Воздвиженія Креста Господня, св. Четырдесятницы (и страстной седмицы), въ дни памяти святыхъ мучениковъ, особенно чтимыхъ въ Антиохіи, сказаны слова противъ іудеевъ, язычниковъ и еретиковъ, потомъ продолженныя въ Константинополь, о покаяніи и др.

Константинопольская кафедра огласилась толкованіями на посланія къ Колоссянамъ, Филипписеямъ, Солунянамъ, Евреямъ и знаменитыми проповѣдями, сказанными по случаю выдающихся обстоятельствъ жизни св. церкви и св. Іоанна.

Изъ всей массы произведеній св. Іоанна до насъ дошло только 804 бесѣды и нѣсколько сочиненій, вѣроятно, столько-же, если не болѣе бесѣдъ утеряно, а многія искажены, влѣдствіе чего принадлежность ихъ св. Іоанну сдѣлалась сомнительной.

Какъ видимъ, св. Іоаннъ Златоустъ объяснилъ почти все Священное Писаніе Новаго Завѣта и весьма многое изъ книгъ Ветхозавѣтныхъ. Новозавѣтныя толкованія св. Іоанна выше Ветхозавѣтныхъ, потому что для толкованія рѣченій Ветхаго Завѣта потребны были прежде всего отличныя знанія еврейскаго языка, которыми св. Іоаннъ не владѣлъ, а толкованія его по Новому Завѣту справедливо считаются образцовыми, потому что греческій языкъ, на которомъ онъ написанъ, св. Златоустъ зналъ отлично, обладая всею массою греческой учености.

Сильная любовь св. Іоанна къ толкованію Слова Божія объясняется глубокимъ значеніемъ послѣдняго для христіанина. „Великое огражденіе противъ грѣха чтеніе Писаній, великая бѣда, глубокая бездна—незнаніе Писанія, великая погибель—ничего не знать изъ Слова Божія; это-то породило ереси, это-то ввело жизнь развратную, это-то поставило все вверхъ дномъ“.

Св. Іоаннъ любилъ объяснять Священное Писаніе въ своихъ вдохновенныхъ проповѣдяхъ, изъ которыхъ каждая раздѣляется на двѣ части. Первая излагаетъ истолкованіе текста, а другая объясняетъ, какъ приложить Священное Писаніе къ жизни, какъ осуществить то, что заповѣдуетъ Писаніе. Такимъ образомъ св. Іоаннъ въ своихъ истолковательныхъ проповѣдяхъ представляетъ намъ обильнѣйшій матеріалъ для нравственнаго назиданія и построенія жизни по правиламъ Слова Божія. Толкованія Св. Писанія, принадлежація св. Іоанну, отличаются ясностію, доступностію для каждаго, внимательнаго къ слову Божію. Св. Іоаннъ давалъ буквальное объясненіе всему Писанію и лишь въ нѣкоторыхъ необходимыхъ случаяхъ отыскивалъ смыслъ переносный, иносказательный. Для уразумѣнія прямого смысла извѣстнаго мѣста св. Іоаннъ обращалъ должное вниманіе на связь мыслей, на общую цѣль, которой подчинена вся священная книга, для чего иногда сравнивалъ переводы Священнаго Писанія, толковалъ еврейское реченіе помощью греческаго текста и т. д. Св. Іоаннъ осторожно относился къ пророческому значенію Ветхозавѣтныхъ Писаній, имѣя въ виду „темноту пророчествъ“, въ нихъ заключавшихся.

Изъ образцовыхъ толкованій священнаго Писанія Новаго Завѣта лучшее—объясненіе св. Евангелія отъ Матфея. Оно — антиохійскаго происхожденія и уже при жизни толковника переведено было на другіе языки. О толкованіяхъ Павловыхъ посланій говорятъ, что самъ „св. учитель языковъ“ Павелъ, являвшійся въ видѣніяхъ неоднократно своему истолкователю, научалъ и вдохновлялъ его въ многотрудной работѣ. „Еслибы св. Павелъ захотѣлъ языкомъ греческимъ объяснить себя самого, то онъ не иначе сталъ бы толковать, какъ толковалъ св. Златоустъ знаменитый“ *) (Исидоръ Пелу-

---

*) А. Филаретъ, II, 329.

сіють). Что можетъ быть выше сеі похвалы, впрочемъ совершенно заслуженной? Посланія къ Римлянамъ и Галатамъ объяснены св. Іоанномъ лучше другихъ посланій *). „Наибольшую помощію св. Іоанну были его святое настроеніе, добрая жизнь, благоговѣніе и чистое разумѣніе христіанскаго ученія, а отсюда его способность мыслию и сердцемъ воспринимать смыслъ Слова Божія, воспринимать высшее озареніе благодати, отверзавшей ему умъ разумѣти Писанія, и вводитъ другихъ въ разумѣніе его“ **).

На первомъ мѣстѣ въ истолковательныхъ бесѣдахъ св. Златоуста, въ проповѣдяхъ его противъ язычнковъ, іудеевъ, еретиковъ, стоитъ, конечно, догматическое ученіе, какъ основа и корень нравственнаго ученія. Но догматическія сочиненія св. Іоанна послѣ опроверженій аріанства св. отцами Церкви: Афанасіемъ Александрійскимъ, Василиемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ для насъ уже не имѣютъ всѣхъ прелестей новизны содержанія, хотя для современниковъ Златоуста они были тѣмъ же въ Антіохіи, чѣмъ творенія св. Афанасія—въ Александріи, Григорія Богослова въ Константинополѣ, Василія Великаго въ Кесаріи, т. е. пробнымъ камнемъ для православнаго богословія, ибо отличались (догматическія сочиненія св. Іоанна) всѣми лучшими достоинствами твореній св. Іоанна.

Златоустъ—главнымъ образомъ учитель нравственности. Сущность нравственнаго ученія св. Іоаннъ полагалъ въ любви къ Богу и ближнему. Онъ по преимуществу проповѣдникъ любви во всѣхъ ея многообразныхъ видахъ. „Началомъ и концомъ, корнемъ и верхомъ, полнотой и содержаніемъ добродѣтели Златоустъ считалъ любовь къ Богу, соединенную съ любовью къ

*) Малышевскій, «Труды», 1891 г., I, 305.

***) Отъ его толкованія на посл. къ Евреямъ остались лишь братскія записки, несомнѣнно, впрочемъ, подлинныя.

ближнему“ *). По его ученію, высшій и единственный предметъ любви человѣка на землѣ — Богъ любви, всепрощенія и милосердія. „Кто воспламеняется любовью къ Богу, тотъ уже не хочетъ болѣе смотрѣть на предметы, подлежащіе зрѣнію тѣлесному, но, имѣя у себя другія очи, очи вѣры, постоянно устремляетъ умъ свой къ небеснымъ предметамъ, ихъ созерцаетъ, и, ходя по землѣ, дѣлаетъ все такъ, какъ бы жилъ на небѣ, не встрѣчая ни въ чемъ человѣческомъ препятствія къ подвигамъ добродѣтели.“

Христіанинъ по пламенной любви къ Богу всегда изливаетъ всѣ чувствованія свои предъ нимъ въ молитвѣ, ибо „она есть союзъ любви съ Богомъ, бесѣда съ Нимъ“. На вопросъ: можетъ ли Богъ даровать намъ благо безъ нашей просьбы, Ему извѣстной по всевѣднiю Божественному—Златоустъ отвѣтилъ, что „Богъ можетъ подать намъ и прежде прошенія нашего, но Онъ потому ожидаетъ нашего прошенія, чтобы имѣть случай праведно удостоить насъ Своего промысленія“. Посему „не переставай,—говоритъ святитель,—просить, пока не получишь, конецъ молитвы—полученіе просямаго. Тогда перестань, когда получишь, или лучше и тогда не переставай, но пребывай въ молитвѣ. Если ты не получилъ, то молись, чтобы получить; если же получилъ, то благодари за то, что получилъ“. Прекрасно св. Іоаннъ развиваетъ мысль о дѣйственности всецерковной молитвы. „Какъ пристань (при морѣ), защищенная отъ вѣтровъ и волнъ, даетъ полную безопасность входящимъ въ нее судамъ: такъ и домъ Божій, какъ бы исторгая входящихъ въ него изъ бури мірскихъ дѣлъ, даетъ имъ стоять спокойно и безопасно, и слушать Слово Божіе. Храмъ—есть школа добродѣтели, училище любомудрія не только во время службы, но и раньше и послѣ нея... Войди въ преддверіе и какъ бы вѣтерокъ

---

*) А. Филаретъ, II, 314.

какой-то духовный повѣтъ на твою душу. Эта тишина внушаетъ страхъ и учитъ любомудрію; возбуждаетъ умъ, и не даетъ помнить о настоящемъ, но переносить тебя съ земли на небо. Если же такъ полезно быть здѣсь и безъ собранія, то какую пользу получаютъ здѣсь присутствующіе и какую потерю несутъ отсутствующіе тогда, когда пророки возглашаютъ, когда апостолы благовѣствуютъ, когда Христосъ стоитъ посреди, когда Отецъ одобряетъ происходящее здѣсь, когда Духъ Святыи общаетъ свою радость?“ Златоустъ цѣнитъ и домашнюю молитву. „Нѣтъ ничего прекраснѣе жилища, въ которомъ совершаются молитвы“ всѣми его членами вмѣстѣ.

Изъ любви къ Богу вытекаетъ любовь къ ближнимъ, Златоустомъ называемая „матерію всѣхъ благъ и совершительницей всякой добродѣтели“. „Всякое благое дѣло,—говоритъ св. Іоаннъ,—есть плодъ любви“.

„Любовь, по Златоусту, есть великая наставница, она можетъ выводить людей изъ заблужденія, преобразовать сердце, руководствовать къ любомудрію и изъ камней дѣлать людей. Если хочешь испытать ея силу, приведи ко мнѣ дикаго, который боится всякаго шума, пугается тѣни, человѣка вспыльчиваго, свирѣпаго, похожаго болѣе на звѣря, чѣмъ на человѣка, сладострастнаго, распутнаго, словомъ—человѣка со всѣми пороками; отдай его въ руки любви, введи въ ея училище и скоро увидишь, что дикій и не смѣлый сдѣлается человѣкомъ мужественнымъ, великодушнымъ, отважнымъ на все“. Но самый благой плодъ любви къ ближнимъ, по ученію св. Златоуста, есть человѣколюбіе и милостыня. Въ ученіи св. Іоанна обѣ сіи добродѣтели являются лишь другими именами той-же любви. И неподражаемо-краснорѣчивый Златоустъ умѣлъ одушевлять христіанъ на подвиги человѣколюбія и милостыни. Кажется, ни о чемъ онъ такъ часто не говорилъ, какъ о необходимости благоуукрашаться сими добродѣтелями, коими мы уподобляемъ себя милосердому Христу, принимающему наши подая-

нія изъ рукъ бѣдныхъ, больныхъ, обездоленныхъ и т. д.; кажется, ничего такъ часто не обличалъ Златоустъ, какъ скупость, жадность къ золоту, жестокость сердца богачей. „Богъ предалъ за тебя, — говорилъ однажды св. Іоаннъ имъ, — Своего Сына, а ты не даешь и куска хлѣба этому Сыну, который былъ преданъ и закланъ за тебя? Отецъ безъ колебанья предалъ Его за тебя, хотя Онъ истинно Его Сынъ, а ты оставляешь умирать Его съ голода, хотя даже и то, что бы ты далъ Ему, происходитъ отъ Него, и ты далъ бы это ради твоей собственной пользы. Можетъ ли быть нечестіе больше этого? Онъ распятъ ради тебя, Онъ умеръ за тебя, Онъ терпитъ голодъ ради тебя; ты далъ бы Ему только то, что принадлежитъ Ему и притомъ ради твоей собственной пользы и ты отказываешь дать это? Не жестче ли камня тѣ, которые, увлекаемые столькими побужденіями быть добрыми, продолжаютъ упорствовать въ этомъ „дѣвольскомъ безчеловѣчїи“? Для Иисуса Христа недостаточно того, что Онъ умеръ на позорномъ деревѣ: Онъ хотеть быть бѣднымъ, нагимъ, странникомъ, Онъ хотеть быть узникомъ и больнымъ, чтобы прїобрѣсть тебя по крайней мѣрѣ этимъ. Если ты, говоритъ Онъ, не отзываешься на Мою любовь, то сжался надъ Моею бѣдностью. Если ты нечувствителенъ къ Моей бѣдности, не будь такимъ къ Моимъ болѣзнямъ и къ Моей темницѣ. Если бѣдствія, которыя терплю Я, не могутъ смягчить твоего сердца, поразсуди, какъ малаго Я требую, и не отказывай. Я не требую отъ тебя какой-нибудь чрезмѣрной щедрости, а только хлѣба, крова, утѣшенія въ нѣсколькихъ словахъ. Если ты все еще безжалостенъ, то сдѣлайся человѣчнѣе при мысли о царствѣ небесномъ, о наградахъ, которыя обѣщаю Я. Если все это не дѣйствуетъ на тебя, то сжался при видѣ Меня нагимъ, припоминая Мою наготу на крестѣ. Я былъ нагъ, и нагъ еще и теперь; Я былъ узникомъ, и таковъ еще и теперь. Пусть то или другое состояніе подѣйствуютъ на твою

душу. Ради тебя терпѣлъ Я голодь, и терплю его еще и теперь. Я жаждалъ на Голгоѣѣ, и жажду въ лицѣ бѣдныхъ, дабы Мои прошлыя бѣдствія и бѣдствія настоящія привлекли тебя ко Мнѣ и умилосердили тебя ради твоего же собственнаго спасенія. Хотя бы ты обязанъ былъ Мнѣ тысячью благодареній. Я не долга требую отъ тебя, а вѣнецъ предлагаю тебѣ: Я обѣщаю тебѣ небо за скромную милостыню. Я не говорю тебѣ: избавь Меня отъ бѣдности, отдай Мнѣ твои богатства, хотя Я и бѣденъ, то ради тебя; Я прошу у тебя только немного хлѣба, одежды, пособія въ своей бѣдственности. Будучи узникомъ, Я не прошу тебя разбить Мои оковы, но посѣтить того, кто связанъ ради тебя; Я удовольствуюсь этимъ благодареніемъ, за которое обѣщаю тебѣ небо. Я разрушилъ твои цѣпи, самыя тяжелыя изъ цѣпей; замѣнь этого Мнѣ достаточно, если ты придешь посѣтить Меня въ темницѣ. Я могъ бы и безъ всего этого увѣнчать тебя, но Я хочу быть твоимъ должникомъ, дабы, получая вѣнецъ, ты имѣлъ удовлетвореніе въ томъ, что онъ заслуженъ тобою. Вотъ почему, Самъ имѣя возможность питать Себя, Я выпрашиваю себѣ пропитаніе. Вотъ почему Я стою у твоихъ дверей, протягиваю руку и прошу помочь Мнѣ, ибо Я люблю тебя. Я люблю столъ, какъ это въ обычаѣ у друзей; Я отлагаю мою славу, чтобы принять отъ тебя Свой хлѣбъ; скажу передъ всею землею, возвѣщу всемъ людямъ, что ты именно утолил Мой голодь. Мы стыдимся жить на счетъ другихъ; мы скрываемъ благодареніе, которое получено нами. Иисусъ Христосъ, напротивъ, любить насъ настолько, что когда даже мы тайно подаемъ милостыню, Онъ повсюду возвѣщаетъ о ней съ великими похвалами и не стыдится сказать, что Онъ былъ нагъ и мы одѣли Его, былъ голоденъ и мы напители Его“.

Этотъ отрывокъ составляетъ часть одной изъ восторженныхъ бесѣдъ Златоустаго о „царицѣ добродѣтелей“ — милостынѣ, вызвавшей громъ рукоплесканій со стороны

слушателей. Но проповѣдникъ ихъ отвергъ. „Къ чему мнѣ,—восклицаетъ онъ,—эти клики и весь этотъ шумъ? Одного только прошу я у васъ—примѣра добрыхъ дѣлъ, вашей внимательности, доказываемой дѣлами. Вотъ что для меня лучше прекраснѣйшей діадимы. Постарася же получить эту діадиму отъ руки бѣдныхъ“ *).

На ученіи о любви къ Богу и ближнимъ св. Іоаннъ построилъ цѣлую систему нравственнаго ученія, для котораго творенія его представляютъ богатѣйшій матеріалъ. Св. Іоаннъ, какъ мы знаемъ изъ исторіи жизни его, училъ терпѣнію, сокрушенію о грѣхахъ, смиренномудрію, милосердію; обличалъ гордость, самонадѣянность, страсть къ зрѣлищамъ, къ злословію и пересудамъ, къ клятвѣ и т. д.

Источникомъ нравственнаго ученія св. Іоаннъ признавалъ лишь Священное Писаніе, а философіи отводилъ весьма малое мѣсто. Св. Іоаннъ не любилъ обосновывать нравственной истины на началахъ разума, но для уясненія ея всегда старался отыскивать прямой смыслъ священнаго Писанія, понять заключающіяся въ немъ мысли и изложить ихъ просто и общедоступно. Эти особенности въ толкованіи Писанія и въ изложеніи нравственнаго ученія были воспитаны въ Златоустѣ Діодоромъ, котораго самъ онъ называлъ своимъ „отцемъ и учителемъ“, и Флавіаномъ. Оба они вмѣстѣ съ Златоустомъ были лучшими представителями Антиохійской богословской школы, въ которой одновременно съ толкованіемъ священнаго Писанія обращалось главное вниманіе учениковъ на вопросы нравственно аскетическіе и самое толкованіе велось по методу, который должно назвать практическимъ, и который мало давалъ простора для тонкостей умозрѣнія и разсужденій философскихъ. Въ противоположность Аѳанасію Великому, Григорію

---

*) Изъ статьи о св. Златоустѣ А. Лопухина (Христ. Чтеніе, 1897 г., Февраль, 246—247).

Богослову и Василию Великому, разработавшимъ догматику христіанства, св. Іоаннъ Златоустъ выставилъ на видъ нравственный смыслъ Писанія, его руководящее значеніе въ жизни. Если тѣ великіе отцы изучали Писаніе главнымъ образомъ съ той цѣлью, чтобы вывести изъ него основы вѣры, то Златоустъ день и ночь читалъ его для того, чтобы на его основаніи возвести стройное зданіе христіанской нравственности.

Св. Іоаннъ не мало потрудился въ устроеніи богослуженія, о благолѣпіи котораго онъ всегда заботился съ ревностію, достойной сего великаго дѣла. Немного послѣ того, какъ св. Василій Великій сократилъ чинъ древней литургіи, св. Іоаннъ Златоустъ сократилъ литургію св. Василія Великаго, быстро вошедшую на Востокъ во всеобщее употребленіе, но константинопольскимъ христіанамъ казавшуюся слишкомъ продолжительной. Они не могли выстаивать всей литургіи, и уходили, не дослушавъ ее до конца, почему подвергались упрекамъ со стороны св. Іоанна. Чтобы отнять у христіанъ всякій поводъ къ лѣности, св. Іоаннъ сократилъ Василіеву литургію и сдѣлалъ это трудное дѣло не менѣе удачно, чѣмъ св. Василій Великій. Впослѣдствіи Златоустова литургія дополнилась многими пѣснопѣніями, каковы: пѣснь „Единородный Сыне“, „блаженны“, „трисвятое“, „Херувимская пѣснь“ и молитва, ее поясняющая, „Достойно есть“, „Да исполнятся уста наша“, — такъ что литургія св. Іоанна по объему теперь едва-ли меньше Василіевой. Исторія жизни св. Іоанна показываетъ намъ, что имъ устраиваемы были впервые крестные ходы и всенощныя бдѣнія. Онъ составлялъ церковные гимны для нихъ, изливая въ нихъ свою высокорелигіозную поэтически настроенную душу, писалъ молитвы и пр. Изъ молитвъ, составленныхъ св. Іоанномъ, извѣстны молитвы предъ припѣтіемъ св. Троицы (въ ихъ числѣ: „вѣрую, Господи, и исповѣдую“...), при крещеніи, при погребеніи („Боже

духовъ и всякія плоти“), нѣкоторыя изъ вечернихъ („Господи, въ покаяніи пріими мя“—особенно прекрасная молитва) и др. Св. Іоанну Константинопольскому именно обязана древне-церковная нѣснь—славословіе „слава Отцу и Сыну и Святому Духу...“ тѣмъ, что съ его времени нѣснь сія стала входить въ составъ каждаго богослуженія, стала прішѣвомъ въ концѣ почти каждой молитвы; теперь она внятно поучаетъ самой высокой тайнѣ (истинѣ единосущія св. Троицы) и простыя сердца“ *).

Наконѣцъ св. Іоаннъ Златоустъ извѣстенъ своими письмами къ Олимпіадѣ. Всѣ писатели самаго высокаго мнѣнія объ этихъ письмахъ. „Ни одно философское произведеніе древности не кажется мнѣ, — говоритъ Тьерри **),—болѣе достойнымъ такого искренняго удивленія, какъ вся совокупность небольшихъ сочиненій въ формѣ писемъ и разсужденій, обращенныхъ Златоустомъ къ Олимпіадѣ изъ ссылки... Изъ писемъ видно, что часть ихъ писана во время путевыхъ остановокъ, подъ кровлями, открытыми всякимъ перемѣнамъ погоды, урывками въ минуты остановокъ, которыя давались ему для сна: другіе—въ дикихъ пустыняхъ, частію въ Кукузѣ подъ страхомъ псаврянъ, частію въ Арависсѣ среди вѣчныхъ снѣговъ. Въ этомъ ужаснѣйшемъ изъ изгнаній не было такого страданія, горечи котораго не испилъ бы св. Іоаннъ до дна, каплей по каплѣ, -- и въ тоже самое время онъ утѣшаетъ другихъ, а о себѣ говоритъ: „изгнаніе—ничто“, показывая это и самымъ дѣломъ ***). А Олимпіадѣ утѣшеніе было необходимо: она была удручена свыше мѣры, говоря: „не услышу я болѣе голоса Божія изъ этихъ золотыхъ устъ, его лучшихъ толкователей“. Доказавъ ей, что „есть одно только зло—

---

*) Христ. Чт. 1849, I, 100.

**) 334 стр.

***) Тьерри, 335.

грѣхъ, и нѣтъ другаго блага кромѣ добродѣтели“ *), Златоустъ выясняетъ, „что въ борьбѣ духъ человѣческій укрѣпляется самыми испытаніями, которыя онъ претерпѣваетъ. Такова природа скорбей: онѣ возносятъ превыше всѣхъ страданій тѣхъ, кто ихъ испытываетъ спокойно и великодушно. Деревья, вырастающія въ тѣни, лишены крѣпости и становятся неспособны производить плоды; тѣ же, которые предоставлены всѣмъ переменамъ воздуха, порывамъ вѣтра, лучамъ солнца,—полны силы, одѣваются листьями и покрываются плодами...“ *) и далѣе совѣтуетъ: „не допуская себя до отчаянія, оживи мысли другихъ, научи ихъ презирать пустыя тѣни, призраки ночи, мечты, грязь, ими похищаемую; научи ихъ презирать этотъ дымъ летучій, не смотрѣть на паутину, какъ на дѣйствительное препятствіе; научи проходить, не останавливаясь предъ травой, готовой истрѣбть,—ибо что же другое, какъ не все это, наши земныя благополучія и бѣдствія?“. Да, такія письма, получаясь въ Константинопольскомъ лагерѣ сторонниковъ Іоанна, могли ободрить, подкрѣпить, закалить и обратить ихъ въ такую грозную твердыню угнетенной правды и невинности, что никакія волны торжествующей ненависти и злобы не были въ силахъ разшатать и уничтожить ее (твердыню)... Скучавшею разлукою съ св. Іоанномъ Олимпіадѣ онъ совѣтовалъ поучаться изъ его твореній.

Св. Іоаннъ Златоустъ, поставлявшій одною изъ цѣлей своего служенія Слову Божію воспитать въ слушателяхъ любовь къ Богу и ближнему, самъ былъ образцомъ любви къ ближнимъ. Если онъ проповѣдывалъ дважды въ недѣлю, каждый день, въ день два раза, то потому, что пламенно любилъ своихъ пасомыхъ, желалъ имъ спасенія, старался быть поддержкой ихъ въ семь подвиговъ. Въ устахъ Златоуста обычные термины: „воз-

*) Тьерри, 342.

**) Ibid. 355.

любленный, ваша любовь, братья и сестры“ были „живыми отголосками любящей души“ *). „И недавно къ вамъ, и теперь къ вамъ говорю: о, если бы и всегда быть съ вами! А, впрочемъ, я и всегда съ вами, если и не тѣломъ, то силой любви: потому что для меня и нѣтъ другой жизни, кромѣ васъ и заботы о вашемъ спасеніи. Земледѣлецъ только и заботится, что о сѣменахъ и посѣвахъ, и кормчій о волнахъ и пристаняхъ: такъ и проповѣдникъ — о слушателяхъ и ихъ успѣхъ, какъ и я теперь. Поэтому и ношу всѣхъ васъ въ умѣ моемъ, не только здѣсь, но и дома. Хотя число народа и велико, а мѣра моего сердца мала, за то любовь обширна и не тѣсно вмѣщается въ насъ“. „Если бы не стали обвинять меня въ честолюбіи: ты каждый день видѣлъ бы, какъ проливаю я потоки слезъ. Вы все для меня... Если бы сердце мое, разорвавшись, могло открыться предъ вами: вы бы увидѣли, что вы всѣ тамъ просторно помѣщены“... А Филаретъ добавляетъ: „въ душѣ св. Іоанна была и нѣжная любовь любимаго ученика Христова (ап. Іоанна) и ревность учителя языковъ“ (ап. Павла).

Если слушатели платили любовью проповѣднику, слушали и исполняли его слово, то онъ не чувствовалъ труда учительства, потому что его облегчала польза слушанія. „Этой награды достаточно, чтобы ободрить насъ, и окрылить, и сдѣлать отважными, и убѣдить къ перенесенію за васъ всякаго труда“.

Если же пасомые оскорбляли чѣмъ-нибудь ревность и любовь къ себѣ Златоуста, онъ говорилъ: „Тѣмъ болѣе буду любить васъ, чѣмъ, болѣе любя, менѣе любимъ буду... Вѣдь быть ученикомъ Христовымъ и значить быть кроткимъ и незлобивымъ“. „Если ты тысячу разъ впалъ въ грѣхъ — иди ко мнѣ, — говоритъ Златоустъ, — и будешь исцѣленъ. И полный любви къ грѣшнику, расточалъ

---

*) Труды К. Д. Акад., 1892, II, 525.

предъ нимъ сокровища любви вѣчной, чтобы одушевить его любовію къ своему спасенію, чтобы побѣдить въ грѣшникѣ грѣхъ его“. Такое отношеніе къ грѣшнику понятно въ проповѣдникѣ любви. „Не столько ты,—говорилъ Златоустъ грѣшнику,—желаешь, чтобы прощены были тебѣ грѣхи, сколько Господь желаетъ простить грѣхи твои“.

Ради любви къ слушателямъ-пасомымъ св. Іоаннъ не давалъ себѣ достаточно отдыха, необходимаго для выздоровленія (онъ заболѣвалъ перѣдко), но, едва оправившись отъ страданій, спѣшилъ къ кафедрѣ.

„Не такъ горячка, — говорилъ онъ въ одномъ изъ сихъ случаевъ, — жжетъ, обыкновенно, тѣло одержимыхъ ею, какъ наши души — разлука съ любимыми, и какъ тѣ ищутъ чашъ и стакановъ и холодной воды, такъ эти лицъ любимыхъ: это хорошо знаютъ привыкшіе любить. Такъ вотъ, когда освободились мы отъ болѣзни, опять насытимся другъ другомъ, если только можно когда-нибудь насытиться; потому что любовь не знаетъ насыщенія, но постоянно наслаждаясь любимыми, болѣе и болѣе воспламеняется“. Послѣ болѣзни Златоустъ говорилъ болѣе обширныя бесѣды. „Молчавшая предъ тѣмъ душа проповѣдника изливается неудержимымъ потокомъ бесѣды, окрыляемой любовію“ *).

Духъ кротости и смиренномудрія, духъ молитвы и высшаго озаренія видѣнъ въ проповѣдяхъ Златоуста, въ силу чего онѣ неотразимо убѣдительно, составляя слѣдствіе всепроникающей ихъ любви къ паствѣ, тѣмъ болѣе, что пламенное слово свое проповѣдникъ осуществлялъ въ многотрудномъ своемъ пастырскомъ подвижѣ.

„Вотъ подсудимый,—пишетъ блаж. Феодоритъ,—называетъ его своимъ адвокатомъ; голодный проситъ пищи, нагой—одежды, больной—разуваетъ его... Тотъ тащитъ его посмотрѣть раны; вотъ должникъ обливается слезами, а

*) Труды, 1892. II, 525.

тамъ зовуть мирить домашнія ссоры и слуга бѣжить къ нему же объяснять горькую жалобу на господина. Вдова воиеть: умиловивись надо мной; другая оплакиваетъ сиротство свое. Тысяча дѣлъ у отца (св. Златоуста) и разныя отъ разныхъ *)—и всѣ Златоустъ умѣлъ удачно оканчивать. Имѣя столько заботъ, Златоустъ просилъ молитвъ о себѣ отъ своей паствы... „Молитесь за насъ. Хотя не великую и не удивительную пользу получаете вы отъ насъ, но „за санъ молитесь“. Вотъ сильное очертаніе личности св. Іоанна, какъ пастыря. „Есть-ли столь безчувственный человѣкъ, который не возблагодарилъ бы Провидѣніе, даровавшее міру столь блистательное свѣтило?“—закончимъ мы словами преп. Исидора Пелусіота.

Въ жизни св. Іоаннъ показалъ намъ „высоту смиренномудрія“, а въ словѣ — огненную свѣтлость благодати Христовой, „отъ небесъ пріятую“.

*) А. Филаретъ. II, 292--293.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ГЛАВА I. Рожденіе, семейное воспитаніе, образованіе и свѣтская жизнь св. Іоанна	1
ГЛАВА II. Крещеніе св. Іоанна, его жизнь въ пустынѣ, приготовленіе къ пастырству; служеніе въ санѣ діакона и пресвитера.	19
ГЛАВА III. Служеніе св. Іоанна въ званіи Константинопольскаго Архієпископа и Патріарха Востока . . .	43
ГЛАВА IV. Борьба св. Іоанна Златоуста съ врагами, его изгнаніе, смерть и прославленіе	67
ГЛАВА V. О твореніяхъ св. Іоанна Златоуста	98

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru